

ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

3

2007

ЧТО ТАКОЕ ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО?

В. В. МЕЛЬНИКОВ, кандидат биологических наук,
В. К. МЕЛЬНИКОВ, доктор сельскохозяйственных наук

Охотничье хозяйство — отрасль материального производства, часть экономики страны. Неграмотно и очень опасно отрицать само существование охотничьего хозяйства, что реально доминирует в законодательной практике и что совершенно сознательно делают некоторые специалисты. Тем самым отрицается наличие социально-экономических проблем в этой отрасли и необходимость их решения.

Мы вынуждены привести определения охотничьего хозяйства как отрасли и как предприятия, так как даже известные специалисты трактуют их произвольно. Совершенно очевидно, что «охотничье хозяйство как отрасль материального производства и как конкретная организационная форма (предприятие — хозяйство) ведения его — два различных понятия, и путать их недопустимо.

Охотничье хозяйство (отрасль экономики) — сфера материального производства, в процессе которого осуществляется воспроизводство и устойчивое пользование охотничьими животными для обеспечения потребности населения в охоте, иных связанных с ней услугах, продукции охотничьего хозяйства и иной сопутствующей продукции на основе сохранения и улучшения охотничьих угодий и учета интересов сельского и лесного хозяйства.

Охотничье хозяйство (охотхозяйственное предприятие) — организация, наделенная в установленном порядке охотничьими угодьями в конкретных границах и другими средствами производства (транспорт, постройками и сооружениями, в том числе специального назначения и т. д.), основной задачей которой является обеспечение потребности населения в охотхозяйственных услугах и продукции на основе воспроизводства охотничьих животных.

Разумеется, в деталях эти определения могут отличаться.

Хозяйственное использование охотничьих животных, в отличие от бесхозяйственного, предполагает разумное, бережное отношение к ним, умножение их численности экономически оправ-

данными методами, охрану. Те, кто отрицает охотничье хозяйство, **сознательно или бессознательно**, становятся защитниками бесхозяйственного отношения к охотничьим животным, чтобы они взамен ни предлагали, в том числе «управление их ресурсами». При бесхозяйственном использовании никакое управление ресурсами не поможет. Управление, и не только охотничьими животными, — это часть управления охотничьим хозяйством, и его можно осуществлять через организованных охотников, через хозяйство любых организационных форм. Никогда не следует забывать, что охотничье хозяйство, как и сельское хозяйство, создается и ведется ради людей, для удовлетворения их потребностей, а не ради козлов, баранов или других ресурсов. Поэтому любые меры, законы, принимаемые в самых благих целях, но не учитывающие интересы охотников, заведомо обречены на неудачу. То же самое относится к закону «Об охоте и охотничьем хозяйстве» и другим нормам права, регулирующим отношения между государством, пользователями угодий, охотниками или их объединениями. Если они непонятны рядовым охотникам, а их миллионы, то успеха они не обеспечат, так как именно охотникам, в первую очередь, исполнять их. Удовлетворить потребности охотников не в состоянии мифическое «управление ресурсами охотничьих животных и их развитием». Это может сделать только организованное охотничье хозяйство разного уровня интенсивности, определяемое потребностями и экономическими возможностями государства, охотников и их объединений. Правильное понимание соотношения социально-экономических проблем охотничьего хозяйства, роли и значения ресурсов охотничьих животных или природных ресурсов вообще определяет структуру, стратегию и функции и, следовательно, успешность управления ими. Не требуется доказывать, что одного без другого в развитом современном обществе быть не может, но делать акцент только на управлении ресурсами и «их развитии», забывая о том, что делать это можно только в границах рационального организованного охотничьего хозяйства, ошибочно.

Чем принципиально охота отличается от охотничьего хозяйства?

Охота — только один из производственных процессов современного охотничьего хозяйства. В чистом виде, свойственном для определенного этапа развития

человека, охота — только природопользование, архаичная, присваивающая природные ресурсы (дары природы) форма получения пищи, как и собирательство дикорастущих съедобных растений, моллюсков, рыболовство и т. д. Это примитивная стадия, и никакой заботы об охране, воспроизводстве охотничьих животных не проявляется. Речь идет о выживании человека в условиях первозданной среды. Этот этап в «цивилизированных» странах в основном закончился 6—10 тыс. лет назад (Долуханов, 1979, 1988). Охотничье хозяйство, как и всякое хозяйство — производящая (воспроизводящая) форма получения продукции (товаров и услуг). Это понимали А. А. Силантьев, Д. К. Соловьев, С. Д. Перелешин, Д. Н. Данилов, В. Н. Скалон, И. П. Копылов и др. По сравнению с другими отраслями сельского хозяйства, оно — в значительно меньшей степени природопользование, так как не оказывает такого воздействия на почву, поверхностные и подземные воды, не загрязняет природную среду и т. д. Охотничьи животные в России и других развитых странах в современном видовом составе, распространении, численности — результат прямой или опосредственной деятельности человека. Не следует забывать, что численность многих животных в России (соболь, ондатра, американская норка, бобр, енотовидная собака, северный олень и др.) — результат целенаправленной работы специалистов охотничьего хозяйства предшествующих поколений, как бы их ни хулили новоявленные спасители. Не в меньшей степени это относится к другим странам. Они имеют, как и домашние животные, двойственную природу, выступая одновременно и как продукты природы, и как продукты труда. Эволюция охоты от собирательства даров природы к различным уровням интенсивности охотничьего хозяйства, к одному из производственных процессов его представлена в работе В. К. Мельникова (1982), М. Н. Смирнова (1996).

К сожалению, у нас мало кто осознает, что большинство проблем возникли из концепции правового регулирования не развития охотничьего хозяйства, а управления «природными ресурсами», «ресурсами охотничьих животных», а это тупиковый путь, не оправдавший себя. В «Концепции государственной политики в сфере воспроизводства, использования и охраны природных ресурсов», подготовленной с участием РАН, Миннауки, МСХ и других (Москва, 1997), нет даже упо-

охота

и охотничье хозяйство 3 2007

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз общества охотников и рыболовов РФ.
• Основан в октябре 1955 г.

Фото А. Корнилова

минания об охотничьем хозяйстве, цель которого — воспроизводство и использование охотничьих животных, зато есть регулирование использования их и признание бесперспективности такого пути.

Следует отчетливо представлять, что «управление охотничьим хозяйством» и «управление ресурсами» (частью этого хозяйства) — две совершенно различные, практически взаимоисключающие системные модели управления, их правового (законодательного), экономического, организационного и технологического обеспечения. Доминанта «управления ресурсами», которой проникнуты все правовые акты, призванные регулировать отношения в охотничьем хозяйстве, законодательно препятствует его развитию. Она создает юридическую видимость отсутствия охотничьего хозяйства (отсюда мудрые проекты ФЗ об охоте), иллюзию отсутствия социально-экономических проблем (нет хозяйства — нет проблем), которые решаются в судебном порядке. В. Г. Сафонов (2005) считает, что произошло «фактическое упразднение отрасли», *так как во всех официальных документах речь идет только «об объектах животного мира, отнесенных к объектам охоты», а не об охотничьем хозяйстве.*

При приоритете природопользования охотничьи животные — только **природный ресурс**, полностью управляемый и регулируемый государственными органами власти различных уровней. **Цель управления — регулирование охоты**, управление использованием природных ресурсов — охотничьих животных, как части животного мира на основе ФЗ «О животном мире», а в будущем на основе закона «Об охоте». В качестве разрешения на пользование животным миром служит долгосрочная лицензия на право пользования объектами животного мира, отнесенных к объектам охоты, выдаваемая территориальными органа-

ми Федеральной службы ветеринарного и фитосанитарного Надзора Минсельхоза РФ. **Методика планирования объемов добычи** заключается в централизованном планировании объемов добычи основных видов по субъектам РФ на основании федеральной экологической экспертизы. **Технология регулирования использования их** состоит в выдаче территориальными органами Федеральной службы ветеринарного и фитосанитарного надзора Минсельхоза РФ (охотнику или охотпользователю) разовых лицензий на определенный вид и количество животных по усмотрению и решению территориальных органов службы на основании утвержденных приказом Минсельхоза РФ лимитов. **Государственные органы власти** дублируют лицензирование при заключении договоров, пытаются детально регулировать использование любого вида в каждом охотхозяйстве, управлять каждым охотпользователем с вмешательством в хозяйственную деятельность на основе произвольных параметров (объемов воспроизводственных мероприятий, количества аншлагов, точности учетных работ и т. д.). Лишение охотпользователей права охраны полученных угодий и борьбы с браконьерством. **Образец** — ухудшенный вариант США, до предела централизованный в России.

Перспективы. Управление природопользованием через МПР РФ, через закон «Об охоте», консервация архаичной формы хозяйственной деятельности, присваивающей (не производящей) природные ресурсы, решение социально-экономических отношений на основе решений судебных органов. Как показал опыт последнего пятнадцатилетия, никаких положительных результатов в этом направлении не достигнуто.

При ориентации на охотничье хозяйство оно признается **особой отраслью сельскохозяйственного производства**, ко-

торая также является отраслью природопользования. Охотничьи животные — **не только природный ресурс**, но и результат деятельности охотничьего хозяйства. Они в различной степени **продукты труда и природы одновременно**, как и все сельскохозяйственные животные. Охота — один из производственных процессов охотничьего хозяйства. **Цель управления** состоит в регулировании отношений, возникающих в сфере охотничьего хозяйства, между государством и охотпользователями, ими и охотниками. **Законодательной основой** должен стать ФЗ «Об охоте и охотничьем хозяйстве» с поправками к ФЗ «О животном мире». Единственным **разрешением на пользование охотугодьями**, не условиями местообитания, может быть только **договор** на пользование ими, заключаемый органами государственной власти субъектов РФ с охотпользователем. Долгосрочная лицензия на право пользования объектами животного мира, дублирующая условия договора, теряет смысл. Это предполагает изменение порядка планирования объемов добычи. Оно **децентрализуется** и осуществляется охотпользователями на основании утвержденных государственными органами зональных видовых норм добычи, которые проходят федеральную экологическую экспертизу (ФЗЭ). ФЗЭ ежегодных объемов добычи становится ненужной, что требует внесения поправок к ФЗ «Об экологической экспертизе». **Технология регулирования объемов добычи** включает утверждение (согласование) территориальными органами государственного управления представленных охотпользователями планов, контроль их выполнения специальной службой, сохраняет усовершенствованную лицензионную систему добычи ценных видов. **Роль органов государственной власти** сводится к законодательно-нормотворческой и контрольно-регулирующей функции. Это предполагает невмешательство в хозяйственную деятельность. Объемы воспроизводственных мероприятий, количество аншлагов и др. имеют рекомендательную-инструктивную направленность. Охотпользователи наделяются правом охраны полученных в пользование угодий и борьбы с браконьерством. В качестве модели используется предшествующий опыт России, Белоруссии, Франции, Германии, Болгарии и др. стран.

Перспективы включают специально уполномоченный государственный орган управления — Департамент охотничьего хозяйства Минсельхоза, разработку и принятие закона «Об охотничьем хозяйстве», развитие и интенсификацию производящей (воспроизводящей) формы получения продукции охотничьего хозяйства, законодательное решение социально-экономических проблем его, предельно возможное сокращение угодий общего пользования. Специально уполномоченный государственный орган управления охотничьим хозяйством должен быть в стране один, а не два, как в настоящее время.

Резюмируя изложенное, констатиру-

ем следующее. Все прежние проекты федерального закона «Об охоте и охотничьем хозяйстве», а также другие федеральные законы, регулирующие отношения в этой сфере, ориентированы не на охотничье хозяйство, создание правовых основ его ведения, а на регулирование использования ресурсов охотничьих животных. **Предоставлять в пользование можно только охотничьи угодья, а не охотничьих животных.** Это было предметом не одного судебного разбирательства. И в аренду, то есть возмездное пользование, если речь идет об аренде, можно сдавать только охотничьи угодья. Приоритет предоставления охотугодий органами государственной власти не может быть истолкован как предоставление лесов для нужд охотничьего хозяйства. Аренда деятельности охотничьего хозяйства выходит за пределы лесной зоны и ведется в горах, тундре, степи, водно-болотных угодьях, не менее продуктивных, чем лесные. Здесь следует руководствоваться положением ст. 12 ФЗ «О животном мире» о том, что право пользования им отделено от права пользования землей и другими природными ресурсами. Охотничьи животные — такой «ресурс», который нельзя «закрепить», сдать в пользование. На них можно предоставить только право охоты, что и делается в международной

законодательной практике. Поэтому выдача долгосрочной (краткосрочной тоже) лицензии на право пользования животным миром или его частью, охотничьими животными, — юридический казус. Выдается право на вылов рыбы, например, на право охоты. Это право может быть использовано или нет. **В связи с этим законодателем должен быть решен вопрос об отмене «выдачи долгосрочных лицензий на право пользования охотничьими животными» и их замене «правом пользования охотугодьями» и «правом на охоту».**

Опыт США, Канады и России подтверждает целесообразность и позитивное влияние специально уполномоченного органа государственного управления охотничьего хозяйства. Это должен быть полномочный орган государственного управления охотничьим хозяйством, а не ресурсами.

Следует заменить неуклюжее определение из ФЗ «О животном мире»: «объекты животного мира, отнесенные к объектам охоты» — на общепринятые в международном законодательстве и традиционные для России «охотничьи животные». Определение «хозяйственная деятельность, связанная с использованием охотничьими ресурсами» следует заменить на «охотхозяйственную деятельность». Учитывая более чем столетний опыт работы обществен-

ных объединений охотников в России, а также опыт других европейских стран, **целесообразно формирование общественных Советов по охотничьему хозяйству** при различных органах власти для выработки общеприемлемой разумной политики, согласования ее. Необходимо утверждение положения, не требующего принятия специальных нормативных актов о ежегодном открытии охоты, если она осуществляется в соответствии с законом, утвержденными правилами охоты и не выходит за границы предельно допустимых сроков, кроме случаев ее ограничения в соответствии с законом. Это особенно важно для охотпользователей и утверждения приоритета норм хозяйственного права. Учитывая особенности охотничьего хозяйства, особенности ресурсов охотничьих животных, нецелесообразно разделение их на собственность (объекты ведения) федеральных органов государственной власти и собственность (объекты ведения) органов государственной власти субъектов РФ. Это создает, как показал опыт, массу труднопреодолимых препятствий в управлении охотничьим хозяйством и даже с открытием охоты. **Целесообразно их оставить в совместном ведении, что не затрагивает принципа государственной собственности на охотничьих животных.**

ОАО «Вологодский оптико-механический завод»

**- прицелы для охотничьего оружия
- кронштейны боковые и вертикальные
- рассылка наложенным платежом**

**160009, Вологда, Мальцева, 64
тел. (8172) 26-98-16, 21-58-16; факс (8172) 72-61-46
www.vomz.ru commerce@vologda.ru**

Весна

не только

по календарю

В марте то синие весенние тени на снегу, то серая хмарь пасмурного зимнего дня. То ли весна, то ли, вопреки календарю, ещё зима?

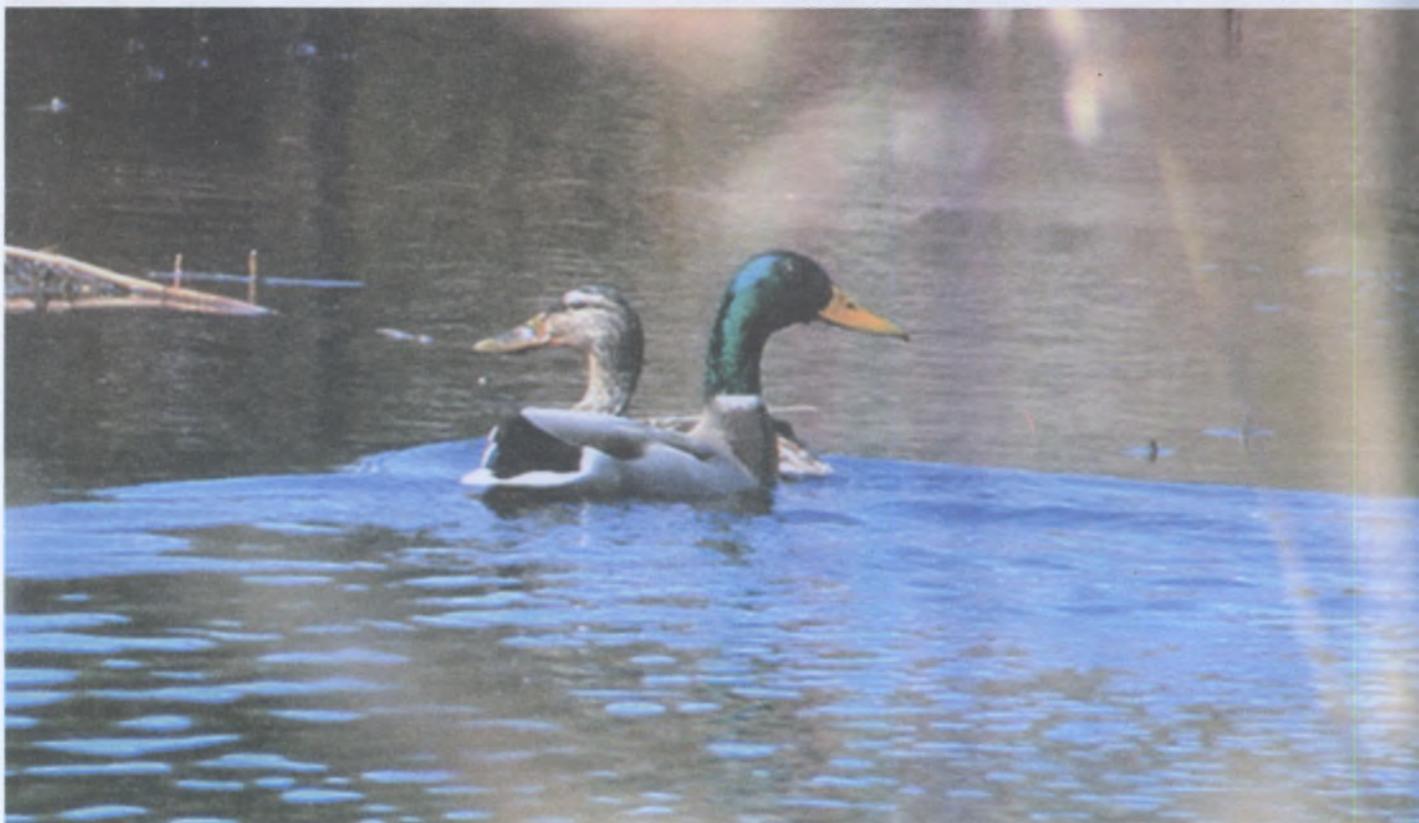
Но звери и птицы четко знают: весна. Глухари оставляют на снегу следы лап и крыльев. Рябчики, видно по следам, сошлись вместе и парочкой отправились «гулять» по своему уголку леса. Зайцы печатают тропы на припорошенной снежной корке. Под лапами твердо, беги в любую сторону. Но бегают они друг за другом: весна. Кабаниха урезонивает навязчивого секача. Пара нетерпеливых тетеревов даже в непогожий день взялась выяснять, кто будет главным на току, когда растает снег.

Пока в тенистых местах сугробы. Но снег оседает. Шире стали ходить кабаны. Легкий наст — не помеха и лосям. К местам кормежки — размашистые следы.

В низине первые утки всколыхнули талую воду, и она заголубела отраженным весенним небом.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ. Фото автора

Страховочная петля

— универсальный элемент оборонительного поведения диких животных

М. СМИРНОВ, доктор биологических наук,
профессор Красноярского госуниверситета

Знание поведения охотничьих животных — необходимое условие успешной охоты, при этом главное значение имеет изучение оборонительного поведения — важнейшей составной части общей характеристики их повадок.

За полувековой период полевых исследований и охотничьих походов во многих районах Сибири мы накопили значительный объем фактических материалов, касающихся разных сторон оборонительного поведения охотничьих зверей в обычных и критических обстоятельствах. При этом обнаружился ряд общих черт его у видов, далеко не родственных по своему происхождению и систематическому положению. Следует упомянуть о составляющих поведения млекопитающих при встрече с опасностью: это убежание, прятанье в убежищах, «крепких» местах, нападение на преследователя, уход на отстои — площадки на краю каменных обрывов. Некоторые виды, к примеру благородные олени, при преследовании хищниками уплывают подальше от берега реки, озера и даже заплывают в открытое море. Особое место в поведении зверей занимают за-

таивание и запутывание следов. Всем известны «ухищрения» зайцев при заходе на лежку, когда зверьки делают сдвойки, скидки и прочее.

Запутывание следов регистрируется и у ряда других видов зверей. По нашим наблюдениям, кроме вышеуказанных приемов, для своевременного обнаружения преследователя, чаще всего перед тем как лечь на дневку (а также в засаду — у хищников), многие животные делают петлеобразный заход назад. Эту петлю мы назвали «страховочной» (Смирнов, 2002, 2006). Она имеет радиус разного размера, но чаще в пределах 5—10 м (рис. 1).

При этом зверь оказывается сбоку от своего первоначального («входного») следа и может со стороны наблюдать и оценивать, какую опасность представляет идущий по следу человек или зверь. Порой животное может распознать опасность издалека, особенно если лежка, укрытие находятся на некоторой возвышенности, и выстроить свое поведение: затаиться, оставшись незамеченным, незаметно ускользнуть или, «пропустив» преследователя вперед, внезапно напасть на него сбоку или сзади. Таким образом зверь, делающий петлю, страхует себя от неожиданного нападения, имея возможность первым (раньше) заметить врага и принять соответствующие своим силам и намерениям меры. Подобную петлю применяют многие звери, в том числе дикие копытные и хищные млекопитающие, поэтому, на наш взгляд, она может считаться универсальной.

Остановимся на некоторых характерных примерах запутывания следов и применения «страховочной петли», опираясь на собственные наблюдения, опросные данные и некоторые литературные источники.

Сибирская косуля. Тропления суточных следов косуль нами проводились в Западном Забайкалье и Туве в 1960-х — 1980-х гг. Ряд фрагментов этих троплений приводим ниже.

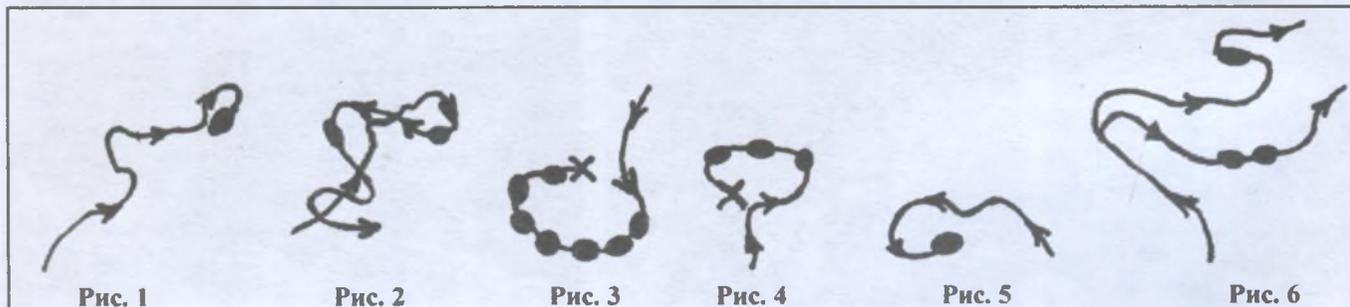
15.12.1968 г., хр. Заганский, р. Алтай. Три косули, завершив пастьбу, 40 м до лежек передвигаясь прыжками, сделали несколько замысловатых фигур на снегу, следы их перед лежками образовали дугу (петлю).

22.11.1972 г., хр. Заганский, р. Алтай. Автор тропил самца косули, на следах которого обнаружил несколько лежек, все они были на «концах» петли. Ложился зверь головой в входному следу или в сторону начала входа следов в окружность петли. На ходу часто останавливался, становясь боком к следу, видимо оглядываясь назад, прислушиваясь. Передвигался кругами, возвращался назад на свои следы.

23.11.1973 г., хр. Заганский, р. Алтай. Три косули, покормившись в долине речки, поднялись на склон и легли на нем. Сверху, по-видимому, наблюдали за тем местом, где оставили свои «жировочные» следы, т. е. лежали головами в сторону долины. Перед тем как лечь, сделали большую дугу (петлю). Обнаруживается манера петлять на «кормных» участках. К месту лежек шли почти прямо, но близ них кругами обходя деревья, кусты, запутывая следы, останавливались, стоя широко расставленными ногами, боком к направлению движения, вслушиваясь, глядясь в пространство, находящееся впереди и сзади.

24—26.02.1979 г., хр. Западный Танну-Ола, р. Чаа-Холь. Пара косуль в долине речки при пастьбе делают круги с возвратами назад. Само такое петляние носит, по нашему мнению, смысл

Условные обозначения:

в некоторой мере предупреждающе-страхающий от внезапного нападения, если преследователь идет строго по следам пасущихся зверей.

10.12.1979 г., горы Кынзы-Маде, р. Хон. При троплении одиночного самца косули выявилось, что он перед каждой из своих лежек поворачивал под прямым углом к направлению своего движения и ложился, сделав полуокружность (рис. 2).

18.01.1980 г., горы Кынзы-Маде, р. Хон. Тропил спугнутого накануне самца косули. Он то бежал прыжками, делая дуги, меняя направление, то шел шагом. Возвратился по большому кругу примерно туда, откуда убежал. Лежка делал в ельнике, укладываясь «лицом» на входной след. При пастьбе — частые петли, возвраты на прежние следы.

30.11.1980 г., горы Кынзы-Маде, р. Хон. При троплении одинокой самки косули обнаружил несколько ее лежек. Кормясь, она делала «кольца» в обратном своему ходу направлении. В одном месте «нарисовала» небольшой кружок диаметром около 10 м, вернулась к входному следу, легла, затем прыжками перебежала во встречном направлении по своим следам и легла уже основательно.

Как следует из вышеизложенного, петлеобразный ход при пастьбе и уходе, убегании от опасности служит, по-видимому, постоянным фактором, способствующим успешному обнаружению преследователя. Тем не менее «страховочная петля» в конце пути перед лежкой имеет самостоятельное значение, что подтверждают приводимые ниже данные выслеживания раненых зверей.

20.12.1977 г., хр. Академика Обручева, р. Хопто. Раненый молодой самец косули уходил не прямолинейно, а делая большие петли, на одной из которых, уже ослабевший, был добыт.

21.11.1978 г., горы Кынзы-Маде, р. Хон. Тяжело раненный взрослый самец косули сначала уходил «сивером» по прямой, затем в ельнике «выписал» классическую «страховочную петлю» диаметром 12—15 м, на которой мы обнаружили семь его лежек, на восьмой он окопал (рис. 3).

6.12.1980 г., хр. Таскыл, р. Хут. Раненый гуран (взрослый самец косули) уходил вначале прямо с места ранения,

затем сделал дугу диаметром 15—20 м, идя по которой три раза ложился и, почти выйдя на свой входной след, умер (рис. 4).

Благородный олень. Так же, как и сибирских косуль, благородных оленей (изюбрей, маралов) нам приходилось тропить и наблюдать в 1960-х—1980-х гг. в Западном Забайкалье и Туве.

31.05.1964 г., хр. Хамар-Дабан, р. Оронгой. Здесь мне повезло увидеть воочию, как шедший с жировки взрослый самец изюбрь, перед тем как лечь, сделал классическую «страховочную петлю» (рис. 5). В моем дневнике сохранилась такая запись: «Поднявшись на гребень невысокого склона у безымянного ручья, я присел под толстой одинокой сосной. С истоков ручья тянул прохладный ветерок. Вдруг из леса донеслось тихое, редкое потрескивание — кто-то неторопливо и осторожно шел. Вот темная, длинная тень «проплыла» между стволами деревьев в 80—100 м от меня. Неожиданно зверь сделал небольшую петлю в мою сторону, лег так, что голова его была обращена вовнутрь петли — на свой след, и сразу стал мне невидим. Через 12 минут (с 7.20 по 7.32) изюбрь легко, бесшумно и поистине грациозно поднялся, постоял мгновение и направился ко мне, шагая свободно и неспешно по тайге, как по ровной гладкой дороге, пощипывая травинки...»

Вспугнутые олени, уходя от опасности, стараются уяснить ее источник. Часто при этом двигаются по кругу, пытаясь зайти «под ветер».

31.10.1965 г., хр. Улан-Бургасы, р. Курба. Группа из трех изюбрей (взрослый самец и две самки), потревоженная мной, вначале убегала не разделяясь, затем самец вернулся и, став на вершине холма, смотрел назад, пытаясь определить, кто их преследует.

14.11.1965 г., Хамар-Дабан, р. Темник. Стронутой с лежки изюбрь уходил прыжками под гору по дуге, чтобы иметь возможность не упустить из виду преследователя.

29.12.1971 г., хр. Хамар-Дабан, р. Темник. Две потревоженные мною на пастьбе самки изюбрей сначала убегали по прямой, но, скрывшись в овражке, пробежали незамеченными вправо и стали близ деревьев за небольшим бугром, так что человек был

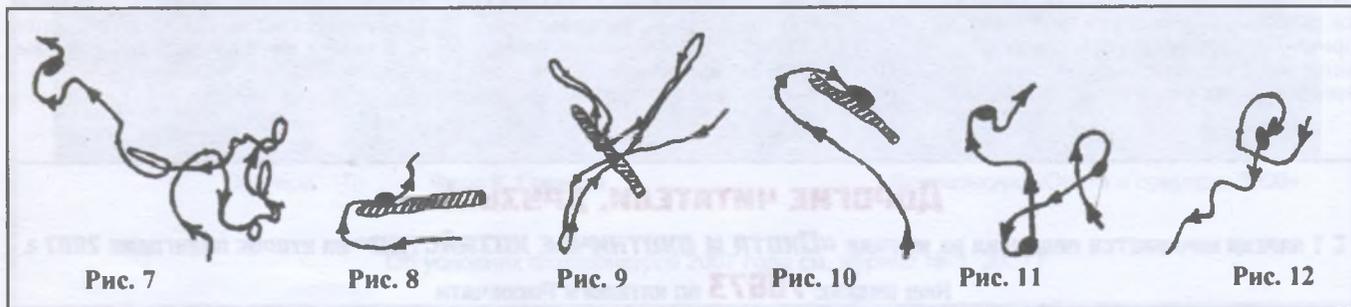
виден им «как на ладони».

16.01.1980 г., горы Кынзы-Маде, р. Хон. Одиночная самка марала паслась, делая зигзаги, петли, порой вставала, повернувшись к следу боком, слушала, «чухала», как говорят охотники. Легла, сделав небольшую петлю, головой на входной след. Преследовавший ее охотник легко ранил маралуху. Она уходила от него шагом, держась почти на виду, мелькая между деревьями, намеренно делая полукруг — стремясь к наледям ближнего ручья, делая резкие повороты, петли. Вышла на почти лишенную снега наледь, затем — на участок с множеством следов сорочичей и скрылась в густом ельнике.

Лось. Этим животным, как и благородным оленям, свойственно зигзаго- и петлеобразное движение при пастьбе и заходе на лежку.

19.10.1976 г., хр. Академика Обручева, р. Тапса. Мною был прослежен маршрут группы из трех лосей (взрослого самца, самки и сеголетка). Закончив пастьбу в пойменных ерниках, они быстрым шагом поднялись на склон правого берега. Прежде чем лечь, сделали дугу в ложок и примостились на «стрелке» головами в ту сторону, откуда пришли, причем самка с сеголетком — несколько ниже, а бык, сделал дополнительную петлю, — выше в 50—70 м от них (рис. 6).

Кабарга. Умелое запутывание следов этим зверем хорошо описано С. К. Устиновым (1989) и В. А. Зайцевым (1991). Кабарга, будучи потревоженной, бежит нередко по дуге с частыми остановками для уточнения степени опасности, делая «сдвойки» и «скидки» — под прямым углом к своему следу (ходу), применяя эти уловки по нескольку раз, можно сказать — сериями. В итоге после очередной скидки, будучи на лежке, она издалека видит преследователя, разбирающегося, разгадающего оставленные ею следы, как бы со стороны, примостившись где-то на валежине или у корней выворотня. Интересно, что кабарга при опасности направляется к собственным тропам, выскочив на них, продолжает движение, и, как свидетельствует наш аспирант М. Б. Силаков, преследователь бывает трудно определить направление движения зверя, особенно при отсутствии свежеслежавшего

снега. Этот же исследователь многократно наблюдал описываемое нами явление «страховочной петли», занимаясь изучением экологии данного вида. Приведем одно из таких наблюдений.

15.12.2005 г., Западный Саян, хр. Кантегирский, р. Головань. Тропление взрослого самца — «аскыра». Зверь, продолжая петлеобразные движения, многократно пересекая валежины и путая собственный след, прошел около вершины «гривы». Сделав небольшую дугу, лег под пихту с низко растущими ветвями головой против своего хода, таким образом, что спина его была прикрыта с одной стороны труднопроходимыми для человека и хищников скальными обнажениями, а впереди лежащее пространство контролировалось им с лежки на расстоянии 50 м.

Кабан. «Одиноким кабанам, выбирая место для лежки, делают полукруг и ложатся головой в сторону входного следа» (В. Г. Гептнер и др. 1961). Наши исследования экологии сибирского кабана подтвердили это наблюдение.

19—20.01.1980 г., горы Кынзы-Маде, р. Хон. При троплении взрослого кабана-одиноца мною обнаружено, что, кормясь, этот зверь делал небольшие дуги, зигзаги, петли с возвратами назад, иногда по своему же следу. Покормившись, пошел поперек пологого склона, мало отклоняясь от избранного направления, но, внезапно изменив курс, спустился в гущу ольховника и, сделав обратную дугу диаметром около 7—8 м, вышел сверху точно к старому своему гайну и, отдохнув здесь, двинулся дальше (рис. 7).

Волк. Егерь Алтайского госзаказника С. К. Шайдуров 7.10.1975 г. по свежеснеговому следу выслеживал взрослого волка. Зверь, двигаясь по лесу, где-то подобрал павшего тетерева и, сделав небольшую петлю вправо, залег за упавшее дерево и грыз «дохлятину». Услышав и издали распознав шедшего его следом охотника, убежал, бросив по пути недоеденную птицу (рис. 8).

Соболь. Петлеобразные «ходы» свойственны и соболу, отправляющемуся на дневку в одно из своих убежищ.

27.10.1970 г., хр. Приморский, р. Голоустная. Прослеженная мною по пороше самка соболя, прежде чем спрятаться в пустотелую «колодину» (валежину), сделала три довольно длинных, по 10—12 м, и узких вытянутых петли (рис. 9).

Бурый медведь. Давно известны поражающие своим разнообразием уловки этого мощного зверя, которые он применяет, чтобы запутать свои следы, ведущие к берлоге. Как писал в свое время А. А. Черкасов (1867), зверь «де-

лает петли, как заяц, проходит несколько раз по одному месту, скачет в стороны, иногда через огромные кусты и валежины, и потом уже подходит к берлоге». Иногда медведь прячет свои следы, прохода сотни метров по руслу ручья или речки.

«Страховочные петли» медведи нередко делают будучи ранеными с целью «наказаться» обидчика. Классическое описание такого случая, когда, преследуя раненого зверя, охотник сам попал в засаду, приводит известный иркутский охотовед С. К. Устинов (1987): «Зверь, чуя погоню, исключительно умело срезал свой ход, немного вернулся и за единственной валежиной в редколесье искусно затаился (рис. 10). Хубутька (так звали охотника. — М. С.), остерегаясь в сорных местах, беспечно подошел к нему почти на открытом месте на несколько шагов. Медведь даже пропустил немного охотника, он лежал в совсем незаметной яме у комля валежины и налетел сзади... смертельно раненый зверь в клочья разорвал охотника». Таким же образом в Еравнинском районе Бурятии зимой 1962 г. два медведя-шатуна сделали «страховочную петлю» и, спрятавшись сбоку от своих «ходовых» следов, напали на охотоведа-практиканта В. Э. Гудритиса, тропившего хищников, и убили его. Очень опытный охотник-медвежатник из с. Хусурта Хоринского района Бурятии Г. Л. Серпионов рассказал мне, как раненный им медведь точно так же затаился за большой валежиной (и, по словам Г. Л., «выглядывал из-за нее»). Осторожно шедший за ним охотник вовремя заметил зверя и выстрелил, прежде чем тот успел броситься на «обидчика».

Рысь. Наблюдения показывают, что рысь так же владеет многими приемами «подстраховки» от неожиданного нападения врагов, как и другие ранее упомянутые нами звери.

По свидетельству охотоведа В. Т. Носкова, в декабре 1973 г. в предгорьях Заганского хребта раненная им рысь ушла в густые приречные заросли кустарников (ерники) и кружила там на небольшой, в 3—5 га, площади, делая лежки с пятнами крови, причем каждый раз ложилась, сделав петлю (рис. 11) так, что контролировала движение преследовавшего ее охотника как бы со стороны и могла максимально (из возможного) использовать время для отдыха. При приближении охотника снова делала петлю и ложилась. Охотник так и не достиг зверя в этот день, а наутро выпал снег и рысь потерялась.

17.02.1977 г., хр. Западный Танну-Ола, р. Чаа-Холь. При троплении одиночной рыси мною обнаружено, что она

«подновляла» свою старую тропку после выпавшей ночной пороши, причем периодически делала петли, после чего отдыхала под валежинами или у комля крупного дерева (голова обязательно была обращена на входной след), специально выходила к наледям, где тоже петляла, делала обратные возвраты на свой след, видимо на случай преследования со стороны потенциального «недруга». Временами отходила в сторону на несколько метров, где ложилась, контролируя в то же время свою тропу с только что оставленными на ней следами.

22—23.11.1985 г., хр. Кут-Тайга, р. Белин. Прослеженная мною рысь, обходя свой огромный участок в верхнем поясе тайги (или мигрируя), спускаясь вниз по склону, обращенному к реке, отдыхала под мощным кедром с густой кроной. Перед тем как устроиться на лежку, сделала петлю, причем сначала прошла сбоку и снизу от кедра, по-видимому издали «оценивая» это место, а затем, удалившись вверх примерно на 10—12 м и закруглив дугу, уже оттуда под прикрытием густых елочек мелкими шагами вышла к месту лежки (рис. 12). По всему пути следования временами останавливалась, отходила в сторону и несколько назад, чтобы проконтролировать только что пройденное пространство с целью выявления, нет ли идущего следом врага.

Рассмотренные выше образцы поведения разных видов диких зверей, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что животные знают, что оставленные ими следы могут использовать другие звери или человек для поиска и преследования. Чтобы обезопасить себя от внезапного нападения, звери применяют гениально найденный (иначе не выразишься!) прием — «страховочную петлю». Использование подобной петли предоставляет неоценимую возможность крупным хищникам (например, бурому медведю) неожиданно нападать на преследователя. Уместно в этой связи вспомнить слова известного специалиста по поведению охотничьих животных Сергея Александровича Корытина (1986): «Целесообразность избранного поведения... указывает на присутствие рассудочного начала, при этом у млекопитающих раскрываются скрытые возможности, резервы биологической пластичности и рассудочных действий». Охотнику, выслеживающему зверя, не следует забывать о том, что звери — «братья наши меньшие», что они могут, в определенной мере, предугадывать смысл и характер наших действий и в соответствии с этим выстраивать свое поведение.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, ДРУЗЬЯ!

С 1 АПРЕЛЯ НАЧИНАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО» НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 2007 г.

Наш индекс 70673 по каталогу Роспечати

Итоги фотоконкурса «Охота и природа, 2006»

*Завершился очередной фотоконкурс «Охота и природа»,
на который поступило 592 цветных и черно-белых фотографий от 53 авторов.*

*Жюри фотоконкурса, рассмотрев представленные на конкурс работы,
постановило:*

Первой премией (5000 р.)

наградить: С. Тишкевича за серию фотоочерков «Охота на бурых медведей весной», «Охота на снежного барана», «Охота на дагестанского тура», «Бухарский олень», «Северные олени» и др.

Второй премией (2000 р.)

наградить: Д. Зеньковича за фотоочерк «Городской ток», К. Гриниха за фотографии птиц, А. Назарова за фотоочерк «Птицы нашей Родины».

Третьей премией (1000 р.)

наградить: И. Савченко за фотоочерк «Охота на гусей в Хакасии»; Л. Мамонова за фотоочерки «Охота на марала в Западной Сибири», «Пантовка», «Охота на гусей в Подмоскowie»; И. Пожарова за очерк «Мои любимые собаки»; В. Дьячкова за фотоочерк «На Курилах»

Редакция журнала выражает глубокую благодарность всем участникам фотоконкурса. Ваши фотографии – и получившие, и не получившие премии – могут быть использованы в качестве иллюстраций к очеркам и статьям, публикуемым в журнале.

Снегири

Фото К. Гриниха

Фотоконкурс «Охота и природа, 2006»

Об условиях фотоконкурса 2007 года см. журнал № 1, 2007 г.

Кажется, это было совсем недавно...

В. МУРАВИЦКИЙ

Город Киров был избран для подготовки охотоведов потому, что во времена хрущевских реформ, в 1958 г., сюда из Москвы был переведен ВНИИ-ОЗ им. проф. Б. М. Житкова (в то время ВНИИЖП). Часть научных сотрудников института полностью перешла на отделение охотоведения Кировского сельхозинститута (КСХИ) — И. П. Карпухин, В. Н. Дерягин, В. Г. Сафонов, С. В. Мараков, И. В. Александрова, Л. И. Красовский, часть по совместительству — М. П. Павлов, А. Т. Войлочников, С. А. Ларин, Б. Д. Злобин, Ю. П. Язан; некоторые руководители нашими курсовыми и дипломными работами — Г. К. Корсаков, Н. Н. Граков, Г. В. Соколов.

Мы боготворили своих преподавателей, и, кажется, наши симпатии были взаимными. Многие эти отношения сохранили на годы и десятилетия, состояли в переписке, встречались: кто-то приезжал в Киров за щенками лаек, кто-то — защищать диссертацию, кто-то навещал родственников — большинство из нас здесь нашли свою половинку. До сих пор, бывая в Кирове, мы ходим по городу своей юности, вглядываемся в лица, будто ищем знакомые черты, хотя прошло уже столько лет...

На отделении (позднее — факультете) охотоведения КСХИ царила особая атмосфера. Вначале нас было немного, по 50 человек на курсе, а курсов всего два: набор 1965 и 1966 гг., все жили в одном общежитии, знали друг друга, а самое главное — мы были романтиками, поступили учиться по призванию, страстно жаждали приключений и путешествий, бредили Камчаткой, Памиром, Алтаем, Казахстаном, и надо сказать, что наши ожидания исполнились в полной мере еще в годы учебы. В 1966 г. тон задавали трое ребят из г. Майского, что на Северном Кавказе: это гордость курса, отличник учебы Виктор Зубов и всеобщие любимцы Виталий Марков и Саня Чекалин. Все они обладали независимым характером, увлекались спортом, были страстными охотниками, на них и равнялся курс.

В общежитии проходили наши жаркие споры. Что только не обсуждали мы: как выжить в тайге, стандарты лаек, какое-то ружье конструктора Гриневича, насколько реален снежный человек, велик ли писатель Э. Хемингуэй. А уж когда студенты возвращались с практики: Ю. Муляр с Сахалина, В. Ширяев с Балхаша, С. Устюжанин с Сырдарьи, А. Близнюк — с Уссури, Е. Востриков из Скнятино, Р. Ежов из Дудинки, — к ним в комнату было не пробиться, опоздавшие толпились в

дверях. Иногда общежитие навещали преподаватели — И. П. Карпухин, Л. И. Красовский, И. С. Козловский. Заходил только что вернувшийся с Командорских островов С. В. Мараков и рассказывал о последнем приюте Витуса Беринга, о находках останков стеллеровой коровы, и снова дверь нараспашку, снова задние поднимаются на носки, чтобы услышать, о чем говорят в комнате.

Интересы многих студентов не ограничивались только учебной. Так, Володю Глушкова мы редко видели на занятиях, он с первого курса с головой увлекся мечением лосей и неделями пропадал на стационаре ВНИИОЗ, позднее защитил диссертацию. Сегодня его книга «Гон лосей и охота на вабу» для охотоведов-практиков дороже многих сотен бесчисленных публикаций по лосю. Увлечением Сергея Петрусенко было изучение иностранных языков; обложившись словарями, он выписывал какое-то слово на немецком, английском, испанском, удивлялся сходству звучания, переводил известные поговорки на латынь: «фортуна в руки не возьмешь» или «выше головы не прыгнешь». Станислав Евтихов все годы, сколько мы его знали, был одержим идеей поимки снежного человека, в существовании которого ни секунды не сомневался. Месяцы летних каникул он отдавал экспедициям на Тянь-Шань, зимой рылся в библиотеках в поисках свидетельств очевидцев «йетти» и «алмасты», зачитывал нам рапорт какому-то видного военачальника времен гражданской войны, который пытался доставить из Средней Азии труп алмасты, но ввиду жаркой погоды и назревания бунта среди красноармейцев-мусульман вынужден был отказаться от этой затеи. Стас считал, что избежать повторения подобной неудачи ему поможет только силовой захват и последующее обездвиживание снежного человека, поэтому усиленно тренировался физически, передвигаясь по городу исключительно рысцой.

Осенью 1967 г. появился очередной, третий набор охотоведов, среди которых оказалось тоже немало ярких фигур: это прежде всего А. Борисов, ныне начальник управления охотничьего хозяйства в Воронеже, А. Коваль (погиб от рук браконьеров в Кеми), гитарист В. Кесарин (разбился на вертолете при авиаучете оленей), любитель путешествий Т. Плешак (побывал от Кушки до Шпицбергена), В. Козлов (ныне доктор наук), Е. Ершов (работает в Центральном Совете военных охотников).

Мы как могли их опекали. Дело в том, что весной того года на охотах с учас-

тием наших студентов произошло два несчастных случая, и отношение к нам со стороны ректората изменилось. Как известно, в те времена вузы старались принять в число студентов не только тех, кто успешно сдал вступительные экзамены, но и спортсменов, артистов — «для защиты чести факультета». Один из таких случайных молодых людей попросился на охоту. На 1 Мая его взяли с собой; трое шли по берегу водоема, налетела стайка уток, шедший сзади «спортсмен», еще не подняв ружье, от волнения нажал на спуск и снарядом дробы в затылок убил студента второго курса В. Бычихина. На похоронах произносились слова о том, что трагедия послужит уроком на будущее. Но на следующей охоте, 9 Мая, первокурсник Б. Ш., сын полковника из Калининграда, нарушил первойшую заповедь охотника — никогда не направлять стволы в сторону человека. Он показывал устройство отцовского немецкого тройника сидевшему рядом на пне товарищу, не справился с переключением стволов, произошел неожиданный выстрел, погиб Л. Овечкин...

Нашей второй альма-матер был ВНИИЖП — мы посещали научные конференции, библиотеку, лаборатории, ходили на встречи с интересными людьми — академиком С. С. Шварцем, генетиком Н. В. Тимофеевым-Ресовским, только что назначенным главным редактором журнала «Охота и охотничье хозяйство» О. К. Гусевым,

Анатолий Тихонович Войлочников

присутствовали на 50-летнем юбилее В. Ф. Гаврина, договаривались о прохождении практики с заведующими отделениями ВНИИЖП Б. Т. Семеновым (Архангельск), В. В. Тимофеевым (Иркутск). Были посещения самого высококонтрабельного в Союзе зверохозяйства ВНИИЖП в п. Зониха под Кировом, разводившего песцов и удивительной окраски норок; питомника лаек (там же), где мы еще застали свободно гуляющего 17-летнего чемпиона мира, западносибирскую лайку Вайгача-1055/лзс; знаменитой пушно-меховой фабрики «Белка» в городе Слободском, где перерабатывались все 4 миллиона добываемых в стране шкурок белки; были зимние выезды на лосей в окрестности станции Стрижи, охотой руководил 80-летний профессор анатомии, эксперт-кинолог и известный заводчик русских гончих Л. М. Чуватин, ходивший весь день на лыжах и посмеивающийся над отстающими. На одной из таких охот двух лосей дуплетом сбил Коля Шулятьев и с той поры до конца учебы пользовался уважением товарищей, сейчас он работает главным охотоведом в Гродно. Когда заканчивалась стипендия, мы ходили на разгрузку вагонов с лесом или с цементом.

Преподаватель Сергей Владимирович Мараков студентами был особенно любим. Он читал нам два предмета — морской зверобойный промысел и фотографию. Трудно изучать по зоологическим справочникам морских млекопитающих, которых никто из нас не видел. Вроде бы все они «на одно лицо» — лапы, короткий мех, лежбища. У легендарного Маракова же за плечами были 10 лет, проведенных в котиковой лаборатории ТИНРО на Командорах, казалось, от него пахнет солеными волнами Тихого океана; конечно, он мог легко донести до студен-

тов особенности облика и биологии морских зверей. Он был коренным москвичом, окончил МПМИ и нес эстафету наставника будущим охотоведов от «дяди Пети» — профессора П. А. Мантейфеля. Сергей Владимирович был прост, человечен, в нем не было ни грамма позерства, фальши, менторского тона, а была преданность делу и верность друзьям.

Еще первокурсниками на выставках собак в Заречном парке мы стремились попасть в стажеры к эксперту Всероссийской категории А. Т. Войлочникову, писали под его диктовку оценочные листы, учились смотреть его глазами на собаководство. Более близкое знакомство произошло осенью 1968 года — мы с Виталием Марковым собирались на практику в госпромхоз «Пожарский», на неведомый нам Бикин, и не знали, брать ли с собой собак, какое нужно снаряжение, оружие. Решили посоветоваться в Войлочниковым, он в те годы регулярно выезжал на стационар в Приморье. Расспросив, какие мы имеем навыки для жизни в тайге, Анатолий Тихонович дал подробный инструктаж, полностью оправдавшийся впоследствии; собак брать отсоветовал, сказал, что белки в предстоящем сезоне должно быть много, собаки только заматают нас по сопкам: тайга под Кировом и на Дальнем Востоке — «две большие разницы». И действительно, мы едва успевали в конце октября — ноябре обрабатывать по 40 белок в день на человека, добытых без собаки.

В 1969 г. со стационара ВНИИЖП на Имане, притоке Уссури, вернулся наш однокурсник Сергей Чукальский, ныне начальник управления охотничьего хозяйства в Архангельске, ругал Войлочникова: «Замучил, черт, заставлял ножницами сосуригать и взвешивать

сережки с ольхи — запасы корма для рябчика его, видите ли, интересуют». Но добавлял, что «Войлочников — мужик правильный, сам работает еще больше и понимает толк в охоте». В последнем мы вскоре убедились — на 4 курсе Анатолий Тихонович читал нам собаководство. Студенты быстро разбираются, тянет ли преподаватель волею до спасительного звонка или же ему есть чем поделиться, тогда времени не хватает и сказанное — только видимая часть айсберга его эрудиции.

По окончании учебы мы следили за дискуссией на страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство» по поводу издания в Кирове крамольного сборника «Охотничье собаководство СССР» (1976), за позицией Анатолия Тихоновича по вопросу о путях разведения лаек. Он любил послушать фронтовые песни Высоцкого, вспоминал атаку безымянной высотки под Пустошкой в составе 150-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта.

Преподаватель типологии охотничьих угодий Лев Иванович Красовский не ходил в атаки — почти 15 лет, с 1940 по 1955 год, он провел в лагерях и ссылках (ст. 58, п. 10 — контрреволюционная агитация), много раз его изгоняли с работы, был дважды реабилитирован. Мы увидели его в 1966 г. уже немолодым — ему было 53 года, замкнутым, выглядевшим немного не от мира сего: студентов он величал по имени и отчеству, лекции читал бесстрастным голосом, глядя куда-то поверх наших голов, на занятия ходил под руку с супругой И. В. Александровой. Это был странный союз — красавица Ирина Витальевна и бывший зек с постоянно приподнятыми плечами, будто в ожидании удара или очередного ареста, понимавший всю хрупкость своей свободы и своего счастья; общих детей у них не было, у

Виталий Марков с добытой харзой, р. Бикин, 1968 г.

«Друзей моих прекрасные черты...» В первом ряду слева направо: Н. Соколов, В. Муравицкий. Во втором ряду: Н. Коробейников, В. Зубов, Е. Братухин, И. Кулешов, Н. Гавринов, В. Ширяев, Е. Востриков.

каждого позади своя жизнь. Однако Лев Иванович был автором нескольких десятков научных работ, отличавшихся ясностью, историзмом изложения, свежим взглядом. Таковы, например, его статьи «Современная и прежняя продуктивность лесов Архангельской области в отношении пушных зверей» или «Архивные документы о соболях в Белоруссии в конце XVIII — начале XIX вв.», опубликованные в Бюллетене МОИП. Читать их — одно удовольствие.

Лев Иванович окончил в 1939 г. МГУ по специальности «физиология растений», его учителями были проф. А. А. Любищев (1890 — 1972), о котором Д. Гранин написал книгу «Эта странная жизнь», и известный биолог проф. Д. А. Сабинин (1889 — 1951), павший жертвой репрессии. Впервые мы, студенты, видели потомственного интеллигента — по образованию, происхождению, эрудиции. Печальный, мудрый, глубокий, он учил нас не столько конкретному предмету типологии, сколько образу мышления.

Особое место в подготовке будущих охотоведов занимала практика. Никогда не забудется наша с В. Марковым поездка в Приморский край, тот самый, описанный в наиболее захватывающей книге моего детства, да и не только моего, — «В дебрях Уссурийского края» В. К. Арсеньева. И вот мы в совершенно незнакомом, в то время почти не тронутым мире природы, на реке Бикин, притоке Уссури. Центральная усадьба госпромхоза — поселок Красный Яр, в нем 53 охотника — удэгейцы, орочны, голды, китайцы; в 12—13 км выше — небольшое село Сеин, а дальше 2 млн. гектаров тайги. Проводник завозит нас лодкой на 100 км вверх по Бикину к устью ручья Катэн, где мы устраиваем промежуточную стоянку, откуда уже пешком поднимаемся по ручью на расстояние дневного перехода, строим избушку, а затем переносим в нее жестяную печку, боеприпасы, капканы, керосин, лампу, продукты. Здесь нам предстоит вдвоем провести несколько месяцев, добывая пушнину: предполагалось, что будущие охотоведы должны на собственном опыте познать жизнь охотника-промысловика.

Первое доминирующее впечатление — совершенно немислимое количество белки; в тот год в тайге случился неурожай всех кормов — лещины, желудя, маньчжурского кедра, что и вызвало волну миграции. Зверьки, как одержимые, переплывали Бикин, прыгали не просто на каждом дереве, а на каждой ветке; в первую ночь мы признались с Виталием, что стоит нам закрыть глаза — в них начинают мелькать силуэты несчастных животных. По ручью с нерестилищ скатывалась где погибшая, где еще живая кета, только что отметавшая икру. Тайга заметно отличается от лесов Европейского Севера обилием бурелома и высоких, по 2—3 м, пней от отмерших кедров: здесь никогда не было лесозаготовок. Почти на каждом пне сидят и посвистывают бурундуки. Полые внутри пни — прекрасное топливо для костра. Заблудиться в дальневосточной тайге невоз-

можно, это вам не заболоченные равнины Западной Сибири; покрытые лесом горные хребты, как ориентиры, тянутся на многие километры.

Еще одна особенность — сильная закустаренность тайги элеутерококком, собратом нашего шиповника. Продираясь сквозь этот кустарник, я в первый же выход на разведку угодий потерял висевший на поясе нож, подарок отца в дорогу, и остался с перочинным ножиком; это была горькая, невыносимая утрата. А причина потери — ручка из лосинового рога, нож под ее тяжестью выскользнул из ножен. Мы пытались изготовить лезвие из пружины капкана, но все было напрасно, металл при закалке крошился.

Отревели изюбри, ночи стали морозными, воздух прозрачным, в 20-х числах октября забелели вершины сопок, белка начала стремительно менять свой летний, черный на Дальнем Востоке, мех на зимний, голубой. Однажды к Виталию, развалившемуся во время обеда на пышной подстилке кедрово-широколиственного леса (днем стояла солнечная теплая погода), примчались две игравших наперегонки харзы, наткнулись на человека и заскочили на дерево. Одну из них он сбил. В начале ноября мне удалось добыть первого в жизни кабана, довольно крупного 3-летнего секача, причем из того же малокалиберного карабина ТФЗ-18, с которым охотился на белку; если бы сегодня такое рассказал кто-нибудь другой, я бы ни за что не поверил, но клыки секача до сих пор висят у меня на стене. Прошло почти 40 лет, из памяти стерлись, например, детали строительства зимовья, уже не помню, был ли в нем какой-то пол, чем мы умудрились накрыть крышу, кажется корой деревьев, а подробности той охоты помнятся с точностью до секунды, но это отдельный рассказ.

Много ярких впечатлений осталось от тех месяцев (с сентября 1968 по февраль 1969 г.). Прежде всего, это сам Бикин. В Приморье часто наблюдаются продолжительные, по несколько суток, дожди. Вода с сопок быстро скапливается к реке, ее уровень поднимается на несколько метров, река выходит из берегов, вымывает деревья, несет их до узкого места, где они дыбятся, перегораживают русло, образуя «завал»; вода устремляется в новые рукава, некоторые из подмытых кедров падают поперек этих протоков, образуя так называемые «расчески», когда мощные ветви нависших деревьев режут воду. Спустя несколько дней вы спускаетесь уже по совершенно новому фарватеру, течение несет вас к источнику могучего гула, все в вас стнет от страха перед неизвестностью, и не дай Бог, если откажет ваш «Вихрь», на других моторах по Бикину не ходят. Несколько лет назад брат нашего проводника после такого дождя возвращался с «пантовки», то есть вез в Красный Яр добытого оленя-пантача, но в поселок не прибыл; у завала нашли лишь пластмассовый топливный бачок. Ниже Красного Яра русло реки становится шире, здесь возможно судоход-

ство. Во время половодья в поселок пришла баржа, и на нее несколько часов катали 50-литровые емкости с соком голубики, грузили бидоны с медом: пчеловодство — рентабельная отрасль, промхоз получает с улья в среднем 140 кг меда — совершенно немислимое достижение для европейской части страны.

Вспоминается одна встреча со старым охотником-удэгейцем. Подъем на 100 км вверх по Бикину у нас занял 2 дня. Ночевали мы на полпути, в устье ручья Маdziгоу, в избушке Дюйсена Кялундзюги, плохо говорившего по-русски. Хозяин рассказал о происхождении своего уродства: голова его была свернута набок. Осенью 1945 г., накануне войны с Японией, его в составе двух сотен молодых удэгейцев (после недельного обучения давали каждому по револьверу и рюкзаку со взрывчаткой) переправили через Уссури на оккупированную японцами территорию с заданием валить телеграфные столбы, подрывать склады. Японцы тут же выловили практически всех незадачливых диверсантов, связали за спиной руки, поставили в шеренгу на колени, японский офицер шел и рубил головы саблей. Дюйсен, когда дошла до него очередь, втянул голову в плечи, сабля скользнула по черепу, перерубила выйную связку, но шейные позвонки остались целыми. Когда наступили сумерки, Дюйсен пополз от одного тела к другому, спрашивая: «Есть кто живая, есть кто живая?» — именно так произносил эту фразу старик. И действительно, из сотни казенных нашли трое выживших — японцы спешили, Красная Армия стремительно наступала... Теперь Дюйсен доживал свой век там, где и родился, он уже не ходил по сопкам в поисках женьшеня, не ловил в распадах соболей, но еще ставил вблизи избушки капканы на норку.

И все же больше всего меня поразило в той поездке участие в одной рыбалке. Есть всего пара дней в году, которых ждут удэгейцы, — это предзимье, когда температура воздуха падает ниже нуля, на реке появляются забереги, а в воде — шуга, то есть каша из кристаллов льда. Рыба в такие дни заходит в заливы, где нет шуги, набивается ее довольно много: щуки, окуни, ленки, хариусы, таймени. Наш визит к проводнику пришелся как раз на такие дни. Когда стемнело, супруги-удэгейцы посадили меня на корму довольно большой лодки, зажгли «козу» («коза» — это плетенная из металлических прутьев корзина, в которую кладут «смоляки» — пропитанные смолой дрова из комлевой части кедр), поставили в центре лодки 200-литровую бочку, мне дали весло и просили грести как можно тише, а сами стали с острогами на носу лодки и ближе к корме. Подобную картину можно видеть не только на Дальнем Востоке, но особенностью промысла на Бикине было то совершенно фантастическое мастерство, которое демонстрировали удэгейцы в обращении с острогом.

Если в центральных областях России острога — это орудие примерно с 8—

10 зубцами на 2-метровом древке, которое подносят к добыче на 15—20 см, а потом колют, то на Бикине остроги трехзубчатые, древко изготовлено из ореха, длина его около 4 м, диаметр небольшой. Но самое удивительное — удэгейцы не подводят острогу к добыче, а кидают ее; древко скользит в руках, зубья вонзаются в рыбу, рыбак одним движением о край бочки сбивает добычу, а сам в это время смотрит, где следующая рыба, мечет острогу в нее, орудие еще летит к рыбе, а рыбак уже туда не глядит — с другой стороны лодки видна очередная жертва. Огонь освещает мрак ночи, тени от фигур с острогами скользят по прибрежным кустам, никто не произносит ни слова. Зрелище отдает какой-то

мистикой, лишь шипение горячей смолы возвращает нас в реальность. Крупный 20-килограммовый таймень сошел с остроги, почти спирально скрутив ее зубья. Рыбаку пришлось выправлять острогу о борт лодки, но до конца это сделать не удалось, следом сошел еще один метровый красавец. Такая рыбалка — исконное занятие удэгейцев («удэге» переводится как «человек с речной косы»), это их река и их рыба. Часам к 2 ночи бочка заполнилась, залив стал подергиваться льдом, мы причалили к берегу. Догорал огонь, сказочная рыбалка закончилась. Проводник разрезал пару 2-килограммовых таймений, причем не по брюху, а по спине, подвесил их под крышу зимовья. Утром мы проснулись, таймени уже за-

стыли, удэгеец приготовил «хе» — праву из чеснока и какой-то зелени и стал ножом строгать мороженую рыбу, она была удивительно вкусной...

После третьего курса была полугодовая практика в коопзверпрохозе на Сырдарье, на следующий год — орнитологическая экспедиция по Казахстану, кольцевание фламинго на озере Тенгиз, сбор материала для дипломной работы на озере Султан-Кельды.

Так в учебных корпусах, в библиотеках, в промхозах и отделениях ВНИИОЗ, в общении с самыми разными людьми — от охотников-промысловиков до светил науки, на практиках в разных природных зонах от тундры до гор Тянь-Шаня происходило становление будущих охотоведов Кировской школы.

Евгений Андреевич Братухин

Председателю правления Кировского областного общества охотников и рыболовов Евгению Андреевичу Братухину исполнилось 60 лет. Трудно поверить, что этот энергичный, молодцеватый, жизнерадостный человек шесть непростых десятилетий отшагал по вятской земле, половину из которых — в должности председателя областного общества.

Он родился в небольшой деревеньке близ Кирова, с ранних лет познал и тяжелый труд домашнего хозяйства, и радость единения с родной природой. Увлекался рыбной ловлей, позже — охотой, и это было не только детской забавой, но и существенным подспорьем к небогатому столу. Трудовую деятельность начал на железной дороге, окончив ремесленное училище. Однако после окончания вечерней школы по зову сердца поступил в сельскохозяйственный институт и стал биологом-охотоведом. Завершив службу в армии, работал во Всесоюзном НИИ охоты и звероводства, занимался изучением биологических и экологических особенностей ондатры, организацией ее промысла. Затем — ответственная работа госинспектором по заготовкам и качеству пушно-мехового сырья.

В 1976 г. Е. А. Братухин избран пред-

седателем правления КОООиР и руководит им по сей день. На XX отчетно-выборной конференции в 2006 г. 19-тысячный коллектив вятских охотников и рыболовов вновь доверил ему этот ответственный пост, справедливо решив, что в трудные времена, переживаемые охотничьим хозяйством России, нужен проверенный жизнью, грамотный, целеустремленный руководитель, способный сохранить сложившиеся традиции, наращивать показатели в работе. Под руководством Е. А. Братухина областное общество в течение ряда лет занимает первое место по охотхозяйственной деятельности в Волго-Уральской зоне. Большое внимание он уделяет вопросам экономики и организации работы подведомственных подразделений. Много сделано по развитию охотничьего собаководства. Проводятся областные выставки охотничьих собак, межобластные и всероссийские состязания лаек по подсадному медведю и вольерному кабану. В 1978 г. Е. А. Братухин окончил в Москве курсы экспертов по оценке охотничьих трофеев, вырос до эксперта международной квалификации, ежегодно организует с единомышленниками межрайонные или областные выставки охотничьих трофеев. Под его руководством впервые в России разработано положение о спортивных соревнованиях по охотничьему биатлону, которые вот уже 17 лет с успехом проводятся в области, а в 2000 г. на вятской земле прошли первые всероссийские соревнования. Евгений Андреевич активно занимается проблемой сокращения численности волка в охотничьих угодьях. В 2002 г. он организовал курсы обучения шведских охотников охоте на волков. Под руководством Е. А. Братухина в Кирове построен «Дом охотника и рыболова», магазин «Охотник и рыболов», другие объекты. Одна из его главных забот — профессиональная подготовка штатных сотрудников общества. В 2006 г.

Славный юбилей

К 60-летию Евгения Андреевича Братухина

28 егерей районных обществ повысили свою квалификацию, получили удостоверение Удмуртского института переподготовки кадров и агробизнеса. В обществе создана богатая библиотека специальной литературы. Евгений Андреевич плодотворно сотрудничает со средствами массовой информации. Под его редакцией в 2005 г. вышла книга, посвященная 60-летию юбилею КОООиР.

Е. А. Братухин — человек, любящий и тонко чувствующий природу, страстный охотник. Много лет очередной отпуск он посвящал промыслу пушных зверей — ондатры, бобра, норки, куницы. Любит охоту на уток и медведя. Из охотничьих собак отдает предпочтение русско-европейской лайке. Сейчас его хобби — содержание и разведение пчел.

Заслуги Е. А. Братухина в развитии охотничьего и рыболовного хозяйства, спорта, международного охотничьего туризма получили высокую оценку. Ему присвоены высокие звания «Заслуженный работник охотничьего хозяйства России», «Почетный член Ассоциации «Росохотрыболовсоюз», «Почетный член КОООиР», он награжден правительственной наградой — Знак Почета. В 1984 г. Всероссийское общество охраны природы отметило его почетным знаком «За охрану природы России», есть у него и серебряная медаль ВДНХ за успехи в развитии народного хозяйства СССР.

Сегодня Евгений Андреевич полон сил и энергии, намечает новые пути дальнейшего развития охотничье-рыболовного хозяйства Кировской области, готов с полной отдачей трудиться над решением сложных организационных и хозяйственных задач. Пожелаем ему крепкого здоровья на долгие годы, счастья, оптимизма и уверенности в том, что все задуманное непременно осуществится.

В. ШРЕДЕР

Здравствуйте! С большим интересом прочитал статью В. Машкина «Жир зимоспящих животных». Все очень грамотно, четко и понятно изложено. Большое спасибо!

Обращаюсь к вам с предложением-просьбой (уверен, меня поддержат охотники Дальнего Востока) продолжить цикл статей о правильной обработке и применении пантов, желчи медведя и кабана, бобровой струи, «пупка» кабарги и т. д. Большое количество ценного сырья пропадает от незнания или ложного «знания».

С глубоким уважением

Алексей КИМ
г. Хабаровск

Уважаемый Алексей! Благодарим за письмо. Выполняя вашу просьбу, публикуем статью Л. Лаврова «Консервирование бобровой струи». В дальнейшем постараемся рассказать о медвежьей желчи, пантах и кабарожьей струе.

Консервирование бобровой струи

Л. ЛАВРОВ, кандидат биологических наук

Под весьма распространенным понятием «бобровая струя» (касториум) обычно подразумевают своеобразные парные образования у речных бобров в виде мешочков, которые имеются как у самцов, так и у самок. Долгое время эти органы принимали за мускусные железы, но последние исследования их функциональной деятельности (В. В. Криницкий, 1954) и анатомо-гистологического строения (З. С. Кацнельсон и И. И. Орлова, 1954) показали, что они не имеют ничего общего с железами и являются не чем иным, как своеобразными эпителиальными, сильно складчатými мешочками.

Мешочки бобровой струи находятся под кожей и слоем мышц и расположены симметрично по бокам клоаки. Оба мешочка имеют свободные, несколько суживающиеся кверху отверстия, которые выходят в общую мочеполовую область и дальше — в единственное наружное отверстие для всех каналов — в клоаку. Путем сжатия мышечных волокон, окружающих мешочки, бобры по своему желанию выбрызгивают содержимое этих органов через клоаку во внешнюю среду.

Биологическое значение бобровой струи с точки зрения нормального течения половых процессов животного пока еще недостаточно изучено, но известно, что особенно активно животные выделяют содержимое струи в период гона, а также перед его началом (осенью) и непосредственно после гона (весной). Летом бобры выделяют содержимое струи значительно реже и в несравнимо меньших количествах.

Роль выделений струи во внешнюю среду сводится, видимо, к опознаванию и закреплению района деятельности семьи, так как бобры делают для этого у воды на своих излюбленных вылазах и тропях земляные бугорки и систематически при посещении этих мест выбрызгивают на них содержимое мешочков. В один прием взрослый

бобр в состоянии выделить 2—3 куб. см жидкой струи, а за ночь в сезон максимальной активности — до 15—20 куб. см. По внешнему виду это жидкость ярко-желтого цвета, быстро окисляющаяся и темнеющая на воздухе. По своему составу она неоднородна, в ней часто встречаются твердые крупинки и целые глыбки, отделившиеся от внутренних эпителиальных складок.

В настоящее время вопрос о возможности практического использования прижизненных выделений бобровой струи пока еще не разрешен, хотя мы и имеем полную возможность собирать эти выделения в значительных количествах (см. Труды Воронежского заповедника, вып. IX, 1960).

Мешочки бобровой струи достигают полного развития лишь у вполне взрослых животных. У бобров же, не достигших половозрелости, они явно недоразвиты и поэтому функционируют слабо. Даже у двухлетних бобров они достигают лишь четверти веса мешочков взрослых животных. У новорожденных бобрат эти органы обычно развиты настолько слабо, что их даже не всегда удается найти при вскрытии брюшной полости. Бобрята, достигшие одного-двух месяцев, имеют мешочки уже размером около 20 мм в длину и 10 мм в ширину, однако они еще совершенно пустые и плоские, а вес их едва достигает одного грамма.

В возрасте 4—5 месяцев мешочки весят около 10 г, к годовалому возрасту — около 15—16 г. Складчатость и внутреннее наполнение таких мешоч-

ков все еще очень слабое. Дальнейшая возрастная изменчивость размеров и веса мешочков бобровой струи показана в таблице.

В дореволуционное время бобровую струю использовали как лечебное средство от многих заболеваний, и она даже продавалась в аптеках. Однако современная медицина полностью отказалась от применения бобровой струи и считает, что приписываемые ей целебные свойства научно не подтверждены. В современных условиях бобровая струя нашла широкий спрос в парфюмерной промышленности как весьма стойкий закрепитель тончайших ароматов и вещество, обостряющее человеческое обоняние. При изготовлении лучших сортов духов и одеколонов как у нас, так и за границей обязательно добавляют несколько капель спиртовой настойки бобровой струи.

Способ извлечения бобровой струи. Содержимое бобровой струи не гнивет и не теряет своих свойств даже при долгом лежании тушки бобра, в связи с чем мешочки можно извлекать даже от павших животных. Однако при организации промысла или забоя бобров в зверосовхозах следует вырезать мешочки сразу же после съемки шкуры. Для этого вначале оттягивают и отрезают сальные железы, расположенные несколько ближе к поверхности тела и к отверстию клоаки. По внешнему виду это очень крупные парные железы грушеобразной формы, но более мягкие на ощупь, чем бобровая струя.

Возраст бобра	Размеры сырого мешочка (мм)						Вес пары сырых мешочков (г)		
	Миним.		Максим.		В средн.		Миним.	Максим.	В средн.
	дл.	шир.	дл.	шир.	дл.	шир.			
Годовик	40	15	50	25	45	20	14	16	15
Двухгодовалый	69	30	80	32	75	31	40	56	48
Взрослый	90	60	100	65	95	63	142	260	215

Общий вес пары сальных желез взрослого бобра — 100—150 г. Содержимое сальных желез, напоминающее тепловое масло, в XVIII столетии широко применялось в медицине для приготовления лечебных мазей.

Мешочки бобровой струи находятся под сальными железами, и когда те удалены, становится легче отпрепарировать их. Для того чтобы не порезать стенок мешочка, необходимо, поочередно оттягивая каждый мешочек рукой, осторожно подрезать слои мышц, которые его окружают. При этом надо следить за тем, чтобы на стенках мешочков не оставалось прирезей мышц. Желательно также для удобства последующей сушки не разъединять мешочки, а оставлять их соединенными естественной промежуточной связкой.

Во избежании излишних потерь и утечки вырезанные и отпрепарированные мешочки нельзя складывать в кучу, а желательно сразу же вешать их для просушки сверху отверстиями.

В полевых условиях, где нет необходимого помещения, можно хранить мешочки в замороженном виде до тех пор, пока не представится возможность приступить к их дальнейшей консервации.

Способы консервирования. Мешочки бобровой струи, взятые после съемки шкуры, являются пока еще сырым продуктом, который должен быть определенным образом законсервирован, прежде чем будет использован в парфюмерном производстве. Во время консервирования внутри мешочков происходят сложные биохимические процессы созревания и внешнего формирования, в связи с чем необходимо не быстрое, а постепенное их высушивание в прохладном месте.

В настоящее время известны два способа консервирования бобровой струи: воздушно-сухой и холодный (замедленный).

Воздушно-сухой способ. Зимой отпрепарированные мешочки развешивают в отапливаемом помещении, но не близко к печке. Лучше всего для этих целей натянуть проволоку или шпагат около окна и вешать неразъединенные мешочки отверстиями вверх. Перевязывать при этом наружные отверстия не следует.

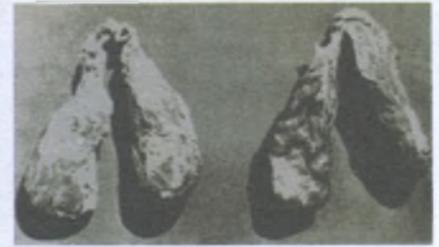
В теплое время года местом просушки может быть сарай или чердачное помещение, но не под железной крышей.

Минимальный срок консервирования свежих мешочков — 3—4 месяца. Признаком готовности их должно быть твердое состояние, наружные стенки не должны продавливаться при нажиме на них пальцами.

Мешочки, подготовленные подобным способом, имеют обычно несколько удлинненную, как бы отвисшую форму и сухое, легко ломающееся содержимое. Кондиционное состояние их удовлетворительное, вес — около средних показателей.

Холодный способ. Заключается этот способ в том, что мешочки бобровой струи выкладывают снаружи, вне отапливаемого помещения, в особые хранилища, имеющие кирпичную или цементную основу (пол). Мы пользуемся для этого специально выдолбленными нишами в кирпичной стене здания. В этом случае мешочки не вешают, а кладут на кирпич или цементное основание. Постепенно созревая, они достигают должного состояния.

Срок консервирования — около 6—7 месяцев, из коих половина должна при-

Мешочки бобровой струи, соединенные естественной промежуточной связкой

ходить на зимние месяцы с отрицательной температурой. Содержимое мешочков достигает очень твердого, почти окаменевшего состояния. В особо зрелых и полных мешочках нередко образуются глубокие трещины, через которые просачивается довольно приятный запах.

Кондиционное состояние таких мешочков хорошее. Форма их овально-грушевидная с гладкой наружной поверхностью. Вес обычно выше средних показателей.

Отечественная парфюмерная промышленность принимает первым сортом бобровую струю, независимо от способа ее приготовления, но считает при этом, что кондиционное состояние, получающееся при холодном способе консервирования, больше соответствует импортному стандарту, и струя имеет к тому же более высокие весовые показатели. В связи с этим следует рекомендовать во всех случаях, где представляется подобная возможность, применять холодный способ замедленного консервирования.

Потребность парфюмерной промышленности в бобровой струе практически неограниченна.

Курьезы охотничьей жизни

Страшная угроза

Во время войны моей маме было всего 4 годика. В деревне своих коров пасли отдельно от колхозных, и каждая женщина, у которой была корова, должна была по очереди их пасти. Наступила очередь моей бабушки, а маму оставить было не с кем и пришлось взять с собой.

Пастбище было огорожено, чтобы стадо не разбрелось и не топтало колхозные посевы. Бабушке понадобилось отлучиться в дальний угол загона и, чтобы не тащить с собой ребенка, она посадила ее под изгородь и велела куда не отлучаться.

Мама сидела себе и играла, как вдруг через изгородь перепрыгнула «большая собака» и побежала к стаду. И тогда эта крошечная девочка взяла палку и принялась кричать, как ей тогда показалось, очень грозно: «Ах ты, паразит такой, а ну пошел отсюда. Я вот тебя сейчас... я тебя... в колхоз запишу!» Она не сомневалась тогда, что именно эта угроза и подействовала: волк испугался и

убежал в лес, вновь перепрыгнув через ограду рядом с ней.

Конечно, перспектива вкалывать в колхозе за трудовни никому волку не понравится. На самом же деле в этот самый момент на него бежал разъяренный бык и не менее разъяренная моя бабушка.

А. ОГУРЦОВ
Архангельская обл.

Чернобурка

После не очень удачной охоты на козульт мы с Сан Санычем уже направлялись к машине, но неожиданно я краем глаза увидел метров за 100 в поле, как какая-то черная тень сделала несколько прыжков и замерла среди невысоких редких кустов. Я был уверен, что это очень темная форма лисицы. «Сан Саныч, лиса мышкует, чернобурка, стреляйте быстрее, а то уйдет», — поспешил я предупредить своего начальника. Однако он засомневался, откуда у нас здесь чернобурки. Но медлить было нельзя, лиса ждать не станет. Он выстрелил. Без особой надежды пошли

смотреть результат. Отмахав немалую дистанцию и проявив недюжинные следопытские навыки, обнаружили в кустах здоровую пушистую черную кошку. Откуда она взялась в такой глуши?

Очень жаль! Но выстрел был мастерский.

«Вы бы так по козам стреляли, как по кошкам», — съязвил я. Но тут и он дал волю своим чувствам. Дело в том, что его супруга очень любила кошек, у них самих их было две, и если бы она узнала о том, что случилось, Сан Санычу бы не поздоровилось. Поэтому он был категоричен: «Космачевский, если об этом кто-нибудь узнает, я тебя сгною на службе!»

Мы еще не раз охотились вместе. И у меня всегда был отличный козырь. Если Сан Саныч «наезжал» на меня за неудачный выстрел, да еще прилюдно, я ему всегда отвечал, что и у него по «чернобуркам» лучше получается, чем по козам. И мы были квиты.

С. КОСМАЧЕВСКИЙ
Читинская обл.

Волки Горного Бадахшана

Волк образует 12 подвидов, из которых в Средней Азии встречается два. Все низменные местообитания и невысокие горы населяет пустынный волк *Canis Lupus desertorum*. На Памире, в Горном Бадахшане, живет тибетский волк *Canis Lupus chanku Gray*. Это мелкий волк, длина тела его немногим более одного метра. Мех имеет желтовато-песочный оттенок, он более короткий, редкий и грубый. В горах его можно встретить повсюду, за исключением мест, освоенных человеком. Хорошо он себя чувствует и в суровых условиях высокогорий Памира.

Больше всего волков в Горном Бадахшане. Обилие диких и домашних животных, отсутствие поощрения за уничтожение волков привели к увеличению его популяции, особенно за последние 15 лет.

Силами егерской службы охотхозяйств, расположенных на Памире, еже-

годно отстреливается определенное количество хищников, однако численность их не снижается. Появились даже случаи нападения волков на человека в зимнее время.

Волки наносят значительный урон поголовью баранов Марко Поло и горных козлов. В летнее время хищники питаются красными сурками, зайцами-толяями и домашними животными, а с наступлением холодов — дикими копытными.

Во время устойчивого снежного покрова волки, следуя за баранами Марко Поло, совершают длительные кочевки. Переходя от одной группы гор к другой, они пересекают большие пространства. Стаи волков встречаются редко. Автору этих строк только один раз удалось видеть группу волков в количестве девяти зверей в декабре прошлого года, в основном встречаются одиночки или пары.

Высокогорные плато Памира служат ареной для охоты волков на баранов. Особенно много животных погибает от хищников в малоснежные зимы. Они загоняют баранов на обширные наледы, образующиеся в долинах, и, пользуясь их беспомощностью, убивают. Подавляющее число погибших, как правило, составляют взрослые самцы.

Количество баранов Марко Поло, уничтожаемое волками Горного Бадахшана за год, исчисляется сотнями. Поэтому необходимо принять срочные меры по сокращению популяции волка на Памире.

Сергей ТИШКЕВИЧ
Фото автора

ФОТОКОНКУРС
«Охота и природа, 2006»

Соболь в моем доме

В. ПОЛЕВОЙ. Фото автора

Автор очерка В. Полевой и его спасенный найденыш

Фото Д. Нагачеева

Сказать о соболе, что он красив, — это значит ничего не сказать! Его шелковистый подобно лебяжьему пуху мех издревле считался царским, а соболиные шкурки — «мягким золотом». Стройное, красивое тело на длинных ногах и сравнительно небольшой хвост придают зверьку элегантный вид, а большие уши и симпатичная мордашка делают его неотразимым. Летом мех у соболя короткий, и зверек выглядит в нем поджарым, но уже к октябрю — ноябрю соболь переодевается в невероятно красивую зимнюю шубку. Любопытная мордочка зверька к этому времени становится похожа на мордочку плюшевого медвежонка. Не было бы преувеличением отметить и тот факт, что при комнатном содержании соболя его сложно сравнить с кем-либо другим из представителей семейства кунных. В отличие от большинства зверьков этого семейства, соболь не издает дурного запаха из прианальной желе-

зы. Чистоплотность, смысленность и способность становиться ручнее кошки дают основание для дальнейшего развития области домашнего соболеводства. Тот, кому приходилось общаться с ручным соболем, знает, что он способен подкупить своим нравом и привязывается к человеку, требуя любви и внимания. Если вы при нем решили поговорить по телефону или почитать книжку, то знайте, что ручной соболь не позволит делать это в одиночестве и обязательно составит вам компанию. Не влюбиться в этого уникального зверька просто невозможно!

Но такое поведение свойственно не всем особям. Даже в наши дни домашний соболь — это большая редкость. Волей случая мне посчастливилось воспитывать с юного возраста двух осиротевших соболят, мать которых погибла при вырубке леса. Малышей мне передал местный охотник, выхаживавший их до момента прозревания.

Рекомендации по уходу, а также наблюдения за соболятами в домашних условиях, приведенные в этой статье, основаны на личном опыте автора.

Абсолютно ручными становятся только те соболи, которые выращены человеком практически со слепого возраста, воспитаны ручной самкой или выкормлены домашней кошкой. Такие зверьки свободно даются в руки, любят спать на коленях, залезать на плечи или на голову к хозяину, а своеобразным мурлыканьем они выражают свое настроение и расположение духа. Соболи очень хорошо отвечают на ласку взаимностью. Один соболенок, когда его гладили, любил облизывать лицо хозяина, а затем сладко засыпал у него на груди, при этом принимая во сне умильные позы. Подобно кошкам и собакам, зверьки отзываются на кличку и прибегают по первому же зову.

Соболи, взятые из природы, в большинстве своем довольно быстро привыкали к человеку. Среди злобных зверьков попадались и такие, которые в первый же день слизывали с руки мед или сметану. Со временем один зверек стал спать с хозяевами на кровати и запрыгивать на колени к своей кормилице. Тот же самый соболь подружился с лайкой и даже ел с ней из одной миски. В туалет этот зверек ходил в специальный ящик, наполненный песком. Интересные сведения о соболе сообщил один охотник-промысловик: зверек ловил мышей в зимовье, карауля их точно так же, как это делает домашняя кошка. Другой соболек, живший в частном доме, выходил через окно во двор дома и тем же путем возвращался.

Но чтобы вырастить абсолютно ручного соболя, нужно брать зверька как можно более раннего возраста, когда малыши только начинают самостоятельно питаться. Молодые соболята очень подвижны и энергичны. Им всего два месяца от роду, а они словно вихрь носятся по комнате друг за дру-

Соболь — зверек не только сообразительный, но и любопытный

Соболь и хорек — друзья по играм

гом, заскакивая то на стол, то на диван или подоконник, а оттуда планируют на пол, приняв при этом позу белки-летяги. В это время зверьки становятся достаточно цепкими. У них острые, словно иглы, молочные зубы, которые полностью меняются на постоянные примерно к пяти месяцам. Игры соболят напоминают игры котят и щенят: они ловят игрушку, привязанную на нитке, и как щенки борются друг с другом, визжат, урчат, даже рычат. Играя, малыши приобретают различные охотничьи навыки и укрепляют мышцы. Они настолько энергичны и стремительны в движениях, что иной раз создается впечатление, будто у них есть крылья. При игре с соболенком нужно проявлять осторожность, чтобы зверек, разыгравшись, случайно не поцарапал вам ноги или не прокусил палец: малыши еще не умеют соизмерять силу своего укуса.

В природе соболь — это сумеречный хищник. В домашних условиях он приспособливается под расписание своих домочадцев, то есть спит ночью и активен в дневное время суток. Взятый в дом с детства, он хорошо уживается с другими домашними животными, например с собакой, кошкой или хорьком. Молодые зверьки настолько привыкают к другим четвероногим питомцам, что вместе играют с ними, едят и спят. Многие охотники сообщают о том, что в природе соболь является врагом для более мелких представителей семейства куньих. В квартире соболята, напротив, проявляют повышенный интерес к хорькам и очень дружелюбно настроены по отношению к ним. По своей природе соболи очень любопытны, малыши исследуют все доступные для них места в комнате.

В природе соболи — наземные хищники, но иногда они залезают на деревья, чаще всего во время преследования или в поисках пищи. Нередко соболюшка устраивает гнездо для своего будущего потомства в дупле дерева. Дома соболята зачастую лазают по шторке или по настенному ковру. В возрасте 60—70 дней они не так ловки, как взрослые звери, и поэтому необходимо следить, чтобы малыши случайно не сорвались на пол и не нанесли себе серьезных травм. В практике, при

вольерном содержании зверьков, были случаи, когда они, взобравшись на ветку, падали с высоты и сильно ушибались, так как не становились на четыре лапы, как взрослые звери, что в дальнейшем нередко приводило к параличу задних конечностей.

По мере взросления молодым зверькам все более интересен окружающий мир. Порой они становятся чрезмерно ручными! Каждый новый человек, вошедший в комнату, или незнакомый предмет — все попадает в поле их зрения. Они обследуют незнакомого человека сверху донизу. Побывают на голове и на плечах, взобравшись по спине, ногам или запрыгнув с полки. Проверят все карманы или залезут под одежду. Соболи очень запасливые зверьки, и даже дома они пытаются спрятать лакомые кусочки пищи или свои игрушки в укромные места. Был случай, когда зверек решил приспособить для этой цели самое неподходящее место: он пытался спрятать лакомые кусочки за шиворот хозяйину или в карманы рубашки. Смешно наблюдать, как соболи с интересом смотрят телевизор и даже пытаются поймать движущееся изображение на экране.

Соболь — довольно сообразительный зверек и легко поддается воспитанию. Достаточно в комнате поставить кошачий лоток, и он будет пользоваться им как туалетом. В отличие от кошек, соболь не дерет мягкую мебель и не копает ковер, как это делает хорек. Если зверька оставлять дома одного, то лучше всего закрывать его в какой-то одной комнате, иначе он быстро «наведет порядок» на полках других комнат, где стоят цветы или ценные предметы. Надо отметить, что в качестве игрушки соболь может избрать какой-нибудь неподходящий предмет, а наигравшись, спрятать его в укромное местечко. Дома желательно иметь просторную клетку с гнездовым домиком, куда по необходимости можно запереть разыгравшегося зверька. Обыкновенный тазик с водой можно использовать в качестве купальни. У соболей очень разнообразен набор звуковых сигналов. Если зверьки голодны, то они обязательно сообщат об этом хозяину своеобразными звуками, похожими не то на скрип, не то на

кряканье. Обычно это продолжительный, резко обрывающийся гортанный звук. Таким образом они выражают какую-то просьбу или даже жалуются. При недовольстве или агрессии зверьки рычат в точности как собаки, а при хорошем расположении духа и удовольствии они «мурлычат» и урчат.

Соболь — хищник, в природе его добычей становятся мышевидные грызуны, пищухи, землеройки, рябчики, тетерева и мелкие птицы, иногда насекомые. При недостатке кормов он ловит белку, преследует зайца и даже кабаргу. Но кроме пищи животного происхождения, огромную роль в рационе соболя составляет растительная пища. Зачастую это различные таежные ягоды и кедровый орех. Лакомством для него служит мед. При попытке приручить дикого зверька именно мед служит главной приманкой, за которой зверек подходит к человеку.

По сравнению с другими куньими, соболь — это настоящий долгожитель, средняя продолжительность его жизни составляет около 20 лет. Репродуктивные способности при этом сохраняются практически до глубокой старости. В условиях неволи половой зрелости зверьки достигают на третий, а то и на четвертый год жизни. Гон выпадает на середину лета. Потомством соболюшка обзаводится в марте-апреле, через 9 месяцев после спаривания.

В природе размер и окрас соболей сильно изменчивы. В основном это зависит от их местообитания. На сегодняшний день звероводы вывели темных, однотонных соболей, получивших статус породы, которые по ряду признаков значительно отличаются от своих диких собратьев. К сожалению, такая работа проводилась лишь для того, чтобы добыть более качественного меха, но многочисленные достоинства соболей открывают перспективу для новой интересной отрасли — отрасли домашнего соболеводства.

От редакции: в Законе о животном мире говорится о том, что содержание и разведение диких животных в полувольных условиях и искусственно созданной среде обитания допускается только с разрешения специально уполномоченного органа надзора за дикими животными.

Домашний соболь в летнем наряде

Прыжок в высоту

Голоса гончих

А. СТРУЧКОВ, Почетный член Росохотрыболовсоюза. Фото В. Животченко

Современному гончатнику охота не приносит материальных выгод. Это не работа, а скорее любительский спорт, эмоционально-поэтическое занятие, которое дает очень многое человеку, способному глубоко воспринимать проявления природы во все времена года. Постоянное общение с собакой позволяет понять психику помощника, установить с ним тесный контакт и добиться взаимопонимания, послушания, что очень важно как в повседневной жизни, так и во время нагонки и охоты. Круглогодичные занятия в поле, в лесу превосходно укрепляют здоровье и охотника, и собаки.

Гончая для российского охотника во всей лесостепной зоне является наиболее массовой по сравнению с другими породами охотничьих собак. Собака среднего роста, пропорциональная, с густой теплой шерстью, неприхотлива, не требует квартирного содержания. В утепленной будке с толстым слоем сухой соломы легко переносит даже сильные морозы. Широкому распространению гончих способствует практически повсеместное достаточное количество основных объектов охоты — зайца и лисицы. С гончими охотятся и на беляка и на русака. Можно охотиться с ними на шакала и других зверей.

Преследуя зверя, гончая постоянно отдает голос. Это качество присуще только собакам гончих пород и передается по наследству из поколения в поколение. Охотник, слушая гон, определяет скорость и направление движения зверя, старается его перехватить. Вполне понятно, что чем дальше слышен голос собаки, тем удобнее и проще встретить зверя. Это свойство голоса называется доносивостью. Гончую со слабым голосом охотник быстро теряет, особенно при сильном ветре, когда шумит листва, или зимой, когда обильно выпавший снег лежит на ветвях деревьев и гасит все звуки. Когда голос собаки не слышен, охотник теряет представление о ходе зверя, вынужден наугад бегать по лесу в попытках найти собаку, напрасно тратит много времени и сил, не получает удовольствия от охоты и даже может вовсе потерять собаку в лесу.

Голос, который гончая отдает во время гона, заметно отличается от лая собак других пород. Гончая преследует зверя с голосом, полным музыки и страсти. Диапазон отдачи голоса очень широк — от дисканта до баса-октавы. Отдача голоса бывает горячая, азартная, яркая, бывает вялой, однотонной, скучной — редкоскалой. Голоса бывают однотонные, двух и трех тонов, некоторые собаки способны модулировать. Бывают голоса с гнусью, как бы в нос. Эта гнусь обычно наслаивается на основные

тона, придавая им особое звучание. Бывают голоса с заливом, когда голос звучит постоянно, словно непрерывно льётся со сменой тональности. Особенно часто такой залив бывает у выжловок. У выжловцев бывает зарев — когда голос звучит непрерывно, сплошным ревом на низких тонах, Особенно ценят гончатники работу смычка или стаи, в которых есть гончие с заревом и с заливом. Такой гон запоминается как великий подарок судьбы. В то же время даже хорошо работающую гончую со слабым невыразительным голосом слушать неинтересно.

Немало усилий приложили лучшие гончатники России для улучшения голосов, сохранения и улучшения рабочих свойств породы. Со словами благодарности должны мы вспомнить экспертов Всесоюзной категории Сергеева М. А. (Москва), Шмита Э. В. (Ульяновск), Распопова А. Н. и Чуватина Л. М. (Киров), Павлова В. Н. и Крашенинникова Н. Н. (Ленинград), эксперта Всесоюзной категории Пашкова С. М. (Москва), экспертов Всероссийской категории Федорина Д. Н. (Иваново), эксперта Всесоюзной категории Шяна Р. И. (Н. Новгород). Немало сделали для улучшения голосов гончатники из Йошкар-Олы Погадаев Е. И., Бородин В. Л., Погарский В. А., Пархоменко М. З., Чуршуков В. М., Зимин Н. Г. и другие.

Сильными и необыкновенно волнующими голосами надолго запомнились ч. Амур 1382 р. г.¹ Распопова А. Н. (8-4-4), ч. Набат 1235 р. г. Орлова К. А. (8-

¹ Р. г. — русская гончая

*Гон разливается мощью и страстью...
Стою на лазу — и, под лепет ручья,
Жду быстролетного древнего счастья
На золотящейся мушке ружья.
С. Вьюгин*

3-5), ч. Рыдай 1519 р. г. Михеева М. А. (8-4-4), ч. Заливай 2230 р. г. Трошкова Б. Н. (9-4-5), ч. Будило 2069 р. г. Иутина В. С. (9-4-5), Брызгалю IV 2713 р. г. Леонова П. И. (9-3-5), Плакун 7843 р. г. Гусева А. И. (8-3-4), Будишка 1631 р. г. Сергеева М. А. (8-3-5), Волга-III Шяна Р. И. (7-4-4), Заря II Стручкова А. С. (8-3-4), Волна Стручкова А. С. (8-3-4), Флейта 1006 р. г. Малышева А. П. (8-3-4).

Осенью 2004 года на Всероссийских состязаниях порадовали экспертов и слушателей Арфей 1327 Соловьева В. А. (8-3-4); Певка 1616/04 Кудрявцева В. Я. (7-3-4); Бушуй 1050/01 Военного А. А. (8-3-4); Разбойка 1159/02 питомник Тархановский (7-4-4); Байкал-II 9984/01 Тараторина С. В. (7-3-4).

С голосами на уровне 7-3-4, 8-3-4 в наше время встречается немало гончих. Есть голосистые собаки в Марийской республике, Новгородской, Пензенской, Курской областях. Сейчас в Нижегородской области в расцвете сил такие русские гончие, как Буря 831Н-02/0027-7 Опарышева А. П. (8-3-4); Пурга 831Н-03/0027-5 Бакалина А. В. (8-3-4); Бас 83 Ш-01/0032-4 Гришина Н. Г. (8-3-4); Альта 831Н-01/0032-7 Гришина В. А. (8-3-4). Многообещающая первоосенница Пальма Храмова Н. Ф. (9-3-4) И это еще не все!!!

Это огромный прогресс в улучшении силы и музыкальности голосов за последние два десятилетия. Перечисленные гончие имеют по несколько дипло-

После удачной охоты

мов первой, второй и третьей степени и одновременно получили высшие оценки за экстерьер. Остается только пожелать гончатникам России дальнейшего успеха в улучшении рабочих и голосовых качеств наших гончих.

Малоопытным гончатникам не всегда понятно, за какие качества эксперты ставят оценку 9–4–5. Таблица испытаний предусматривает максимально за силу — 10, музыкальность — 5, верность отдачи — 5 баллов. Экспертиза гончих, пожалуй, самая тяжелая среди экспертиз других охотничьих пород как в физическом плане, так и самая сложная для правильного определения всех качеств собаки. Эксперт по голосу должен определить направление гона, расстояние от зверя до собаки, ситуацию, в которой работает собака. Сила и музыкальность голоса зависят от многих факторов: температуры, влажности воздуха и тропы, характера леса и местности, природных данных собаки и уровня ее физической подготовки, индивидуальных особенностей поведения зверя.

Наиболее полно голос звучит в крупном сосновом лесу, при умеренной влажности и невысокой температуре, когда хорошая физическая подготовка и сильное чутье позволяют собаке держаться достаточно близко к зверю. Малоопытные беляки не стараются оторваться от собаки, не торопятся наделять двоек, скидок, идут более правильным кругом, сравнительно предсказуемы. В то же время голос не может проявиться во всей красе при ветре, в сухую и жаркую погоду, в густом смешанном лесу или при наличии высокой травы, в заболоченной местности, при слабой физической подготовке собаки (долгое время провела на цепи, не имела полноценного рационального питания), при других неблагоприятных факторов.

Ввиду перечисленных факторов, влияющих на отдачу голоса, часто возникает недовольство владельцев на занижение расценки голоса, подозрение или вумышленном, злонамеренном занижении, или в некомпетентности экспертов. Свое недовольство владельцы объясняют более высокими баллами, полученными ранее, выставленными другими экспертами.

Большое влияние на результаты оценки оказывает физическое состояние собак в день проведения экспертизы. Если по жеребьевке выпал один из первых номеров, воздух еще прохладен, влажность достаточная, собака не утомлена, зверь шел ровно, все обстоятельства сложились благоприятно. При таких условиях собака может получить диплом с хорошей оценкой за голос. Если же при жеребьевке выпал последний номер, собака весь день провела на привязи, в возбужденном состоянии, то и оценка голоса будет ниже возможного.

У российских охотников наибольшее распространение получили две породы — русская гончая и русская пегая

гончая. Гончие других пород (например, эстонская гончая) почти не встречаются, так как малопригодны для нашего климата с глубоким снежным покровом, сильными морозами и тяжелыми условиями работы в захлапленных лесах.

Любители русских гончих утверждают, что в среднем, по сравнению с русскими пегими, голоса у них лучше. На основании собственного многолетнего опыта и с учетом мнения многих охотников и экспертов, а также результатов испытаний и состязаний могу сделать вывод:

1. У русских пегих гончих голос примерно на 0,5 балла сильнее и доносчивее.

2. По музыкальности и фигурности голоса русские гончие не уступают русским пегим.

3. По верности отдачи русские гончие явно превосходят русских пегих.

4. В среднем по породам существует заметная разница в манере отдачи голоса. Русская пегая гончая отдает голос более монотонно, однообразно — независимо от того, близко зверь или уже значительно удалел. Русская гончая более ярко и продолжительно заляется с подъема, четче обозначит, что зверь удалел, приблизившись к зверю, опять ярко обозначит это голосом, именно тогда идет настоящий гон, зверю нет времени и возможности хитрить, делать двойки и петли.

Вот эта особая эмоциональность больше нравится российским охотникам. Поэтому за последние 15–20 лет количество русских гончих преобладает над количеством русских пегих. К примеру, в октябре 2004 г. в Марий-Эл на Всероссийских состязаниях выступало 173 гончих, в том числе 132 русских гончих, 39 русских пегих и только 2 эстонских. Кстати, на этих состязаниях из одиннадцати собак, получивших дипломы первой степени, только одна была русской пегой, это Айка 4469/98 Пермякова В. И. из Ярославля.

В конце статьи хочу в качестве примера рассказать о нескольких выдающихся голосах.

Полевого чемпиона Будилу 2069 я приобрел в солидном возрасте, к тому моменту он уже имел два полевых диплома I, два диплома II и один диплом III степени. Удалось поохотиться с ним полный сезон. Его необыкновенный голос звучал на три тона. Основным был баритон, близкий к басу, второй тон был немного выше, а третий — альтового звучания. Все три тона звучали очень чисто, певуче, четко разделялись без фазы молчания при смене тонов. На эти тона украшением наслаивалась гнусь. Все это при отменной щедрости отдачи. Невозможно в словах передать всю своеобразную красоту, силу и страсть его голоса. На всю жизнь врезались в память счастливые минуты охот с этой выдающейся голосом и работой гончей.

В одну из последних моих встреч со знаменитым гончатником Михаилом

Александровичем Сергеевым зашла речь о значении голоса гончей для истинных охотников. Михаил Александрович с восторгом вспомнил один из эпизодов охоты со смычком по чернотропу. Это были русские гончие чемпион Плакун 1049 с голосом 9–4–5 и Будиска-III 1631 с голосом 8–3–5. Гон был удивительно продолжительный и яркий, голоса то приближались, то удалялись. Скол произошел неподалеку, я быстро приблизился к месту скола, и вдруг почти в пятнадцати шагах — мощный взрыв голосов смычка по зрячему!!! От такой неожиданности, по словам охотника, мороз пошел по спине, зашевелились волосы на голове, а сердце чуть не выскочило из груди.

Конечно, такие минуты выпадают не часто, но становятся легендой, о них вспоминают всю жизнь! Именно ради таких счастливых мгновений, ради таких голосов и нужно стремиться вести племенное дело всем истинным охотникам, по-настоящему понимающим и любящим работу гончих.

Конечная задача селекционеров-кинологов и заводчиков — серьезно анализировать подбор производителей для улучшения рабочих качеств собак, улучшения доносчивости, фигурности голосов, правильности и верности отдачи. Надеемся, что российские собаководы продолжат работу над улучшением голосов наших гончих, достигнут хороших результатов в улучшении их рабочих и голосовых качеств.

Выжлец Бушуй в ползае, владелец О. Черников

Нужно ли разграничивать полномочия гончих

А. ШАРАФУТДИНОВ,
эксперт-кинолог

В статье «Краткий очерк истории двух пород гончих. Несколько мыслей по поводу их современного развития», опубликованной в десятом номере журнала «Охота и охотничье хозяйство», автор О. А. Егоров затронул ряд вопросов, в том числе о Правилах испытаний гончих, бурно обсуждавшихся в 2000–2004 годах.

В одной из статей, опубликованных в РОГ в 2002 году, мною были приведены результаты состязаний гончих, проведенных в октябре 2001 года в Европейской части России по правилам 1995 года. На кубке С.-Петербурга было представлено 25 гончих, из которых дипломы получили 2 собаки; на мемориале Н. П. Кишенского из 41 гончей — 7 дипломов; на матче «Золотое кольцо» из 16 гончих — 2 диплома; на Московских областных состязаниях из 50 гончих — 6 дипломов (из них 3 по лисце). Итого: из 132 лучших гончих России заработали дипломы лишь 17 собак, т. е. 12 %. Что же делать с 88 процентами бездипломных? Откуда они взялись и куда их девать? А если наложить процентное соотношение дипломированных и недипломированных на все многотысячное поголовье гончих России, получается удручающая картина.

Картину эту породили правила испытаний гончих 1995 года, которые разделили всех отечественных гончих на «белых» и «черных», соотношение которых показано выше.

В своей книге «Русская гончая» Р. И. Шиян, описывая историю развития Правил проб и испытаний гончих России в хронологическом порядке, показал, что составители этих Правил постепенно (поминутно) наращивали временные требования к работе гончих на испытаниях. Эксперты того времени понимали, что наши гончие создавались и веками работали в стае, где требования к работе, например в комплектной охоте, были совершенно иные, нежели теперь.

В настоящее время идет процесс превращения гончей из стайной собаки в одиночную, и процесс этот сложный и длительный. Мы можем и должны ускорить этот процесс, но очень аккуратно и постепенно. А авторы Правил 1995 года увеличили минимальные временные требования к диплому сразу на 50 процентов.

Правила испытаний гончих до 1995 года и после 2005 года учитывают качественное многообразие отечественных гончих. Наши гончие, хотим мы того или не хотим, по своим рабочим качествам делятся на 4 группы:

а) плохо работающие, когда собака

в целом или в деталях своей работы нас не устраивает;

б) работающие удовлетворительно, например с частыми сколами, добором и т. д.

в) работающие хорошо, надежно, добычливо, но в чем-то оставляющие желать лучшего, например в силе или музыке голоса;

г) работающие очень хорошо, надежно, чутыстые, с сильными фигурными голосами.

Автор статьи говорит об идеальной собаке. В природе, наверное, идеальной гончей не существует. Идеальная, например, русская гончая по действующему стандарту должна накладываться на портрет Добывава П. Н. Белоусова, а по рабочим качествам оцениваться в 100 баллов. В племенной работе мы стремимся к идеальной собаке, но вряд ли мы ее получим.

Правила испытаний, утвержденные президиумом РФОС 25.02.2005 года, составлены для определения каче-

ственного состояния всех испытываемых гончих с учетом, в том числе, и временных показателей. Экспертиза по правилам 2005 года исключает досадные случаи, когда хорошо подготовленная гончая, ярко и без сколов отработавшая 40 или даже более 50 минут, скальвается, настойчиво ищет «упало-ва», но не укладывается с выправлением скола в 20 минут и остается без диплома. Хотя все члены комиссии и охотники, при сем присутствующие, видят, что это безусловно надежная работница.

Однако мы понимаем, что Правила испытаний гончих 2005 года не панацея. Со временем, по мере развития пород наших гончих и изменения условий охоты, нынешние Правила тоже претерпят изменения. Если мы проследим хронологию изменений Правил, то заметим, что в среднем Правила испытаний гончих в России менялись каждые 10 лет. Уже сейчас гончатники южных регионов говорят, что при испытании гончих по

О. А. Черников с добытым беляком в Подмоскowie

Фото А. Животченко

Русская гончая Бушуй II 1050/01, владелец А. Военный

Фото автора

русаку надо увеличивать время на перемолчки и на выправление сколов, ибо участок обитания беляка измеряется километром, а русака — пятью.

Далее в статье автор пишет о специализации двух пород наших гончих. По его словам, в южных регионах преобладают количественно русские пегие гончие, где основной объект охоты — русак и лисица, а потому испытываются и доказывают свою рабочую состоятельность наши пегие гончие должны по русаку и лисице. А в лесных регионах России преобладают количеством русские гончие и объект охоты с ними — заяц-беляк. И доказывать свои рабочие качества русские гончие должны только по беляку. «Диплом же по лисице, а будь он хоть каких степеней или вовсе без оных, не представляет для них никакой ценности», — уверяет нас автор.

Уважаемый О. А. Егоров, если Вы держали гончую или хотя бы регулярно охотились с русской или русской пегой гончей, то должны были заметить, что манера гоньбы по лисице, в том числе и отдача голоса, отличается от манеры гоньбы по зайцу. Почему? А потому, что при гоньбе по лисице кроме всех охотничьих качеств, проявляемых при гоньбе по зайцу, проявляется злобность.

Напомню читателям высказывание Отца отечественных пород гончих Н. П. Пахомова: «Злобность — врожденное свойство гончей, безошибочно указывающее на ее кровность, так как она совершенно не свойственна полудворняжкам, какими бы хорошими гон-

чими по зайцу они ни были. Злобная гончая предпочитает красного зверя зайцу... гончей разрешается бросить след зайца, если его пересек след красного зверя: лисицы или волка. Такой переход считается несомненным достоинством...» Иными словами, злобность к красному зверю должна быть доминантной. К счастью, это признается авторами всех Правил испытаний гончих (см. п. 22 Правил). Лисица в России водится от Белого моря до Черного и, заметим, недоопрощается, что неблагоприятно сказывается на состоянии охотфауны. Призываю охотников добывать лисицу — мода на нее возобновилась.

Непонятно, откуда автор статьи взял данные или наблюдения о преимущественном распространении русских пегих гончих в южных регионах.

Русские пегие гончие распространены и разводятся с севера на юг в Архангельской области, Республике Коми, Ярославской, Пермской, Екатеринбургской областях, Красноярском крае, Удмуртской, Брянской, Курганской, Рязанской, Тульской, Тамбовской, Воронежской, Белгородской, Саратовской областях и Ставропольском крае. Из шестнадцати перечисленных регионов лишь шесть последних относятся к лесостепным, где преобладает заяц-русак. Заметим также, что во всех южных регионах, кроме, может быть, Белгородской области, и по учету, и по показу на выставках преобладают русские гончие, с которыми вполне успешно охотятся на русака и лисицу.

Посмотрим, а каково вообще соотношение русских пегих гончих и русских гончих. На последних Всероссийских состязаниях в октябре 2004 года из 177 участвовавших гончих была 41 русская пегая, что составляет 23 процента.

А что будет, если мы все-таки внемлем доводам О. А. Егорова и разграничим «полномочия» русских и русских пегих гончих?

Ведь не согласятся же архангелогородская гончатница М. Ю. Войлочникова, Коми-республиканский гончатник С. В. Лифиренко и ярославский гончатник В. И. Пермяков поменять своих пегих в румянах на «рыжих» русских гончих, а ставропольский гончатник В. И. Дудкин, ростовский гончатник С. Г. Шевченко и волгоградский гончатник О. В. Карпенко поменять своих багряных на «белую в заплатках» гончую. Выход один — переселяться. Одним с «милого севера в сторону южную» дружим — наоборот. Всего в России более 40 тысяч гончатников, более половины из которых живет в местах «не по породе». Это великое переселение вполне может вызвать в стране демографической обвал!

По-моему, уважаемому О. А. Егорову, пока не поздно, надо написать и опубликовать опровержение к своей статье в части, касающейся разграничения полномочий наших гончих.

С добрыми пожеланиями гончатникам России.

Дмитрий Хартов

Конец марта

Март.

Туман.

Капель-горошины.

Умерла зима,

растаяла.

Грач

и с ним скворец

взъерошенный

Рядом ходят по проталинам.

Чуть слышать бормочет тетерев.

Звень овсянок

над дорогами.

Это всё зимы отметины

Наряду с другими многими.

Здравствуй же,

весна веселая!

Встречи ждать с тобой устали мы.

И с тобой,

и с новосёлами,

Что слетелись на проталины.

За глухарями

Виктору Дорофееву

Темень.

Холод.

Плечи ноют.

А рюкзак — с хорошим весом.

Помню, как порой ночью

Шли с тобой весенним лесом.

Нас тайга хотела сцапать

Елей лапами большими.

Постоянно эти лапы

Пред глазами мельтешили.

Сосны с кедрами шумели,

Напугать хотели вроде.

Все равно к заветной цели

Шли впотьмах назло природе.

Отчего же нам не спится?

Что же нас в дорогу манит?

Лишь одно —

большие птицы

Где-то шепчут и шаманят.

Только нам с тобой известен

Путь к токам, тропа лесная.

Глухариных тайных песен

Скоро мы слова узнаем.

А от них мороз по коже.

Будто стукнул камень в камень.

Словно точит нож о ножик

Леший вместе с мошниками.

Прячься от чужого взгляда,

Глухари играют свадьбы.

Вот что нам увидеть надо,

И туда не опоздать бы!

Шаг за шагом,

метр за метром,

Отдых маленький под ёлкой.

И опять порывы ветра

Хлещут в щёки снегом колким...

Слава Богу!

Мы успели!

Мы уже в святых святая.

Слышишь?

Кажется, запели?

Ветки видно...

Рассветает...

Хочу продать ружье: что я должен делать?

Гражданское оружие подразделяется на: оружие самообороны, спортивное, охотничье, сигнальное и холодное клинковое, которое предназначено для ношения с казачьей формой и национальными костюмами некоторых народов России (статья 3-я Закона «Об оружии»).

Закон «Об оружии» дает право гражданину, имеющему в личной собственности на законных основаниях гражданское оружие, продать его юридическому лицу, которое имеет лицензию на торговлю гражданским и служебным оружием, коллекционирование или экспонирование. Оружие можно продать и военизированным организациям, но предварительно следует уведомить милицию, где было зарегистрировано продаваемое оружие и выдано разрешение на право хранения или хранения и ношения его. Оружие можно продавать и гражданам, которые имеют лицензию на приобретение оружия, его коллекционирование или экспонирование. Передавать оружие покупателю — физическому лицу — можно не только после уведомления милиции, но и при перерегистрации его в милиции по месту учета (статья 20-я Закона). Такие же требования содержатся и в Правилах оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 (ст. 13).

Если оружие будет приобретено без предварительного получения лицензии на его приобретение, оно может быть милицией изъято (ст. 27).

В названном Законе содержится перечень оружия, запрещенного к обороту, его нельзя продавать и покупать (ст. 6), в Правилах дан перечень оружия, которое нельзя продавать (ст. 14). Законом запрещен оборот в качестве гражданского и служебного оружия: огнестрельное длинноствольное оружие с емкостью магазина (барабана) более 10 патронов, имеющее длину ствола или длину ствола со ствольной коробкой менее 500 мм и общую длину оружия менее 800 мм, а также имеющее конструкцию, которая позволяет сделать его длину менее 800 мм и при этом не теряется возможность сделать выстрел; огнестрельное оружие, которое имеет форму, имитирующую другие предметы; огнестрельное гладкоствольное оружие, изготовленное под патроны к огнестрельному оружию с нарезным стволом и др.

В Правилах дан более подробный перечень запрещенного к продаже оружия. К такому оружию относятся: оружие, не зарегистрированное в органах внутренних дел, либо оружие и патроны, технически непригодные для эксплуатации; оружие без номера и клейма, а также патроны без маркировки и знака соответствия государственным

стандартам на первичной упаковке; огнестрельное оружие с нарезным стволом, не прошедшее контрольный отстрел с представлением в федеральную пулегильзотеку отстрелянных пуль и гильз в порядке, который установлен МВД РФ; оружие и патроны, полученные во временное пользование; оружие и патроны, находящиеся под таможенным контролем; оружие и патроны, продаваемые иностранными гражданами. В этот перечень включен и запрет на продажу патронов к охотничьему огнестрельному гладкоствольному оружию, снаряженных гражданами для личного использования.

Постановлением Правительства РФ от 5 декабря 2005 года № 718 «О награждении оружием граждан Российской Федерации» утверждены Правила награждения граждан Российской Федерации гражданским, боевым короткоствольным ручным стрелковым и холодным оружием.

Этими Правилами (ст. 4), так же как и Законом (ст. 20¹), продажа, дарение и наследование наградного оружия запрещены.

В соответствии с Инструкцией по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 12 апреля 1999 г. № 288, после принятия решения о продаже оружия его собственник по месту регистрации в милиции представляет уведомление по предусмотренной Инструкцией форме (ст. 75 Инструкции). К уведомлению должны быть приложены: разрешения на хранение, хранение и ношение, паспорт на оружие; протокол контрольного отстрела огнестрельного оружия с нарезным стволом (ст. 75.1. Инструкции). Оружие, которое заявлено к продаже, и патроны должны быть направлены для осмотра их технического состояния. Осмотр проводится технической комиссией милиции. По результатам осмотра должен быть составлен акт технического состояния оружия и патронов, в котором отмечаются неисправности. Акт прилагается к уведомлению (ст. 76 Инструкции).

Продавец обязан передать покупателю оружие, которое свободно от любых прав на него третьих лиц, кроме случаев, когда покупатель согласился принять оружие, на которое имеет право третье лицо. Если продавец не исполнит этой обязанности, то покупатель получает право требовать уменьшения цены или расторжения договора купли-продажи, но при условии, если не будет доказано, что покупатель знал или должен был знать о правах третьих лиц на это оружие (ст. 460 ГК РФ). Если у покупателя будет изъято оружие третьими лицами по законным основани-

ям, которые возникли до исполнения договора купли-продажи, продавец обязан возместить покупателю понесенные им убытки, если не докажет, что покупатель знал или должен был знать о наличии этих оснований (ст. 461 ГК РФ). В том случае, если третье лицо по основаниям, возникшим до исполнения договора купли-продажи оружия, предъявит покупателю иск об изъятии оружия, покупатель обязан привлечь продавца к участию в деле, а продавец обязан вступить в это дело на стороне покупателя (ст. 462 ГК РФ).

Продавец обязан передать покупателю оружие такого качества, которое соответствует договору купли-продажи (ст. 469 ГК РФ).

В течение какого срока покупатель вправе предъявлять продавцу требования, связанные с недостатками приобретенного оружия? Вот некоторые сроки, установленные статьей 477 ГК РФ: если на оружие установлен гарантийный срок, то покупатель вправе предъявлять требования в течение этого времени; если не установлен гарантийный срок или срок годности, требования, связанные с недостатками, могут быть предъявлены при условии их обнаружения в разумный срок, но в пределах 2 лет со дня передачи оружия покупателю либо в пределах более длительного срока, если такой срок установлен договором купли-продажи.

При продаже оружия, находящегося в личной собственности, надо иметь в виду, что при этом действуют нормы Гражданского кодекса РФ, а вот Закон РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 с последующими изменениями и дополнениями регулирует отношения между гражданином-покупателем, приобретающим товары исключительно для личных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, с одной стороны, и организацией либо индивидуальным предпринимателем, производящим товары для реализации потребителям, реализующим товар по договору купли-продажи, — с другой стороны.

Практика рассмотрения судами дел о защите прав потребителей изложена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 1994 г.

За незаконный сбыт, в том числе продажу, огнестрельного гладкоствольного оружия предусмотрена административная ответственность, а за незаконный сбыт огнестрельного нарезного оружия предусмотрена уголовная ответственность.

Н. АСТАФЬЕВ,
Почетный работник Прокуратуры
Российской Федерации,
старший советник юстиции

Фотографирует Виктор Усков

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Как относиться к работе фотографа: как к искусству или как к ремеслу?

Множество фотоаппаратов самых различных марок находится в руках у миллионов людей, стремящихся с их помощью остановить мгновение уходящего времени, оставить память о том, на что нацеливается объектив.

Да, память в виде отпечатка остается. Но всегда ли он отражает время, является его характерной приметой, фиксирует главное в невозвратном течении времени?

Увидеть типичное в нагромождении будничных дел, способное сказать самое основное о том, что составляет предмет съемки, может только человек, обладающий художественным видением мира, — Художник. Фотографирование становится искусством, когда аппарат находится в руках Художника. Только ему подвластно остановить мгновение и выразить его существо.

Таким фотохудожником по праву следует назвать Виктора Ускова. Его лучшие фотоработы одухотворены художническим видением, они передают самые характерные черты объекта и веяние времени.

Тематика их очень многообразна, она отражает широту его интересов — интересов художника. Трудно выделить какое-то его творческое пристрастие — он запечатлевает саму Жизнь.

Мастерски снимает Усков скульптуру и живопись, находя лучшее освещение и наиболее выгодный ракурс, освоил такой сложный жанр, как портрет, умело передавая в нем характер, настроение, состояние духа человека, значительное внимание уделяет духовной жизни общества: фотографирует Патриархии службы, Рождественские чтения, церковные праздники...

Результатом многократных путешествий стали его отличные пейзажи и жанровые сцены зимнего БАМа, Урала и Черноземья, Средней России, Карелии; по-

ездки по заповедникам дали возможность запечатлеть их животный мир, своеобразие ландшафтов Кызыл-Агача на Каспии, Наурзумского бора в Казахстане, красоту Кивача, Приокско-Террасного, Хоперского, Нижне-Свирского заповедников...

Фотографии Виктора Ускова иллюстрируют многие художественные и научно-популярные книги, периодические издания, где он, участвуя иногда в тематических конкурсах, занимает призовые места, его работы охотно помещают на своих страницах календари, буклеты и проспекты.

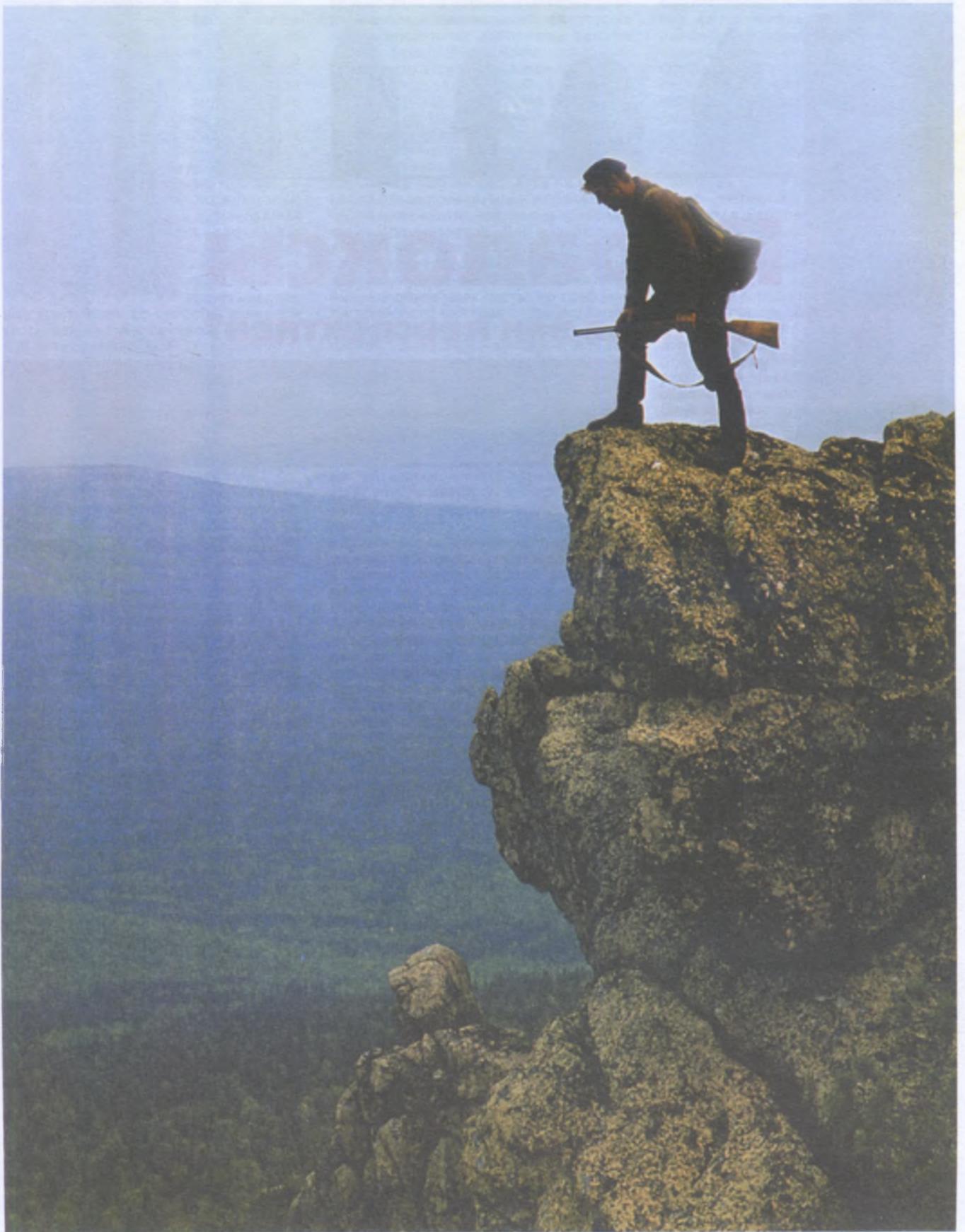
Его фотографии запоминаются, их объединяет отличная техника и зоркость взгляда на действительность.

Пожелаем ему долгих лет жизни и многих радостей творчества.

Виктор Геннадиевич Усков

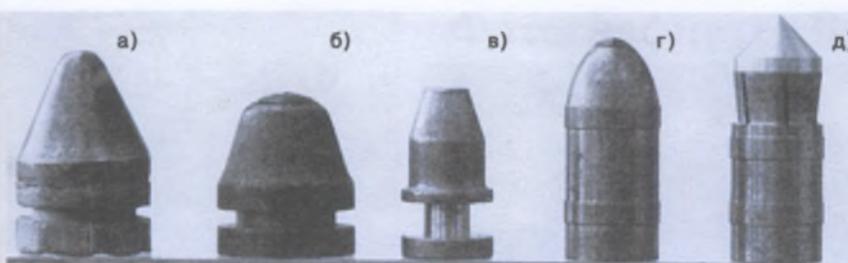

1

2

Парадоксы

— история или перспектива?

3

А. БЛЮМ

4

Разговор о парадоксах не случайно возник на страницах нашего журнала. Производители оружия хотя и робко, но возвращаются к этой забытой конструкции. Среди дульных насадок, которые предлагаются для некоторых моделей гладкоствольного оружия, теперь встречаются и нарезные, призванные улучшить характеристики пулевого выстрела.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что в теперешнее время, когда охотничье оружие достигло необычайного совершенства, мы возвращаемся к разработкам более чем столетней давности. Стоит ли это делать, и чем так привлекателен парадокс? Выскажу свое мнение и рискну предложить его как ответы на поставленные вопросы.

Сначала напомним читателям историю возникновения парадокса — гладкоствольного ружья с небольшим нарезным участком в дульной части канала ствола. Идея нарезать чоковое сужение штуцерными нарезами принадлежит английскому охотнику полковнику Фосбери, запатентовавшему ее в 1885 году. Уже в 1886 года лондонская фирма «Голланд и Голланд» начала выпускать ружья с такой сверловкой под названием «парадокс», вскоре к выпуску парадоксов приступили некоторые европейские оружейные фирмы и мастера-оружейники. Известны парадоксы Франкотта, Лебо, Льежской мануфактуры, Сент-Этьенской мануфактуры, Ф. О. Мацка в Петербурге, А. Новотного в Праге и др. Отмечены они и в каталогах фирмы Зауэр.

Столь быстрая реакция ведущих оружейных фирм на изобретение английского полковника показала, что созда-

ние универсального ружья стало насущной необходимостью. По замыслу господина Фосбери нарезы в дульной части гладкого канала ствола должны были как бы расширить возможности пулевой стрельбы из привычного дробовика, не особенно ухудшая качество дробового выстрела. Надо сказать, что эта идея оказалась вполне продуктивной. Пулевой выстрел из парадокса практически ни в чем не уступал выстрелу из крупнокалиберного штуцера, а бой дробью находился на уровне боя из ствола со сверловкой получок. Познакомимся с результатами сравнительных отстрелов парадоксов с гладкоствольными ружьями и штуцерами (по Бутурлину, см. табл. 1 и 2).

Этот материал, опубликованный в книге С. А. Бутурлина «Стрельба пулей», характеризует парадокс как оружие вполне универсальное, пригодное и для зверовой охоты, и для охоты по перу, но не забудем внести в это утверждение некоторую поправку на время.

До начала XX века парадоксы изготавливались только крупных калибров (от 8 до 16). В последующие годы прогресс в оружейной технике позволил улучшить конструктивные и баллистические характеристики парадоксов. Постепенно было достигнуто значительное увеличение точности и дальности боя пуль. Так, парадокс 12 калибра фирмы Вестли-Ричардс «Эксплора» имел пулю массой 48 г с начальной скоростью 400 м/с и на дистанции 273 м клал все пули в квадрат 29×29 см. Получили распространение и парадоксы малых калибров. В 1900 году по чертежам С. А. Бутурлина был изготовлен Ф. О. Мацкой парадокс 24-го калибра. Около 1903 г. фирма «Голланд-Гол-

1. Снаряженный патрон для парадокса 12 кал.
2. Типы пуль для парадокса
 - а) Пуля парадокса Вестли Ричардс
 - б) Пуля тульского парадокса
 - в) Пуля для парадокса олень
 - г) д) Пули для парадокса М. Блюма
3. Патроны для парадокса М. Блюма:
 - А. с экспансивной пулей;
 - Б. со сплошной пулей
4. Парадокс 32 кал. М. Блюма

ланд» стала выпускать парадоксы 20-го калибра, а в 1905—1906 гг. Вестли-Ричардс — парадоксы 28-го кал. под названием «Фавнетта» со следующими характеристиками: длина ствола 71 см, вес 2,65—2,75 кг, длина гильзы 56,4 мм, масса пули 18,79 г, начальная скорость 488—500 м/с. Разброс пуль на 150 ярдов (136 м) не превышал 12 см. В дальнейшем этой же фирмой был сделан парадокс 20-го калибра.

В СССР было две известных мне попытки изготовления парадоксов. В 1950 году М. Н. Блюм спроектировал и изготовил опытный образец парадокса 32-го калибра с продольноскользящим затвором. Первый экземпляр и несколько последующих имели стволы от американских пулеметов Кольт-Браунинг кал. 12,7 мм. Нарезы были оставлены только в дульной части ствола на участке длиной 45 мм. Всего 8 нарезов глубиной 0,15 мм и шириной около 3,3 мм с шагом 450 мм. Ствол длиной 500 мм ввернут в ствольную коробку от трехлинейной винтовки системы С. И. Мосина, затвор от нее же, только с личинкой, переделанной под шляпку гильзы 32-го калибра. Диаметр канала ствола практически совпадал с 32 калибром. Окно в ствольной коробке позволяет использовать семидесятимиллиметровую гильзу для дробового вы-

стрела, а пулевые снаряжались на гильзе, укороченной до 50 мм, чтобы общая длина патрона не превышала 75 мм. Магазин рассчитан на два пулевых патрона, спусковой механизм от трехлинейной винтовки, рукоятка затвора загнута вниз, чтобы можно было пользоваться оптическим прицелом. Мушка на высокоом основании и два целика, один из которых подъемный, лежа длинная, с цевьем до конца ствола. Вес 3,2 кг, общая длина 1020 мм.

Лучшие результаты по кучности стрельбы были показаны двумя пулями одинаковой конструкции — точеными латунными с двумя ведущими поясками по 3 мм шириной каждая. Длина одной пули 30 мм (длинная), другой — 26 мм (короткая). Обе имеют сверленные углубления со стороны головной части, заливаемые свинцом. Вес длинной пули со свинцом 30,5 г, короткой — 24 г, при стрельбе на 100 метров в условиях тира разброс и легкой, и тяжелой пулями составил 10 см при начальной скорости 440—455 м/сек. Всего было изготовлено около полутора десятков экземпляров таких парадоксов. В серийное производство он, к сожалению, не пошел.

В 1957—58 гг. Златоустовским заводом под маркой «Олень» было выпущено двуствольное ружье 32 калибра со стволами, расположенными в вертикальной плоскости и соединенными между собой муфтами. Один ствол этого ружья имел сверловку «парадокс». Однако хорошего боя пуль, отлитой из приданной к ружью пулелейки, получить не удалось. Изготовленные позже пули измененной конструкции дали несколько лучший бой. На дистанции 50 метров получен поперечник рассеивания 16,3 см при массе пули 19,0 г, навеске пороха «Сокол» 0,9 г и начальной скорости 310 м/с.

Что послужило толчком, или причиной разработки универсального оружия такого рода? В XIX веке 70—80-е годы можно отнести к штуцерному времени. Уже появились штуцера крупных калибров — от 4 до 20-го (по измерению, принятому для гладкоствольного оружия) с начальными скоростями очень тяжелых пуль 320—510 м/с и начали появляться штуцера-экспрессы калибров 14,66—9,14 мм со скоростями пуль (порох дымный) 465—610 м/с. В географическом аспекте это время активного проникновения разного рода исследователей в глубь Африканского материка (Спик, Гордон, Левингстон, Стенли и др.) и начало интенсивной колонизации прибрежных территорий. Впервые европейцы, и прежде всего англичане, столкнулись с гигантами африканской фауны. Разумеется, у англичан был индийский опыт. Офицеры колониальных войск и колониальная администрация охотились на слонов и носорогов, буйволов и тигров, но они не были первооткрывателями. Индия — страна густонаселенная, и охоты англичан носили там большей частью любительский характер. Африка же совсем другое дело. Огромный, относи-

тельно мало населенный материк просто изобиловал животными, на которых предприимчивые европейцы начали делать деньги. В это время основным оружием охотника за слоновой костью был крупнокалиберный штуцер, и именно он положил начало истреблению слонов. Из этого же оружия добывали и других крупных представителей африканских животных (носорогов, гиппопотамов, буйволов). Но кроме охотников-профессионалов на континенте стали появляться и любители из числа колонистов, военных и приезжающих специалистов. Для них охота в Африке не сводилась к добыче только крупных животных. Мелкие антилопы, грызуны и, конечно, птицы были постоянными объектами охоты, но требовали дробового выстрела. Однако вероятность встречи с крупным зверем постоянно была очень высока, и для таких случаев нужно было хотя бы относительно универсальное оружие, им-то и стал парадокс. Судите сами, нормальный дробовой или картечный выстрел и пулевой, который, судя по его характеристике, не уступает выстрелу из крупнокалиберного штуцера, а значит есть возможность поразить самого крупного зверя, что «чистые» штуцера уже доказали. И не случайно родиной парадокса стала Англия, крупнейшая колониальная держава. И все же век парадокса оказался недолог, потому что вскоре после его появления наступила эра безудержного прогресса в огнестрельном оружии. Бездымный порох открыл дорогу к значительному увеличению скоростей пуль, а значит к повышению мощности выстрела меньших калибров и более легкому оружию.

Но дело не только в том, что парадокс не выдержал конкуренции с более современными образцами, — к двадцатым годам прошлого столетия практически не осталось белых пятен на африканской карте, материк в основном

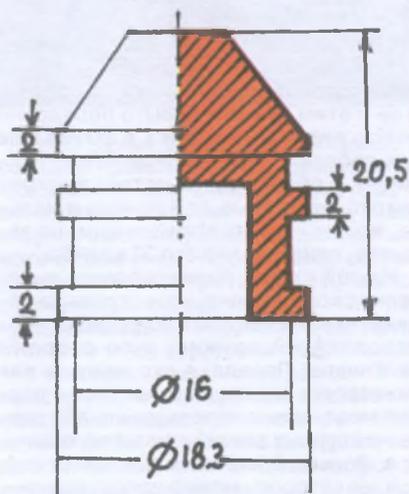
был исследован и поделен. Не сразу, но все же колониальные власти начали наводить порядок и в охоте, стрелять все «от мыши и выше» стало практически невозможно, появились законы об охоте и беспредел сменился организованной экспедиционной охотой — сафари. Каждый вид охоты стал регламентированным, готовилось вполне конкретное оптимальное оружие, которое, кстати говоря, можно получить прямо на месте охоты. Универсальность перестала быть необходимостью, в Европе крупнокалиберные штуцера и парадоксы не нашли себе применения из-за отсутствия соответствующих их мощности объектов охоты.

Как уже говорилось, появление бездымного пороха привело к уменьшению калибров и боевого, и охотничьего оружия. Парадоксов оно коснулось тоже — это было попыткой найти им место при охотах на животных, обитающих в средней климатической зоне, но комбинированное оружие и здесь не оставило ему шансов.

Тот факт, что в 50-е годы некоторые отечественные конструкторы вспомнили о парадоксах, не случаен. Сначала полное отсутствие нарезного охотничьего оружия, затем жесточайшие ограничения в его приобретении поставили задачу найти ему какую-нибудь замену. Однако тот интерес к парадоксам среди охотников, с которым чаще всего приходилось сталкиваться, сводился обычно к возможности дальнейшей стрельбы на 200, 250 и даже 300 метров. Надо сказать, что о стрельбе на такие расстояния из крупнокалиберных штуцеров и парадоксов на их родине никто и не думал, такая мысль могла прийти только нам, людям, лишенным нормального дальнобойного оружия. Замечательная кучность боя на такой дистанции, как 300 ярдов (29х29 см на 275 метров), которую давали парадоксы английского изготовления (С. А. Бутурлин), вовсе не означала, что его можно использовать для практической стрельбы на такую дистанцию. И прежде всего из-за относительно малой начальной скорости пули, ее большого веса и диаметра. Эти три основных параметра делают траекторию полета пули на более или менее значительных расстояниях очень крутой, да и потеря скорости не позволяет ей сохранить достаточную убойную силу. Поэтому вряд ли стоит искать в парадоксах полную замену нарезному дальнобойному оружию, но их использование для стрельбы по крупному зверю на дистанциях до 150 метров представляется вполне перспективным.

Попробуем оценить применение парадоксов для охоты на наиболее крупных представителей охотничьей фауны России. Таких животных у нас четыре вида: это благородный олень, лось, кабан и медведь.

Благородный олень. Чаще всего охотятся загоном, на реву, а также отстреливают из разного рода засидок на кормовых полях. В восточных регионах

Чертеж пули для парадокса ТОЗ

практикуется еще охота на солонцах, с подхода и скрадом. При нормально организованной загонной охоте стрельба редко ведется с расстояния более 100 метров, на кормовых полях с вышек, так же как и на солонцах, стреляют, как правило, с еще более близкого расстояния. В равнинном рельефе охота на реву тоже очень редко требует от охотника выстрела с дистанции более 100 метров, хотя, конечно, бывают случаи, когда бык с самками находится в перелеске или каком-нибудь колке и подойти ближе не получается никак. Чаще же на голос соперника быки идут, придерживаясь загущенных участков леса, и стрелять приходится совсем недалеко. Другое дело в горах, там вероятность близких и дальних (более 120 м) выстрелов можно оценить как 50 на 50. По сути дела единственный способ охоты, где преобладает вероятность стрельбы на большие дистанции, — это охота скрадом в горной местности, когда охотник замечает кормящегося или отдыхающего зверя далеко и старается приблизиться к нему на уверенный выстрел, но в силу ряда объективных причин подойти даже на 150 метров удается не часто и приходится стрелять издалека.

Лось. Основные виды охот: загонная, на «стон», на солонцах и с подхода. Так как лось тяготеет к сглаженному рельефу, охота скрадом не имеет широкого распространения. Все сказанное выше о дистанциях стрельбы при охотах на оленя справедливо и для лоса.

Кабан. Самые распространенные способы охоты — загонная, подкарауливание у кормовых полей и с собаками. Иногда практикуется и охота скрадом, но для нее должны быть определенные условия: рельеф, близкий к горному, просматриваемые склоны, богатые различными кормами. В зависимости от насаждения это могут быть желуди, кедровые шишки, буковые и лесные орешки, дикие фрукты и пр. Только при этом способе охоты может понадобиться дальний выстрел, при всех же других дистанцию стрельбы в 100 метров можно считать практически предельной.

Медведь. Основные охоты: на берлоге, подкарауливание на кормовых полях и на приваде, с собаками и охота скрадом в горах. Как видим, способы охоты почти те же, а значит и реальные дистанции стрельбы отличаются мало.

Подведем промежуточный итог. Для абсолютного большинства охот дистанция 150 метров может считаться предельной. И, значит, для абсолютного большинства охот будет достаточным то оружие, которое обеспечит на этой дистанции точное попадание и необходимое убойное действие.

Кучность боя английских парадоксов, приведенная С. А. Бутурлиным в книге «Стрельба пулей», говорит прежде всего о том, что она достижима и что к такой кучности должны стремиться конструкторы и изготовители парадоксов.

Примерно три года назад в журнале

«Охота и охотничье хозяйство» был опубликован материал М. М. Блюма о тульских парадоксах, в этой статье речь шла о нарезных насадках для самозарядных ружей МЦ21-12 и ТОЗ-87-06. ТОЗ гарантирует попадание пулями в мишень диаметром 20 см с дистанции 100 метров. Прямо скажем, совсем неплохо даже в сравнении с англичанами, особенно учитывая тот факт, что на ТОЗе этот результат получен не из полного ствола со сверловкой «парадокс», а с применением насадки. В публикации выразилось сожаление, что завод не предоставил информации о снаряжении патронов и конструкции пули. Несколько позже ТОЗ прислал М. М. Блюму чертеж этой пули, с которым он меня любезно ознакомил.

Мое знакомство с парадоксами началось очень давно. Я до сих пор имею сконструированный моим отцом парадокс 32-го калибра, описанный выше. Стрелял я из него много, особенно во время опробования различных типов пуль, охотился же с ним, наоборот, немного. Тем не менее из него отстреляно 6—7 лосей, столько же кабанов, один медведь и даже одна кабарга. Далее 170 метров мне стрелять из него по зверю не приходилось. Все звери были добыты недеформирующимися точеными латунными пулями, поэтому характер ранений был всегда одинаков — сквозные с диаметром раневого канала около 15 мм. Исключение составила только кабарга, животное небольшое и легкого сложения. В случае с ней пуля произвела большие разрушения по ходу своего движения. Надо сказать, что все стреляные животные, кроме кабарги и медведя, который был бит по голове, после попадания отходили на несколько десятков метров (самый дальний отход — около 200). Я это связываю с недостатками в конструкции пули. Если бы при своей массе, около 30 граммов, она еще могла деформироваться, ее останавливающего действия хватило бы для всех крупных животных нашей фауны.

Чтобы представление о нашем парадоксе было полнее, скажу несколько слов о дробовом выстреле. Я пользуюсь обычными зарядами для 32-го калибра. Основной объект охоты белка, и ее с этим ружьем добыто порядочно (я всю жизнь держу лаек), в активе еще два соболя и несколько десятков рябчиков. В общем, до 25 метров выстрел не крупной дробью, от 4 номера и мельче, можно считать нормальным, не забывая, конечно, что это 32 калибр.

На мой взгляд, парадокс очень интересная конструкция, незаслуженно обделенная вниманием и со стороны производителей оружия, и со стороны охотников. Правда, я его вижу не как универсальное оружие, которое в равной мере можно использовать для охоты на крупных зверей и на мелкую дичь, а в большей степени как зверовое, т. е. не которое «можно использовать», а которое «предназначено».

Мне бы хотелось видеть парадокс 20—

28-го калибра (можно на базе МЦ20-01), и не с прицельной планкой, а с целиком, и обязательно с быстросъемным несбивающимся кронштейном под оптический прицел, который бы и при установленной оптике позволял сделать прицельный выстрел с открытым прицелом. Пуля с обязательной способностью к деформации и массой в пределах 25—27 г и начальной скоростью 460—480 м/с. Головная часть закругленной или остроконечной формы, чтобы избежать большого снижения скорости на дистанции 120—150 метров. И если у такого ружья будет стабильный по кучности бой, позволяющий на 150 метров уверенно класть пули в 30-сантиметровый круг, то... Что еще надо!

Таблица 1

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ БОЯ ДРОБЬЮ ПАРАДОКСОВ И ГЛАДКОСТВОЛЬНЫХ РУЖЕЙ

ОРУЖИЕ	СВЕРЛОВКА	Резкость боя по листам картона (шт.)	Кучность, шт. (дробь) № 6 в круг диаметром 76 см)
Парадокс Мацка, кал. 12	«Парадокс»	18,36	172
Парадокс Новотный, кал. 12	«Парадокс»	18,44	101
Ружье Льежской Мануфактуры, кал. 12	Полный чок	18,92	226
Ружье Джибс, Англия, 12 кал.	Цилиндр	18,57	133

Таблица 2

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ БОЯ ПУЛЕЙ ПАРАДОКСОВ И ШТУЦЕРОВ

Оружие	Вес пули (г)	Скорость V _{15,5} (м/с)	Число пробитых основных досок (шт), толщиной 2,54 см на дистанции 71 м	Кучность боя на дистанции 71 м. Прямоугольник (см) Пр. ств. Лев. ств.	
Парадокс Мацка, кал. 12	47	295	4,5	10×12	5×9
Штуцер Мацка, кал. 12	48	321	4,3	28×13	14×27
Штуцер-экспресс Мацка, кал. 12	22	488	4,9	30×13	18×2

Мое ружье: вопрос-ответ

Спасибо вам за рубрику «Мое ружье: вопрос — ответ». Я 27 лет выписываю Ваш журнал и всегда с удовольствием читаю статьи о старинном оружии.

У меня есть старая двустволка, которую я купил в комиссионке в 1979 г. К сожалению, я ничего не смог о ней узнать. Надеюсь, что вы мне поможете. Высылаю фотографии. Дополнительно сообщаю: калибр ружья — 20-й, длина стволов — 760 мм, вес — 2,8 кг, рычаг открывания стволов находится под цевьем, ложа английская со щекой, материал — орех. В гравировке использованы золото и черненое серебро. Хотелось бы узнать о значении монограммы на спусковой скобе. С уважением, Д. Н. Гусев, Рязань.

Если судить по испытательным клеймам, ружье сделано после 1891 г. в мастерской германского штучника Р. Бесселя в местечке Заган. Кустарей-штучников, подобных Бесселю, в конце XIX — начале XX вв. насчитывалось несколько сотен, и каждый имел собственную клиентуру, специализируясь на изделиях определенного типа: гладкостволках, тройниках, штуцерах или карабинах. Цена на ружья кустарей зависела от нескольких факторов: удаленности от исторического центра производства оружия — города Зуль в Тюрингии, откуда штучники получали заготовки, рейтинга производителя, состоятельности заказчика.

Ваше ружье безусловно заказное и сегодня представляет определенную художественную ценность благодаря, во-первых, хорошему состоянию и, во-вторых, высокому качеству декоративного украшения. Кроме того, сейчас уже не часто встретишь двустволки старинной системы Лефоше, которая продержалась на мировом рынке почти столетие — до середины 1920-х годов.

С изобретением «переломок» в их конструкции появились элементы, обеспечивающие прочное скрепление казенной части стволов с затворной коробкой. До распространения нитропорохов эту роль выполняли почти исключительно нижние узлы запираения, при-

водимые в действие различными по форме, расположению и функционированию рычагами управления. Самым первым удачным скреплением как раз и оказалась затворная система парижского оружейника Казимира Лефоше (С. Lefoucheux). В середине 1830-х гг. изобретатель сконструировал, запатентовал и изготовил казнозарядную «переломку» с рычагом управления, заходящим под цевье. В ружьях Лефоше стволы запирались в коробке поворотной личинкой, причем в момент поджигания подушек рычаг занимал продольное положение. При открывании ружья стрелок поворачивал рычаг вправо на 90 градусов, и личинка выходила из зацепления с крюками. До середины 1860-х гг. ружья выпускали преимущественно под шпилечные патроны, а потом — под патроны центрального боя. Другая характерная особенность заключалась в том, что в первых «переломках» ось шарнира неразъемно соединяла коробку с цевьем, а стволы крепились в двух опорных точках на цевье: в задней части с помощью переднего крюка, а в передней — с помощью стойки, которая пристегивалась поперечной планкой. Позже оружейники перешли на разъемные конструкции. В принципе любое старое ружье можно было переделать так, чтобы передний крюк стволов опирался на ось шарнира, запрессованную в переднюю часть коробки, однако прелесть первых «переломок» столь магически действовала на оружейников, что, за редким исключением, ружья Лефоше ремонту не подвергали.

Однако при внимательном изучении присланных снимков выявилось, что на стволах вашего ружья имеются сдвоенные клейма R с короной. Эти клейма обозначают, что между Первой и Второй мировыми войнами двустволка была дважды подвергнута ремонту, вполне вероятно косметическому. Возможно, была заменена ложа, поворочены стволы.

Монограмма, без сомнения, принадлежит заказчику. Кто им был — установить уже невозможно.

Ю. МАСЛОВ

Борис ПЕТРОВ

Весна на снегу

Мною овладела предвесенняя истома: на дворе вторая половина апреля, а я все сижу в каменных стенах. Душа трепещет и рвется туда, туда, в леса-поля! Но... попался ведь не раз, знаю, что в тайге снега глухие, считай непочатые. И вдруг лукавое сознание подсуло довод в обход несомненно-го «рано»: да и пусть снега, зато самое время поискать по насту новые глухаринные тока. Не могу больше, хоть из дому вырвусь. Куда? Да вот махну к Максиму Андрейкину, до его первой избушки забреду, поживу в ней, на лыжах поброжу, все от самого начала увижу. И может получиться рассказ: «Весна на снегу». Еду!

О Максиме Андрейкине я раньше писал — как его однажды заломал медведь, и он, изувеченный, полз по тайге восемь суток, на локтях и спине полз. С тех пор прошло несколько лет, и каких — разгулье реформ в стране. Они накатились покруче цунами. Раньше в поселке был леспромхоз, но его деятельность сразу стала нерентабельной, производство умерло, народ побежал из поселка в «цивилизацию». А Максим так и бедует на родном пустыре.

Встретились как старые друзья. У меня на этот случай, естественно, была заготовлена бутылочка, у Максиминой хозяйки — грибки, капуста, тушенная картоха с мясом-луком, все «по пути».

— У нас все настоящее! — угощая, пошумливал хозяин. — А в городе куры в магазине — как их только таких тощих, долгоногих делают, а? Как девки все на улицах — худобины, ухватиться не за что, хоть сквозь запертую дверь проходи! Потому — они фифир кушают. То ли дело наши бабы, любая мужика свалит.

На себя бы посмотрел. Всегда бывший поджарым, еще больше усох и потемнел, как сушеный гриб; борода и раньше была постная, монашеская, а теперь еще поредела, вся просвечивает. Только ясные глаза светятся лучисто. А что касается города, это у него любимая тема: город — средоточие всего дурацкого в жизни, городской для него — синоним недоумка, хотя порой хитрого-изворотливого.

— Я ведь у нас в поселке все стадии прошел, одно время в лесниках ходил. Раз еду — вершни по обходу, и на тебе — прет пал, ветер его раздувает и гонит прямо в сосновую деляну. Я чуть коня не загнал, наметом в поселок: «Пожар! Собирайте народ, пока в сосняку верхом не полыхнуло!» А лес-

ничий так поморщился себе и отвечает: «Сегодня какое число, Андрейкин?» Я, мол, тридцатое или тридцать первое, не помню, май кончается. «То-то и оно, что кончается. А у нас другой пожар — план по посадкам горит. Не сделаем план — всех лишат премии. Нет у меня, Андрейкин, сегодня людей на твой пожар, все на саженцы брошены. А по возгораниям мы в сводке не хуже людей. Так что еще пару дней будем сажать, а уж потом тушить...» Вот так. Чо у нас тут, есть еще по грамуле? Давай, за счастливую охоту.

— Какую охоту? — смеялся я. — Просто поживу в избушке, весну посмотрю. — И, улавливая в глазах собеседника хитрое себе на уме «понимание», сам подумал: а ведь правда, недоумок я в его глазах. На неделю в тайгу и без ружья — явно с причудью мужик, писатель, да неужд до того блажной? И, чтоб хоть как-то мотивировать свою затею, показал глазами на фотокамеру: вот, дескать, ради чего еду, на какую охоту. В редакциях за хорошие снимки можно срубить крутые бабки.

— А то! Чо ты думаешь, мы тут вовсе без понятия? — успокоил он меня. И опять за свое: — Это у вас там... Вот тоже возьми охотнадзор. Я когда егрем работал, повадился, понимаешь, тут миша. Старуха Филимониха на окраине обитала, телку за городами к колу привязывает, и паслась телка. А он, ведмедь, бродит по окромке ельнику, все на телку заглядывается. Филимониха, значит, выйдет и ну в пустую кастрюлю брякать, пугает непрошеного ухажера. А потом попросила у соседа ружье и стрелила его, такая боевая старуха! Так что ты думаешь, приезжает районный охотнадзор составлять на бабулю протокол. И ко мне прискробается: как ты, егерь, мог допустить, почему нет протокола? А я тоже порядок знаю, говорю: моя служба — бобровый заказник, этот случай не на моей территории. Еще бы я на старух протоколы писал — умора!

Доказывать Максиму, что существуют какие-то общие законы государства, совершенно безнадежно. Его убеждение простое: он Божьих уставов не нарушает, а какие городские чиновники насочиняли, так это одна дурь. Я все-таки не утерпел и сослался на ученых, дескать, существует все же учет, познанные биологические данные...

— Ученые? — взъерепенился он, аж борода задралась. — Знаю я этих ученых, сколь раз в заказник приезжали. Прошел мимо — нет зверя в тайге! И потом нам указания шлют, планы. Да сколь они знают, я столь всемоеро забыл! Вся их наука: «Зверя стало меньше, запретить охоту!» Большой ум для этого надо, пятнадцать лет учиться?

— Опять ты не совсем прав, — сдавался я, — вот устроили заказник по бобрам, развели их, наблюдали.

Он хитро-понимающе щурится.
— Да ты — ровно дите, всему веришь. Заказник ради бобров создавали? Для начальства! Всем запрет, а имя воля. Ко мне приезжали двое ученых аж из Литвы, все расспрашивали и в свои диссертации карандашиком записывали. Сколько, говорят, в среднем приплод? Я им докладываю: у нас завсе по два бобренка, три — редкость. На третьем годе старики молодых выгоняют, просто дак дерутся с ними. Эти, из Литвы, пишут, пишут, все диссертации исчеркали. Говорю им: хвост у них — как локатор, они ими воду слушают. Все пишут, пишут. На прощанье привезли из поселка сумку коньяка — ох, и погужевали! Один-то литвин залез на

дерево и давай вопить по-обезьяньи, еле его с лесиной сволокли, сам слезть не мог. Ну и что? После поехали домой, а им в аэропорту устроили шмон и сколько-то шукурот нашли. Чего им наша Сибирь, всякие варвары...

Ближнюю избушку Максим называет своей «фазендой», серьезного промыслового значения она не имеет, в основном летняя. Привычный ему путь мы на «Буране» проделали запросто. Максим почти не присаживался на седло, управлял стоя на ногах — что тебе ковбой в стременах, высматривая ход впереди, лихо закладывая виражи и обьезжая опасные места, только легкую бороду сносило ветерком набок. Чувствовалось, что подобная езда ему по нраву.

Избушка имела внутри вид довольно разгильдяйский. На полу окурки и щепы, пахло сыростью и мышами, в паутинках на запыленном стекле окошка висели осенние мухи и мошкара. Окошко справа от входа, под ним приткнулся столик-пристеночек, на противоположной стороне нара, устланная умятым сеном.

— Вот такая здесь моя таежная стадия, — объявил хозяин, бросая на нары верхонки и шапку. — Давай-ка чайку сделаем покрепче.

— Ха! Покрепче... Тебе покрепче, а мне потом куковать?

— Не бойсь, я тебя совсем не оставлю, не оставлю, я гостей в обиду не даю. У меня тут как-то даже филин гостевал.

— Фии-лин? Что это ему приспичило?

— Такое дело случилось — он в петлю угодил. Мои ребятки петли ставили, на каникулы приезжали, а он, видать, за беляком погнался и угодил. Я подхожу — клювом щелкает, бурчит и смотрит так выразительно, ага. Ну, я мохнашки надел, чтоб руки не изодрал, и вызволил его. Иду дальше, а он за мной увязался, словно собака, над головой спланирует и садится впереди на дерево. До избушки проводил. Я у входа венником снег обметаю, а он сидит на коньке и так отрывисто: ду-ду-ду — поговорить ему хочется.

— Благодарность объявлял, — улыбнулся я. — Царь пернатых.

— На другой день возвращаюсь — снова дудкает на коньке. А перед дверью пяток задавленных мышей.

— Точно, благодарил! А ты не сочинил эту байку?

— Зачем сочинил? — удивился он. — Всякая тварь к добру привыкает. Только у росомахи и волка совсем совести нет, одна злоба.

— А что, у других случается совесть? — легонько подцепил я.

— Ну, это я так обмолвился. Не знаю... Совесть — она ведь дело божественное.

— А халява? — не отставал я.

— О, это такая рыбина. Скользкая, вихляется, манит, а в руки не дается. Ты чайку давай, заваривай, заваривай покрепче, сыпь побольше — само то будет. Да не бойсь, я тебе привезу.

— Ну, тогда и бутылочку прихвати, — брякнул я. — У меня там в мешке еще одна осталась, на возвращение.

— Эка! Дак на какую холеру откладывать-то, я сейчас мигом слеаю! — всполошился он, аж подскочил.

Подобной реакции я не предполагал, еле удержал заводного друга: дескать, поздно, потерпим до следующего раза. Иметь пузирь в резерве тоже великое дело. Мало ли какая приключится нужда, а в тайге все на сорока градусах ходит — и «Бураны», и трактора, и даже вертолеты...

Уже в сумерках Максим укатил. Я улегался на жестковатой наре, задул керосиновую лампу. Отсветы пламени из печной дверки играли на залоснившемся срубе стены, почерневшее окошко плакало слезами умиления... Вот я и в избушке.

В голове беспорядочно всплывали и тонули лоскутья сегодняшних разговоров о судьбе моего старого персонажа. Почему он не уезжает из брошенного поселка, безысходное ведь положение? А он не унывает — характер такой, легкий. Да и по жизни Максим отродясь — таежник, промысловик, нет у него другой профессии. Должностей всяких перебрал немало, но, честно сказать, все записи в трудовой книжке служили для него лишь «крышей». А умел он, и тут ему нет равных, добывать сохатых, пушнину и любил это свое дело. Куда теперь ему отсюда подаваться? Все вокруг порушилось, остался Андрейкин никому не нужным «долговременно неработающим». Вся его надежда: «Тайга прокормит!»

Дивное дело: если посчитать от конца Гражданской войны до «перестройки», 60 лет советская власть твердой рукой насаждала в тайге свой закон и порядок. Да так, оказывается, до конца и не преуспела. В понятиях Андрейкина продолжали жить представления, что тайга и ее богатства — если по справедливости — принадлежат не государству, а им, исконным местным жителям, которые здесь родились, выросли и помирать собираются. Испокоен так велось. У каждой семьи свои уголья, и все это признавали, всем хватало; чужого не трогали, замков не знали, имели свое и чужое уважали. А коли заведется варнак, то — закон тайга,

прокурор медведь. И вот появились правила, милиция, суды... Да только тоже все в городе. А тайга оставалась сама по себе, в стороне. Старое отменили, новое так и не прижилось. И стал просто бардак. Главным для Максима был аспект даже не юридический, а — русский человек! — вопрос о справедливости. За десятилетия отношение у таежников к понятию формального порядка так и не утвердилось. Вот в чем феномен.

Ну а дальше, с «реформами», вообще. Един бог стал — все можно купить. И опять Максим Андреевич остался на отшибе: на что ему-то покупать, на какие шиши, коли у него во весь трудовой стаж зарплатешка числилась — прости господи! Тайгой жил и сейчас живет. Вот такая получается ситуевина... Ладно, надо спать.

И пошла моя таежная жизнь.

К утру избушка заметно выступала. Я просыпался и глядел на оконце: сначала оно просто черное, затем начинало синеть, незаметно превращалось в серый прямоугольник — за стенами брезжило. После завтрака я отправлялся гулять по окрестным гривам и вырубкам. На лыжах. В первое утро тонкое лебяжье покрывало прибило старый снег, и все его исчеркали различные следы: заячьи поскоки, стежки колонков, дятлиные посорки. Всегда приятно, когда чувствуешь, что лес наполнен жизнью. Попался и след глухаря. Но не токовой — деловито-равнодушный, куда-то он просто задумчиво брел. Направление держал в чашу молодого осинника, в таких местах токов явно не водится. Другой вопрос — от куда? Если, пройди «в пяту», увижу сосновый массив, то он может оказаться надеждой.

Предположение оправдалось, вышел мой глухарь из соснового острова, который посетил на рассвете, а что ему там было делать в этот час? Очень даже может быть... Обязательно приду сюда на восходе. Теплая радость разлилась в груди, это всегда такое событие — найти ток, даже если пока только предположить.

На следующее утро еще раз сбегал в тот обнадеживающий сосняк. Да только обстановка выдалась неудачная. На рассвете отворил дверь — по глазам

ударил стерильная белизна обильной ночной пороши. Кругом будто нетропичная зима, словно вчерашняя талица, играющее солнце и капли приснились мне под утро. Весна работала, работала над рукописью земли, всю исчеркала, испещрила вставками, дописками на полях и переносами, трудно стало следить за содержанием. И тогда она решила замученный исчерпанный лист перепечатать набело. Можно начинать творческие труды с чистого листа...

Мой пешеход и на этот раз оказался в боровине, я увидел его издали. Со сна стояла на открытой полянке, нижние сучья у нее были разлаписты и крепки, и вдруг мой красавец — я потому и углядел его на расстоянии — прошелся по суку взад-вперед, приспустил крылья и... Нет, звуков желанной песни я не услышал; если он и пощелкал, то не донеслось в глухом ватном воздухе. А он вдруг как-то в момент «сложился», стал вдвое меньше размером, посидел и... принял деловито щипать хвою. Дескать, тебе надо — сам токуй, а у меня аппетит пробудился.

А еще через день прикатил Максим — с гостинцами: привез пару пачек чая и достал из куля в нарте... мелкашуктозовку.

— Это тебе, — довольно собой, улыбался он в бороду, — тебе, тебе. Как можно в тайге без оружия, главное без чая?

— А что я с ней буду делать? — кивнул я на тозовку. — Вдруг кто увидит? Не дай Бог — вертолет...

— Вертолет — это, парень, дело серьезное, вертолет. — Я понял, он намеренно говорил не «вертолет», а «ветролет». — Прежде все охотнадзоры на них летали, это, парень, как стихийное бедствие, ураган «Катрина». Да ты не волнуйся, у меня вторая доска под нартой поднимается, можно там тозовку хранить. А чо ты про свое поручение не спрашиваешь?

Я недоуменно поднял брови.

— Ну, в прошлый раз сказал, что еще бутылка осталась. Я привез, не сомневайся, не сомневайся. У меня стадия такая: как словом, так и делом.

Короче, опять завязалось долгое толковище. Ему явно хотелось излить все, что накопилось в последние годы. А мне — ну о-очень интересно было слушать.

— Вот ты посомневался об оружии, — говорил он, теребя в кулаке легкий клин бороды, — тут я с тобой согласный. Тозовка-то — чего там, а вот карабин — это, парень, тюрьма. — (Я хотел было возразить, что кодекс калибров не различает, статья одна, но не стал затевать бесполезный юридический спор). — У нас у одного был карабин, да кто-то из вербованных и доказал на него, местные такой пакости не допустили б. Да, и заявляется участковый, словно снег на голову. Вот шурудит в стайке под сеном, ну еще бы вершок, и наткнулся! Витька, хозяин, говорит: «Вы еще в курятнике поглядите». — «Нет, у меня написано «в

стайке», а где еще я не обязан». А мужик-то догадлив был — на крутую кашу заране распоясывался. Там в стайке четыре ондатры висели, невыделанные, говорит: «О! На шапку надо восемь, а у меня дома как раз только половина». Витька смеется: «Нет вопроса, забирайте!» Легко отделался, а то бы. На вершок, слушай, от тюрьмы был.

— Про оружие ты верно говоришь, надо с умом. — (Вообще-то я ничего не говорил, только слушал, изображая на лице игру разных чувств по ходу очередного сюжета). — У Евгена Тархова избушка километров десять ниже этой, тоже летняя. Раз подсаживается к нему вертушка, привезли рыбнадзора. Я, говорит, поживу у тебя два три? Живите, какой вопрос. Числа с двадцатого июня у нас таймешки на блесну идут, некрупные, правда, но все же знаменитая рыба, заманчивая. Вот тот рыбнадзор отдыхает, а сам — натура-то, видать, песья — не может не вынюхивать да не кусаться, шарится по прищечке вокруг стана, сетушки ищет, рыбу соленую. Вроде пустили тебя ночевать, так веди себя человеком, а он не может, песья натура. Ну и надбыл у Евгена ружье. Летом в тайге не разрешают, так Евгений его в поленницу затолкал. А рыбнадзор нашел. Ну вот, коли у человека в голове тьяма не хватает, так оно и скажется. Увидел рыбнадзор тулку и потянул за ствол. А она заряженная была. Зацепилась курком за сучок, произошел самовзвод... И грохнула рыбнадзору в правый бок. Хорошо, что пришлось краем, однако

печень задело. Евгений прибежал — эх, чтоб тебя перекоробило! Чуть не поседел: свидетелей нет, докажи, что это не ты его, в отместку мол. Тюрьма Евгению, тюрьма, тюрьма. Один выход: перевязать потуже и тащить на себе в поселок — Евгению его жизнь сохранить важнее всего, слушай, было. Двадцать верст по тайге на себе волок, вся спина кровушкой пропиталась, закоростела. Спаси и не приведи. Тащил и Богу молился: только чтоб не помер! Доволок, операция сделали. Ну и что? Он человеку жизнь спас, а его оштрафовали за ружье.

Наконец я решился оставить словцо, очень меня допекал один вопрос. Говорю:

— Вот у тебя все получается и то плохо, и это не по пути, не понял я, раньше было хуже или теперь, при новых порядках? — Он пожал плечами, бороду покомкал.

— А по мне, так оно без разницы. Лучше — хуже... К прежней жизни мы приспособились. Я при ей вырос — как никак приспособился. То начальство измывалось, а теперь в тайгу всякая сволочь ринулась, народ-шатунь, избушку сожгут и дыма не заметят. Охотнадзор-то обнищал, деньги им — крылышки пообрезали. Теперь на вертолетах только пузатые бизнесмены, у этих все схвачено, вовсе борзеют. А мне опять нельзя в моей родной тайге. И та власть была чужая, и новая хуже мачехи.

«Без разницы»... Этого я услышать как-то не ожидал. Получалось, что его уклад жизни настолько был далек от всяческих исторических ветров, дувших по стране то в одну сторону, то в другую, что лишь краем его задевало?

— ...Ага, приезжал тут один олигарх, на танкетке привезли, вездеход на гусеничном ходу. Вина попили — море разливанное. Ох, грозен! Разошелся — я, говорит, им покажу, всех размечу, по струне у меня будут ходить! Я, говорит, мэру всего края дам указание, ты только скажи, ежели чо. А как ему скажешь-то?..

Весна наконец принялась за дело всерьез, да так рьяно — грянула обвалом. Снег не выдержал напора теплых ветров и стал оседать. Смотришь, то здесь, то там прыгнет пихтовая ветка, освобождаясь от снежного кома или вырвавшись из цепкой хватки размякшего наста. Пихточки-молодки, будто помахова лапами, приветствовали друг дружку с пробуждением. Утром я воткнул в снег у двери палочку-мерку, к вечеру глазам не поверил: разница составила целую пядь! На поляне вокруг, словно на листе фотобумаги в проявителе, проступали все новые темные пятна, образывались рисунок земли. Перед порогом играючи сверкала и рябила под ветерком льва ясной талой воды. Ух, пошла весна, по-ошла! И даже... Никогда бы не поверил, если б не убедился сам, — сок у берез тронулся! Хотя они все еще стояли по колена в зиме.

Да, никто на Енисее не ждет, пока сойдет снег. Глухари и тетерева току-ют по насту. Муравейники оживают темными кипящими вулканцами посре-ди белого моря. Да что говорить, при-летевшие вальдшнепы начинают тя-нуть, когда на вырубках зачернеют са-мые первые пятна земли. Вся весна у нас — на снегу. А чего ждать, терпеть до половины мая? Вот и прождешь. Нет уж, мы свое на снегу отпляшем, отцве-тем. Потом растает, куда он денется.

... На этот раз Максим прикатил как-то вовсе неожиданно, еще до восхода. Я не успел выйти встретить — вот он в избушке.

— Здорово ночевали! — Обе снятые верхонки в одной руке. — А ведь я, Михалыч, за тобой приехал, за тобой, за тобой. Чего ладишь делать-то?

— Во как... Да я, слушай, и не соби-рался. Только обжился по-настоящему, ничего из задуманного пока не осуще-ствил.

Максим поскреб в бороде, задумчи-во произнес:

— Оно у тебя понимаю. Да только снег затяжелел, вода под него пошла. Через день-другой мне на «Буране» путь закроется.

— Ладно, давай пока чай пить.

— Чай не пьешь — какая сила?.. Как твои глухари-то?

Странно мне казалось, что глухарин-ыми токами Андрейкин вообще не ин-тересовался. Его дело — сохатые, бел-очки и всякие цветные зверьки. Собо-ля в здешних местах почти нет, так, занесет иногда ветром какого бродя-гу. Увидев соболиный след, Максим возгорается, все остальное бросает. Но основная надежда — речная норка. Главные ухажья у Андрейкина — по речке в низах, километрах в полусотне от поселка. Там реку перегородил стар-инный залом, и за него у местных му-жиков ни ходу пешего, ни плавежа вод-ного нету, за ним другая страна, им неведомая, словно какая-нибудь Аф-рика-Австралия. «Настоящие верте-пы», — проронил Максим.

— При чем тут вертепы? Знаешь, что это слово означает?

— А то! Непроходимые места, попа-дать трудно.

— Странно... Обычно говорят: вертеп — значит притон, сборище всякой дря-ни.

— Вот-вот, самое ей там место, — весело соглашается он.

Я с удовольствием ловлю в его речи подобные перлы сибирской старины и позже украдкой записываю.

Да, так вот норочка в основном шны-ряет по прибрежным пустоткам подо льдом. За зиму уровень реки сильно падает, ледяной покров повисает от берегов наподобие скатов крыши — там зверек и рыщет. Кто не знает, не-делю по тайге прослоняется — ни сле-дочка не увидит. («А ты говорил: учет! Учти вот ее...»). Но Максим все о по-вадках и хитростях красавицы хищни-цы знает «от и до».

Много всяких примет и подробностей надо знать промысловика, от мелочей

порой зависит весь фарт. Максим Ан-дрейкин профессор в этой науке. Прав-да, порой острые несомненные наблю-дения причудливо переплетаются в его лекциях с сомнительными, а то и от-кровенно древними суевериями; не поймешь, то ли он всерьез, то ли под-шучивает над городским, то ли сказку рассказывает. Вот, говорит, самый надеж-ный способ — занять черную косточ-ку...

Ты что, говорю, всерьез в это ве-ришь? Покажи, что за косточка? Сме-ется: я тебе лучше красный бобровый зуб представлю, видел? Приметы — не приметы... У вас, городских, все по планам и проектам, а в тайге так жить нельзя, по календарю-то. У нас вышел поутру из зимовья — ан, погоды нету, зверок ночью не ходил, стало быть воз-вращайся и лежи день на наре. Хочешь — дрова пили, шкурки мни. А другой городской себе говорит: вот поставил цель — добыть своего во что бы то! Нет, парень, только из сил выбьется, а то обморозится или на речке провалит-ся. Насиловать тайгу бесполезно, надо по согласию; она сама кого вымучит, кого выучит и выручит — только слушай ее... Так ты и в Бога, поди, веришь? — не постеснялся я спросить в лоб. Опять смехом: а как же! Только в такого, ко-торый курит и хоть маленько выпива-ет... Как все-таки удивительно пере-плелся в его взглядах самые разные типы мировосприятия, вплоть до дре-вейших, он ведь, пожалуй, больше все-го язычник, да-да! Хотя Церковь не одну сотню лет старалась. По отноше-ниям с тайгой точно язычник, ведь надо же сохраниться такому историческому экспонату...

В поселок я с ним все-таки не по-ехал, остался еще дня на два-три. И оказалось, что stopped, как круглый... Максим сказал бы: «не при уме был». Городской ведь, чего с меня взять. То есть вот задумал, поставил себе це-лью описать «весну на снегу» и упорно стоял на своем. А как раз наступил решительный снегосход, весна пошла на генеральный штурм зимних басте-онов.

Вечером, когда уехал гость, мерка моя упала, снега не осталось, чтобы ее поддерживать. Всюду вылезла земля,

квеля прошлогодняя трава, а сугробы, сохранившиеся в темноте ельников, превратились в рыхлую крупитчатую пену, льдистое «безе». Под нею всюду чернела грозная снеговая вода. На сле-дующее утро я никуда не пошел: понял, что ходу нет ни пеши, ни тем более на лыжах.

А среди дня в небе что-то явственно зарокотало. Первая испуганная мысль вспорхнула: вертолет... Где у меня мелкашка-то? Нет, умолкло. И снова заворчал. Не может быть: гром? Над снегами?! А почему бы нет! «Люблю грозу в начале мая...»

Да, это был гром. Но не грозный, а какой-то добродушный, даже ласко-вый. И дождь разреженно забарабанил по моей крыше. Ну, теперь прощайте, последние снежки, увесистые капли разрушат вашу пену, против майского дождя никто не устоит. Это означало полную и безоговорочную капитуляцию зимы. Зачем только я не уехал? Всякий путь в поселок совершенно разрушил-ся, выход в «жилуху» достался о-ё-ёй как.

У Максима встретили радушно, од-нако, честно признать, до того я измо-тался, что было не до разговоров, так что прощанье получилось скромным.

И только к вечеру, почувствовав ас-фальтную твердь под колесами, я стал понемногу расслабляться. Итак, при-думанную дома затею «на снегу» — я осуществил. Хотя и без особого успе-ха...

И тут пришла другая, неожиданно ясная мысль: а таежные-то истории Максима Андрейкина! Что судьба, ха-рактер — такое богатство приплыло в руки, вот о чем надо писать! Правда, в своем понимании событий и порядков он как-то уж очень не совпадает с офи-циальными установлениями. И, вроде, по некоторым позициям мне опреде-ленно следовало бы его... Но я ну про-сто не могу своего друга хоть за что-то осудить! Не могу, не по справедливости это было бы. А! Возьму и просто расскажу все его словами. (А свою по-зицию как-нибудь хитро объеду по кри-вой).

Пусть читатели сами обо всем рассу-дят.

Рисунки В. Симонова

Русские писатели-охотники

Флегонт Арсеньевич Арсеньев

1832-1889

Писатель и этнограф Флегонт Арсеньев — автор более пятидесяти книг и монографий о Севере России, один из лучших краеведов дореволюционной Вологодчины. Посмертная же его судьба так быстро канула в Лету, что впору развести руками: как же так? Этнограф Арсеньев заслужил, чтобы им гордились земляки, и Арсеньев-писатель должен занять достойное место в ряду замечательных охотничьих литераторов прошлого.

Флегонт Арсеньевич Арсеньев родился 2 апреля 1832 года в селе Красном Моложского уезда Ярославской губернии. Долгое время считалось, что свидетельств об этой поре жизни писателя не сохранилось, только в одном из его рассказов можно найти такие строки: «...различные враждебные обстоятельства преследовали меня с удивительным упорством и били жестоко с младенчества, включая воспитание, лицейскую жизнь и, наконец, служебное поприще». По разным данным, отцом писателя был крестьянин или исправник, но лишь совсем недавно историк охоты М. В. Поддубный опубликовал рукопись вологодского краеведа В. П. Шляпина (1861 — нач. 1940-х) пролила свет на происхождение Арсеньева: он был незаконнорожденным сыном небогатого помещика и воспитывался в его доме. Шляпин хорошо знал Флегонта Арсеньева по вологодскому статистическому комитету и поэтому утверждал, что ссылка писателя на некие «враждебные обстоятельства» не более чем литературная «завитушка». Скорее всего Арсеньев попросту сетовал на то, что при рождении не получил дворянства.

Учитывая эти новые сведения, можно предположить, что Флегонт Арсеньев вряд ли доводился родственником путешественнику В. К. Арсеньеву, о чем имеются сообщения в биографической литературе.

Учился Флегонт в Романово-Борисоглебском училище, тогда же страстился к чтению, особенно полюбив описания родного края. В пятнадцатилетнем возрасте начал самостоятельно охотиться, постепенно, с северной основательностью и неторопливостью, постигая премудрости этого занятия, бывшего для многих северян ремеслом. Арсеньев был, по-видимому, юношей впечатлительным, потому что, кроме собственно охоты, самой техники промысла, сразу же сердцем почувствовал главное для себя в охоте — то

Ф. А. Арсеньев

состояние души, которое можно назвать поэтическим и которое он будет ценить всю жизнь.

Свое образование Ф. А. Арсеньев продолжил в престижном для северной провинции Демидовском юридическом лицее в Ярославле, но на третьем курсе учебу оставил. Можно предположить, что «враждебными обстоятельствами» на сей раз стали материальные затруднения.

Литературную деятельность Флегонт Арсеньевич начал довольно рано, уже в 1856 году были напечатаны его первые очерки, носившие бытовой характер. Охотничьи скитания и природная наблюдательность помогали ему подмечать своеобразные черты уклада северной жизни, а развитую литературного дарования способствовала и сама природа края. Широкие многоверстные разливы Шексны, изобилие валом валившей весенней птицы и нерестящейся рыбы — чье сердце не дрогнет, не забьется учащенно! Весна станет любимым временем года, ее многоголубая радость и щедрое солнце, не баловавшее северян долгими студенными зимами, всегда будут вызывать у Ф. А. Арсеньева трепет и волнение. Северный пейзаж, весенние мотивы, картины пробуждающейся природы, вырывающейся из ледяных оков воды займут немалое место в сочинениях писателя.

Флегонт Арсеньев был одним из начинателей нашей охотничьей беллетристики, облекшим впечатления от охоты в стройную литературную форму. Статьи об охоте, изредка появлявшиеся в периодической печати, носили либо мемуарный и описательный характер, либо, если и назывались рассказами, свидетельствовали об отсутствии дарования у их авторов. В 1858 году Георг Мин предпринял издание первого охотничьего журнала в России, и Флегонт Арсеньев становится наряду с И. Шведовым и Е. Прокудиным-Горским одним из его активных сотрудников. На страницах «Журнала охоты» увидели свет рассказы Ф. А. Арсеньева «Белый Бор», «Черные утки», «На берегах Вычегды», в которых читатели познакомились с богатыми северными охотами и рыбалкой, незамысловатым и спокойным бытом северян.

В нынешней издерганной стрессами, буквально кровотокающей беллетристике не осталось и следа от умиротворенного, согласного с природой бытия. Язык и стиль Флегонта Арсеньева, герои его повествований современному беспокойному читателю могут показаться анахронизмом: жизнь в ее историческом, общественном понимании будто застыла в его рассказах, но это свидетельство другого бытия, другого движения, веками происходящего в природе, и человек в этой жизни был не соринкой в глазу, а ее неотъемлемой частью.

В уездное училище захолустного городка Усть-Сысольска отправился Ф. А. Арсеньев в 1858 году учителем русского языка. Тысячеверстное путешествие к месту назначения подарило молодому Арсеньеву много сильных впечатлений, их он описал в рассказе «Переселенцы». Так Флегонт Арсеньевич впервые оказался в Зырянском крае, на Вычегде и Сысоле, которые полюбил не меньше, чем родную Шексню.

Свои охотничьи рассказы, одним из главных действующих лиц которых стал крестьянин-охотник Абрам, Арсеньев продолжал помещать в «Журнале охоты» Георга Мина. По словам самого писателя, Абрам был «личностью действительно существующей», хотя и носившей обобщенные черты северного мужика-охотника, человека с природным умом и сноровкой, наделенного чувствительной душой и незаурядным даром рассказчика. В. П. Шляпин уточ-

няет, что Абрам был крепостным отца Арсеньева и вместе со своей женой долгие годы жил у Ф. Арсеньева в прислугах. Как бы то ни было, Абрам оказался спутником писателя на всех охотах и в жизни, его верным другом и помощником, делившим вместе с ним все превратности судьбы.

А судьбой было назначено Флегонту Арсеньевичу переехать в 1862 году из усть-сысольских лесных трупоб в Вологду, где он некоторое время проработал учителем, теперь уже в губернском училище. Его литературные способности как автора рассказов и очерков о быте Севера были замечены, и в 1863 году он назначается редактором неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей», наиболее интересного раздела газеты.

Год спустя в Санкт-Петербурге отдельным изданием выходят его «Охотничьи рассказы». В книгу вошли произведения, публиковавшиеся в периодической печати. Сборник получил положительные рецензии в «Книжном вестнике» (1864, № 10) и «Охотничьем словаре» С. Романова.

В 1867 году Флегонт Арсеньевич занял место секретаря Вологодского статистического комитета. Сухость цифр и отчетов могла бы повергнуть в уныние кого угодно, но Арсеньев, не понаслышке знавший жизнь и нужды простых людей и потому видевший, что стоит за этими цифрами, сумел извлечь из своих занятий статистикой немалую пользу. Цифры стали его верными помощниками при обобщении и анализе торговых сношений, охотничьих и кустарных промыслов, движения населения. Большие работы Арсеньев-этнограф посвятил молочному делу в губернии (вологодское масло стало знаменитым не в наше время), истреблению домашнего скота хищными зверями. Некоторые его труды по охоте и охотничьему делу можно без всякой натяжки назвать охотоведческими, а в 1873 году вышла книга Ф. А. Арсеньева «Зыряне и их охотничьи промыслы», одна из первых по охотоведению.

Охотничьи рассказы этого периода, в которых писатель продолжал разрабатывать северную тему, можно найти в журналах «Охота и коннозаводство», «Московское общество охоты», «Время», «Ремесленной газете». В 1874 году Л. П. Сабанеев начинает издавать «Журнал охоты», несколько позже переименованный в «Природу и охоту». Знаменитый редактор, никогда не жалевший страниц журнала для беллетристики и сумевший привлечь талантливых авторов, в первых же номерах напечатает рассказ Ф. Арсеньева «Лём-Ю» об охоте и рыбалке на живописном притоке Вычегды, чуть позже — рассказ «Щугор» об охоте в Приуралья. Эти произведения, открывшие читателям далекий Зырянский край, получили в охотничьем мире тогдашней России широкую известность и признание.

Характерно, что все литературные

работы Ф. А. Арсеньева так или иначе связаны с охотничьей тематикой. Предмет этот писатель знал превосходно и различные способы охоты, да и повадки зверей, всегда описывал с большим знанием дела. В подтверждение можно привести его слова о том, что он «...за 35 лет охоты в северных лесах был неисчислимо количество раз на глухаринных токах».

В 1870-е годы Ф. А. Арсеньев редактирует «Вологодские сборники» и «Памятные книжки», в которых большое место отводилось историческому и культурному наследию края. Содержательность альманахов привлекала внимание привередливых столичных читателей и критиков, откликнувшихся лестными отзывами в центральной печати.

В эти же годы, затратив немало времени и энергии, Флегонт Арсеньевич открывает в Вологде первую публичную библиотеку. Есть в русском языке теперь почти забытый глагол «радеть». Арсеньев, основав библиотеку, опять радел о народном просвещении. Но вряд ли в Вологде найдется сегодня хотя бы переулочек, названный в его честь.

Семейную жизнь Флегонта Арсеньевича трудно назвать счастливой: судьба дарила ему любимых женщин, но и безжалостно их отбирала. Арсеньев, помня о своем неполноценном дворянстве, стремился войти в круг избранных и весьма в этом преуспел. Его первой женой была бездетная вдова Пирогова, но прожила она в браке с Арсеньевым недолго, оставив ему после своей смерти поместье. У второй жены — дворянки Бердяевой от первого брака росли два сына (один стал генералом от инфантерии), но и Бердяева прожила недолго, и Арсеньеву досталось еще одно поместье. А своих детей он нажил лишь после женитьбы на молодой девице Сахновской (тоже дворянке!), с которой и жил до самой смерти.

В 1880-е годы Ф. А. Арсеньев служит чиновником по крестьянским делам и почетным мировым судьей по Усть-Сысольскому и Яренскому округам. Должности эти были хлопотными, отнимали много сил, но Флегонт Арсеньевич все же находил время для занятий этнографией и литературой. Используя богатейший, накопленный за многие годы материал, он публикует работу о крестьянских играх и свадьбах. Выходят его исторические исследования о пребывании в Вологде Петра Великового, об Ульяновском монастыре и Усть-Сысольской старине, ценнейшая публикация о лесотехнических продуктах.

В 1885 году издателем Н. В. Макшеевым было подготовлено и вышло в свет тиражом 1200 экземпляров новое издание «Охотничьих рассказов» Ф. А. Арсеньева, в которое вошли двенадцать рассказов и повестей. Читатели вновь встретились с неистощимым на охотничьи байки добродушным Абрамом, вместе с автором побывали на удачных рыбалках и пролете дичи, по-

грелись у ночного костра и отведали вкусной ухи. В небольшом предисловии автор выразил надежду, что книга его найдет отклик у читателей-охотников и развлечет их в долгие зимние вечера. Что ж, талант писателя сделал свое дело. Можно призвать в свидетели такого авторитетного знатока охотничьей литературы, как Е. Пермитин, который ставил Ф. Арсеньева в один ряд с Е. Дрянским, Ф. Свечиным и Ю. Смелницким.

В некоторых литературных и почти во всех этнографических трудах писателя надо отметить одну особенность: в них присутствует позиция автора. Например, в очерке о лесных богатствах края он выражал серьезную тревогу о будущем состоянии лесов и животных, их населяющих, снова радел, теперь уже о благе потомков.

Флегонт Арсеньев был достаточно независимым и эксцентричным человеком. Когда в Вологду прибыл новый губернатор М. П. Дараган, среди чиновников прошел ропот: назначенец прославился крутым нравом. Служивый люд чистил мундиры и драил ордена, а Арсеньев заявился на аудиенцию к Дарагану в штатском платье и представился: «Секретарь губернского статистического комитета». «Не вижу секретаря комитета», — сказал губернатор и тут же отправил Арсеньева в отставку. Пришлось ему искать защиты у своего покровителя, знаменитого П. П. Семенова-Тянь-Шанского, занимавшего в ту пору пост директора Центрального статистического комитета. И Дараган уступил — вернул Арсеньева на службу, взяв с него слово, что тот сошьет себе форменный сюртук. В конце концов Арсеньев дослужился до чина статского советника (полковника) и за последний орден Владимира получил права потомственного дворянства.

Злоязычные коллеги шептались, что литератор Арсеньев в своих исторических работах не всегда оригинален, потому что «любит охотиться по чужим изданиям», но никто не отрицал его таланта и поразительной работоспособности. В конце жизни он не пишет беллетристику, перестает сотрудничать в сабанеевском журнале «Природа и охота». По всей видимости, в архиве Ф. А. Арсеньева все же осталось немало неопубликованных рукописей и записок. Во всяком случае несколько неизвестных ранее работ были напечатаны уже после Октябрьской революции в вологодском журнале «Охота и рыболовство» (№ 5–6, 1921). Флегонт Арсеньевич Арсеньев умер 18 ноября 1899 года в Усть-Сысольске (Сыктывкаре) и был погребен на Кирульском кладбище, на месте которого в советское время появился городской застенок. Даты его смерти нет ни в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, ни в «Биографическом словаре» С. Венгерова, хотя в обоих изданиях нашлось место для кратких справок о писателе.

М. БУЛГАКОВ

Белый Бор

Ф. А. АРСЕНЬЕВ

Апрельские дни и ночи теплы и ясны. Реки Сысола и Вычегда очистились от льда и быстро катили свои воды. По нагорному, овражистому берегу Вычегды бурели только что обтаявшие пашни, а противоположная луговая сторона вся захлебнулась весенним разливом.

По временам тянули вереницами гуся, лебеди, утки; изредка с грязных полей слышен был свист кроншнепа и курлыканье журавлей. Чирки по зорям сновали туда и сюда, быстро рассекая воздух при своих перелетах; фомка-разбойник писком пищал, ловя маленькую рыбешку, и далеко разносились в прозрачном воздухе, по тихой поверхности широкого разлива, громкие, однообразные крики чаек.

Не усидеть дома в такое время охотнику. Так и тащит его к ружью, а от ружья к созерцанию природы, обновленной жизнью прилетных птиц. Душа так и рвется на широкий простор, на гладкую зеркальную поверхность воды, в которую, опрокинувшись, смотрится обновляющаяся природа. С нетерпением ожидал я свободного времени от моих занятий, чтобы отправиться по разливу в легкой лодочке куда-нибудь на остров, в ночевку.

— На охоту бы, Абрам, надо?

— Давно пора, батюшка, вся дичь прилетела.

— Куда же ехать-то? Места здесь все незнакомые.

— Да поедемте в Озёла; места там привольные, утки много.

— Ну тебя с утками! Мне бы хотелось пострелять тетеревей на току, где бы большой был слёт, чтобы было над чем потешиться.

— Так зачем же дело стало... Поедемте на Белый Бор.

— Хорошее место?

— Уж такое ли место, — что и во сне не приснится такого!

— А ток велик?

— По насту много тетеревей слеталось. Если не передавили петлями — побухаем!

— Нам бы кого-нибудь взять для грёбли в распашные весла.

— Алешку возьмем, парень здоровый; к тому же здешний охотник — все места знает.

— Ну, так Алешку: сходи за ним. А лодка готова?

— Совсем готова: пробита и просмолена, и весла и беседки сделаны, — садись да поезжай.

— Хорошо, непременно едем в ночевку. Приготовь с собою взять котелок, крупы для кашицы, молока, масла, самовар, погребец, постельники и все прочее, чтоб было не холодно и удобно ночевать.

Когда было все изготовлено и уложено в маленькую, легонькую лодочку, явился Алексей, плечистый, молодой, готовый от искреннего сердца на всевозможные послуги. Сели и поехали.

Показался Белый Бор. Береговой обрыв Вычегды или, лучше сказать, отсыпь, в этом месте почти отвесная, как снег, белела издали. Это такого цвета песок. Лес, растущий по самой береговой окраине и отсюда распространяющийся далеко к северо-востоку, получил название Белого Бора по цвету грунта, на котором растет, и может быть, и по отсыпи, по этому белому, снеговидному берегу Вычегды. Скоро доплыли мы до Белого Бора. Сосны, ровные и прямые, как свечи, высоко возносили свои вершины к небу. Внизу чисто и гладко; нет ни валежнику, ни молодой поросли; только и видны на совершенно горизонтальной плоскости толстые стволы сосен, да и по земле мягкий ковер белого моха, смешанного с мелкими вересками и брусничником. Зрение беспрепятственно разбегается здесь во все четыре стороны, и далеко, далеко виден на Белом Бору всякий появляющийся предмет. Весело ходить по такому лесу осенью, с простою русскою собакою за белками. Резко разносился бы здесь свист и зскрикивания охотника, ободряющего «Катышка» или «Шарика»; звонко бы раздавался голос собаки, подлаивающей белку или глухаря-тетерева.

Причалив лодку и спрятав весла, мы навьючили на себя все припасы и просекою пошли на место тока. В большом

хвойном, вечно зеленеющем лесу люблю я смотреть вдоль по прямой, как будто пушечным ядром прошибленной просеке. Вот тянется длинный, предлинный коридор в глубину леса; зеленые стены его вдаль все темнее и темнее, все теснее сжимаются они и наконец, упершись в горизонт, теряются на нем. А наверху стелется голубая лента неба, обрезанная зубчатыми вершинами деревьев так же ровно и прямо, как и просека; только чем дальше, тем шире она разбегается в обе стороны и потом сливается с общим пространством небес. Солнце хотя и склонялось к закату, однако же так и обливало нас теплом и светом. Смолистые испарения наполняли воздух. Повсюду тихо. Ни малейшего шелеста не заметно было даже в вершинах деревьев, неподвижно стоявших с опущенными ветвями. Певчий дрозд, усевшись на сухой сосновый сук, тянул со скрипом и трещаньем свою однообразную песню. Где-то далеко взвизгивала сойка, ей вторил сорокопуд, а сорокопуду подтягивал крестовик. По временам доносился стук дятла, усердно трудившегося над сухим деревом. Слышался голос кукушки, беспрестанно смолкающий, и двухколенное глухое бормотание дикого голубя.

Вскоре мы дошли до большой, десятин в сто, сенокосной нивы, расчищенной на низменном месте.

— Какое приволье-то! — вскричал Абрам, когда мы выбрались на ниву. — Со всех сторон слёт: и с бору-то тянет, и с березины сюда же летит тетерев. Как не быть здесь току! Опять для выводов-то какое место.

— Место очень хорошо, но глухо. Не думаю, чтоб много тетеревей слеталось.

— Да здесь, батюшка, всегда на этих местах бываю тока. Открытых полей тетерева боятся, а эта, в затишь-то, то ли дело.

Очистив место от вершинника и петь, сейчас же принялись за стройку шалашей. В привычных охотничьих руках это дело очень не трудное: кто рубит присады и подчучельники, кто бьет

для них дыры, кто основывает шалаш и утыкает его ельником в замок. Не больше как в полтора часа работа двух шалашей была окончена и даже выставлены чучела, гоголеват красовавшиеся на подчучельниках.

Солнце садилось за лес и чудным блеском золотило поверхность воды, натаившей от снега и затопившей почти весь правый край нивы; золотило оно и верхушки леса, и небольшое кучевое облачко, повисшее над закатом; золотило и сумрачную даль, и шапки приземистых сосен в моховом болоте, растянувшемся на востоке. Вот пронеслась пара чирков, ловким оборотом сделала круг, спустилась к воде и резво-резво помчалась над ее поверхностью. Вот снова взвилась она кверху, снова сделала круг и со всего размаха шлепнулась в лужу. А там, с южной стороны, показалось стадо свизей, цепью, в огромном количестве державших путь на север. Господи, как быстро летят они! Вдруг близехонько шваркнул кряковый селезень. Сердце так и обмерло, я кинулся к ружью, но было уже поздно: пара тяжелых кряковой протянули от нас в десяти шагах и, отлетев сажень пятьдесят, спустились на воду.

— Скоро заря начнется; пойдемте уток сторожить на лужи. Видите, уж тянуть начинают, — шепотом проговорил Абрам.

— Сейчас идем. А ты, Алексей, отправляйся туда, к клади, устрой там все хорошенько, разведи огонь и наставляй самовар. Как возвратимся, будем чай пить, а потом и кашу готовить...

Скоро закипела каша в котелке, повешенном над огнем, на воткнутом наискось колышке. Абрам, всегда бывавший в подобных случаях кашеваром, свернул ноги калачом и уселся поближе к котелку с ложкою в руках, беспрестанно помешивая ею варку и снимая накипевшую пену. Алексей закурил трубку-носогрейку, а я, нежась перед огнем, любовался природою. Последнее сияние вечерней зари, угасая постепенно, наконец угасло вовсе, осталась только чуть-чуть заметная, беловатая полоса, блестящая на горизонте, как поверхность отдаленного озера. Все небо иллюминировалось звездами: яркими алмазными огнями горели они по небесному куполу. Что это за прелесть, весенняя ночь! Как невыразимо приятны часы ее торжественного спокойствия! Природа как бы отдыхает, а с нею вместе стихают и все тревожные движения души человеческой. В былые время много таких ночей провел я на родине, на широких разливах реки Шексны, в веселом товариществе охотников, при неумолкаемом говоре пернатого населения. Любил я там в такие ночи прислушиваться к этому говору, в его последовательном порядке, всегда стройном и полном жизни. Вот, на первых порах вечерней зари, начинается свою закатистую песню соло-

вей: ударит два, три раза, просвистит два, три колена и смолкнет, через минуту снова начнет и зальется трелями. От него принимает малиновка: покачиваясь на ветке, мелодический звенит она своим серебристым голосом; за малиновкою ведет пенка, щегленок и моховая синичка. За ними потянет вальдшнеп, потом затокует дупель, и наконец, раздастся однообразный крик куропатки и трещание козодоя, не умолкающее во всю ночь. Особенно любил я слушать перекличку куропаток, постоянно бывавшую в конце вечерней зари; этот голос был для нас сигналом, по которому мы отправлялись на сон грядущий. Соснуть приходилось немного, ибо тот же звонкий голос будил нас, возвещая утреннюю зарю; вслед за ним до чуткого уха охотника доносилось чувьянье тетерева, поднявшегося на лес; потом через полчаса прилетал к шалашам токовик, скликал так, и начиналась охота.

— Что твоя каша, Абрам? — спросил я нашего кашевара, начинавшего драть.

Абрам снял с колышка котелок, помешал кашу ложкой, сбросил накипевшую пену, попробовал и решил, что она уварилась. Скоро кончили мы ужин и прилегли отдохнуть. Ночь миновала быстро. Я проснулся с появлением первых проблесков зари.

— Абрам, вставай, в шалаша пора! Абрам лениво поднялся, зевнул и вопросительно посмотрел на меня.

— Вставай скорей, идем: уже куропатка прокричала, утренняя заря показалась.

Мигом вскочил мой ретивый охотник, куда и сон девался. Торопливо начал он обустраиваться, толсто наворачивая на ноги онучи и натягивая сапоги. Через несколько минут мы бегом пустились к

шалашам. На востоке растянулась алая полоска утренней зари, а с лесу, издалека, доносилось до нас чувьянье тетерева.

— Эх, кабы хороший ток был, — промолвил Абрам, впритруску торопясь к шалашам.

— Не худо бы. Слышишь: токовик уже голос подает, — сейчас вылетят!

Мой шалаш был ближе Абрамова; я добежал скоро и залег в него на мягкий соломенный постельник и кожу, положенные в предохранение от сырости.

Тетеревиный ток имеет особенную, ни с чем не сравнимую прелесть, особенно на местах не разбитых, где бывает хороший слёт косачей, где несколько штук токовилов начальствуют на токовище и вступают между собою в отчаянное побоище. Гортанные звуки льются неумолкаемо. Беспреданное чувьянье, припрыгиванье, керканье, хлопанье крыльями раздается со всех сторон, а с лесу доносится коко-танье тетерок, сильно разжигающее самцов, доходящих до исступления: веером распутивши хвост, надув шею, как челноки, шмыгает тетеревиный шалаш, и не налюбуетесь на их молодцеватость, на яркие кровавого цвета брови, на блестящее, как полированная сталь, оперение. А раннее утро, свежесть весеннего воздуха, голоса

различных птиц на заре и какой-то особенный гул, весенний гул — «Зеленый шум», как назвал его поэт — разве это не живая страница из жизни природы и какому охотнику она может быть не по душе!

Недолго я дожидался в шалаше, как прилетел токовик, но сел очень далеко от меня, ближе к шалашу Абрама. Раз два или три он прочувывнул, прокеркал и начал что-то клевать, потом скорнул-

ся и сдохлился, как в дурную погоду. Между тем рассвело набело. Ярко разлилась заря и повеял маленький ветерок, слегка раскачивая вершины моих присядов; показалось солнце из-за лесу, и потянулись от него длинные, предлинные лучи, а тетерев все еще сидел молча и без движения.

Очевидно было, что ток распуган петлями, настоящие токовики передавлены и что вылетевший был какой-нибудь несчастный токовик-новичок, может быть испытанный уже силья. На лесу прококотала тетерка, косач оживился, чувкнул, привскочил и затоковал. Скоро прилетел другой, началась драка, но как-то вяло и трусливо. Слышу, Абрам сделал выстрел, и в то же время сел ко мне на присяду тетерев. Я его убил. Минут через пять прилетел другой и тоже был убит. С последнего выстрела два дравшиеся токовика слетели и более уже не возвращались. Тем и ток кончился. Мы вылезли из шалашей и начали снимать чучела.

— Плохой ток, Абрам.

— Помилуйте, какой же это ток, самое последнее дело: ведь распуган петлями. Заметили вы, не только токовать, и бегать-то бедняги боятся: все и осматриваются, и озираются. Нет, в здешней стороншке отложи, видно, попечение потешиться на тетеревков.

— Все же три штуки убили.

— Чту, три штуки! Здесь такому ли току надобно быть? Посмотрите: слёт со всех сторон... Проклятые петли! Кто вас и выдумал-то, тот недобрый человек.

Скоро мы убрались с Белого Бору и отправились в обратный путь.

Издалека показался высокий нагорный берег Вычегды и Нижнеконская часовня, белевшая на нем, как клочок снега. Вот блеснули сквозь лес соборная церковь в Усть-Сысольске, училищный дом и присутственные места, почти единственные каменные строения во всем городе. Вот, наконец, открылся и весь город, некрасивый, казавшийся издали разбросанным, с домами однообразной архитектуры, между которыми на берегу Сысолы выглядывало и мое жилище. Перед самым городом оглушил меня пушечный выстрел. С грохотом понеслись звуки по широкому пространству разливной воды, далеко отозвались они во всех сторонах и не успели еще кончиться, как их подхватил другой пушечный выстрел, потом застонал третий и рассыпался дробью.

— Что это за пальба, Алексей?

— Это с барок... С Койгородской пристани барки плывут, так вот перед городом-то и палят.

— Куда же плывут эти барки?

— С хлебом в Архангельск...

Рисунки В. Симонова

Возвращение шедевров

КИРИЛЛ СТОЛЯРОВ, президент культурно-просветительного Фонда имени народного артиста СССР Сергея Столярова

«Царская охота на Руси»

Случилось это в мае 1891 года. Император Александр III осматривал свои охотничьи угодья в Гатчине. Сопровождала его, как водится, свита, среди которой были начальник Императорской охоты князь Дмитрий Борисович Голицын и заведующий хозяйственной частью Императорской охоты Николай Иванович Кутепов. Вот тогда-то император и высказал пожелание издать книгу об охоте, заключив: «Этот труд тем более желателен, что он представляет интерес для каждого русского». Вот так и началось рождение книг, ставших образцом книгоиздания XIX — начала XX века и охвативших большой период русской истории, от первых князей Древней Руси до правления императора Александра II. И это была не только история охоты, но и энциклопедия образа жизни российских монархов, их увлечений, а если смотреть еще шире, то и политики Российского государства.

Великий памятник Русской книжности — четырехтомник «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси» издан в конце XIX — начале XX века.

Николай Кутепов перевернул горы документов, провел огромную исследовательскую работу, им были изучены сотни и сотни материалов, посвященных истории царских охот, перерыты вдоль и поперек всевозможные российские архивы и библиотеки. В «Примечаниях», которые сопровождают каждый том «Царской охоты», Кутепов поместил полные тексты подлинных исторических документов. Он был не только автором, но и издателем этого беспрецедентного исторического труда: вел переговоры с известными русскими художниками на предмет иллюстрирования книги, переписку творческого и организационного характера, обсуждал сюжеты для иллюстраций, выбирал те или иные работы для воспроизведения — короче, был душой этого издательского проекта.

Нашему Фонду имени народного артиста Сергея Столярова в рамках большого проекта «Книжная память России», призванного возвращать шедевры отечественной книжности современному читателю, удалось осуществить, казалось бы, неосуществимое — повторить издание «Царской охоты».

Для меня лично эта тема и эта книга значат очень много — это часть моей жизни. Я раньше эту книгу не видел, не

Кирилл Сергеевич Столяров

держал в руках, я только мечтал о ней, знал, что она существует, что это величайшее произведение русской книжности, книжной культуры. Позже я видел некие разрозненные тома, и то в чужих руках, я мечтал ее получить, как-то полистать, я видел иллюстрации Серова, Васнецова, сделанные к той книге. Для меня «Царская охота» — это «Синяя птица» Метерлинка, мечта. Где-то в провинции я узнавал, что кто-то где-то в каком-то магазине покупал эту книгу. Более того, мы были готовы поменять наши условные в то время ценности хотя бы на один том «Царской охоты». Это была заповедная, недосыгаемая мечта — вроде книга где-то была и в то же время... ее не было, и от этой призрачности мечта становилась еще прекрасней.

Всего в конце XIX века было предположительно издано около четырехсот экземпляров «Царской охоты», и все они разошлись по свету. Какое-то ко-

личество было на французском языке. Последний том вышел в 1911 году, затем — Первая мировая, революция, разруха, уничтожение дворянских усадеб вместе с библиотеками, хранилищ книг...

Я продолжал интересоваться «Царской охотой». Те библиотеки, которые я посещал, не имели ее. Но она была в «Ленинке», в Библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, а там нужны были особые разрешения, допуски. Это стало мечтой о прекрасном. Почему прекрасном?

Моя сознательная жизнь началась именно с охоты! В 45-м году отец взял меня с собой на охоту. Мы выехали во Владимирскую губернию с его другом Игорем Панфиловым, актером Театра Красной Армии (он был пасынком знаменитого изобретателя Дегтярева). Вот к этому Дегтяреву, верней в его дом, мы и поехали (это где-то в районной станции Петушки), ехали на паровике, и это казалось бесконечно далеко, потом на телеге по проселочной дороге — в детстве это очень ярко запоминается. Приехали в село. Ходили куры, козы, и была собака Сонька, пойнтер. И вот тогда отец подарил мне первое ружье, это было маленькое немецкое детское ружье, но нарезное,

мелкокалиберное. И я так же, как отец и Игорь Панфилов, с Сонькой выходил на охоту.

Меня потом брали часто. 46-й, 47-й годы, станция Акуловка, поселок Кулотино, замечательные места, бывшая усадьба Нахимова, парк Приволье, запущенный, естественно, но красоты невероятной, рядом Псковская, Новгородская губернии. Леса, послевоенная пустота, пустые деревни, где только какие-то бабки и маленькие дети — и большое количество глухарей, тетеревов, уток. Река Мета, озеро. А там особенная природа — моховые болота... Идешь, а под тобой все дрожит кругом — громадные валуны, остатки реликтовых ледникового периода, великолепные сосновые горы, замечательная природа удивительного северного края. Все впитывалось — восприятие природы, романтика охоты, поиск дичи, родники, какие-то совершенно удивительные моховые болота, бор, глухарь, вальдшнеп, восходы солнца, вечерние зори, заходы солнца. Весь комплекс человеческой жизни я воспринимал через охоту, точнее через подготовку к ней, через участие в этом деле вместе со взрослыми. Это не было царской охотой, это было познание жизни: что это за дерево, что за трава, когда начинаются сумерки, что значит «вечерняя тяга», «утренняя тяга»? Лес ночью — это один мир. Когда встает солнце, все пробуждается, — это уже наш мир, дневной. Ночевки на сене, костер, удивительные истории у костра о прошлой жизни...

Все это набиралось у меня в душе и складывалось в некий прекрасный, загадочный идеальный мир — мир человека и природы, мир, где ты познаешь себя и мир вокруг: прозрачность и чистоту воздуха, чистоту родника, то, что в городе уже не существует. Ведь наверняка подсознательно в каждом из нас, в душе, существует тяга к корням. Для меня охота — это и было возвращение к корням. Отец говорил, что охота — это наш национальный вид спорта, мы лесные люди, отсюда вышли. Мы не поляне, мы древляне. Дерево, лес — это наши истоки, изначальная родина.

Благодаря этому миру, миру лесной природы, в который ввел меня отец, в который я не раз возвращался, и стала «Царская охота» для меня желанной.

Когда мы создали наш Фонд, то помимо фестивалей, музея, Центра наследия, вечеров памяти актеров и отца, я счел своим долгом воскресить вот эту память красоты, чистоты и русской культуры, русской истории, которая была в этой книге.

Начали мы совершенно не подготовленными, бросились в эту огромную эпопею, как в омут. А это действительно эпопея — четыре тома. Ведь «Царская охота» — это не есть книга об охоте, о промысле. Охота, по Далю, — это непреодолимое желание, а тут «царская» страсть, охота, возведенная в

высшую степень, непостижимая и невероятная.

Вот с таким ощущением, пониманием я и подходил к этой книге. Таким и был первый том, где охота была одновременно и великим княжеским занятием, и битвой, и воспитанием молодого поколения, и спортом, и проверкой себя на крепость: можешь ли ты? Человек ведь выходил в лес не с автоматом Калашникова, а с рогатиной. С ней — один на один с медведем. Во втором томе «Царской охоты», в поэме Мея «Избавитель», мы видим, как Алексей Михайлович Тишайший идет себя проверить: как он, царь, готов ли к борьбе? Вот он подходит к берлоге, а оттуда поднимается матерый медведь. Начинается борьба. И рисунки рассказывают об этом — человек проверяет себя в борьбе с природой. Все без особых уловок — без огнестрельного оружия. Один на один. Только рогатина — у человека и когти да клыки — у животного. Вот такая охота — царская. Так создавался характер русского человека, князя. Ибо князь — это был символ, знак. Князь — это и вождь и отец, и главный воин. Потом эта охота продолжалась уже битвой.

Второй том — совершенно блистательная книга. Николаи Кутепов, человек, который в тонкостях знал царскую охоту, егермейстер Его Императорского Величества, генерал, собрал, как мы уже говорили выше, все исторические материалы по царской охоте, ему были открыты все архивы, к которым, как ни странно, не был допущен даже Карамзин. Отсюда и новые открытия после Карамзина.

Эта книга — еще и история Руси. Люди, тонко понимающие культуру, искусство, говорили, что это живописная история России, именно живописная, с удивительным терпким запахом охоты, с непередаваемым ощущением праздника, волнующих ситуаций, которые встречаются на охоте. Это как встреча с жизнью твоих предков, с окружающим лесным миром, загадочным миром. Охота — это всегда загадка, это всегда неизвестность, это всегда тайна.

В чем особый, неповторимый аромат книги? Не только в том, что она написана замечательным языком, что там собраны редкие сведения, интересные мелочи, которые встретишь только в самых редких рукописных сборниках, изданиях. Там есть еще и изобразительный ряд. Книгу оформляли одиннадцать академиков Академии художеств России: Серов, Репин, Рябушкин, братья Васнецовы, Суриков, Лансере, Бенуа, Степанов, Самокиш, Пастернак. Это не сухая история, это образное повествование. Живопись здесь в языке, в месте действия — и живопись непосредственно в рисунках. Это создает удивительную гармонию восприятия того века.

Тираж «Царской охоты» был небольшим, что и понятно: производство требовало очень больших затрат для «цар-

ских книг высокого качества», как называл свое детище Кутепов.

В деле по возвращению этого памятника к современнику все обстояло не так просто — император в наших помощниках не числился. Мы обратились за помощью к людям, способным поддержать нашу идею финансово. И, надо сказать, такие люди нашлись и откликнулись, причем с большой радостью. Но... Их радость была в том, что они увидели в выпуске этой книги только коммерческий проект. Это меня испугало. Я не стал с ними связываться. Для меня продолжение работы оказалось неприемлемым — нарушались этические, правовые нормы, гражданские. Для них это было пустым звуком, в выпуске книги они видели только дополнительный заработок, доход, барыш. Для меня же это — духовная обязанность, душевная работа. Компромиссов здесь я не признавал. Но книгу-то надо было издавать! Был еще один, «из богатых», который согласился сотрудничать с нами. Но и в этом случае наш альянс длился недолго: олигарх оказался из числа тех, кто, как говорил когда-то Григорий Михайлович Вицин, «охраняется государством».

Мы остались на берегу одни — с нашей идеей, с нашей жаждой...

С Божьей помощью, а другого я здесь и не вижу, мы все-таки издали это уникальное, монументальное произведение, памятник русской культуры, русской полиграфии, русского искусства — четыре тома «Царской охоты». Издали своими силами.

Мне до сих пор трудно в это поверить. В советские времена я не мог увидеть «Царскую охоту» даже в библиотеке, она выдавалась по особому распоряжению. Когда мне все-таки посчастливилось взять в руки некоторые ее экземпляры, они оказались с утратами, без авторских обложек, отдельных листов. В начале «перестройки» эти книги появились у олигархов. Я, например, знаю, что такая жемчужина была куплена одним из них за 60 тысяч долларов. Я даже не могу предположить, откуда она всплыла. В частном собрании она просто не могла быть — значит, это было государственное учреждение... Наверняка похищена! Издание-то было дорогое: с серебряными уголками, кожаные переплеты... Это, надо полагать, форма вложения денег. Таких историй много, и, конечно, они не имеют никакого отношения к культуре, искусству. Я видел на Арбате в букинистическом магазине один том «Царской охоты», и стоил он 14 тысяч долларов.

Так вот, когда мы загорелись этой идеей — сама идея-то благородная, чистая, нестяжательная: вернуть памятник русской книжности, русской культуры, русской истории современному читателю, — мы понимали, что вернуть его надо таким, каким он когда-то и задумывался, исполнялся. То есть в тех же томах, на той же бумаге,

с такой же полиграфией удивительной красоты. Это означало одно — книга будет дорогой!.. Но она и не может быть дешевой! И по замыслу, и по своему явлению это — событие.

Далась она нам нелегко. И бумагу подбирали замечательную, и полиграфические возможности были высокого качества. Когда же приступили к печати цветных иллюстраций — а мы всегда делали пробные варианты, — то оказалось, что хотя все вроде бы и подходило и по оттенкам, и по цвету к оригиналу, но после запуска печатного станка все наработанное куда-то исчезало, появлялась некая пошловатая зеленца, какой-то грязно-коричневый цвет, что совершенно не соответствовало памятнику. Было очень много волнений и по этому поводу, и по ряду других. Графика, например. Ее очень трудно передавать на современном оборудовании. Там, в графике, в оригинале, — линия, а печать идет точками. Надо было линию эту не погубить, не искажать замысел художника. Это не просто.

Работы было много, но работа была радостная, во благо. При возрождении этой книги у нас была еще одна проблема. Время не пощадило первоисточник: полных томов не было, не хватало обложек, отдельных листов, изображений. Все добывали в разных местах. К нынешнему читателю «Царская охота» пришла уже в современной орфографии, восстановили полностью все живописные и графические вещи, которые были в подлиннике. В первоисточнике, например, были черно-белые портреты, мы подали их цветными, перерыв для этого многие летописные издания. Некоторые живописные вещи в подлиннике тоже были в черно-белом варианте, у нас же они заиграли своим первозданным цветом. Это была огромная работа. Можно сказать, археологическая.

Два первых тома изданы были практически в том же формате, что и прежние, подлинные. Говорю «практически» потому, что прежние два тома имели все же больший формат, такой, какой не входит ныне в машинное производство, здесь уже требуется руч-

ная работа, а это чрезвычайно дорого. Так вот, у оригинала были очень большие поля, мы их сократили. Таким образом мы немного уменьшили формат книг, сохранив при этом тот размер рисунков, какой был в подлиннике.

Третий и четвертый тома в оригинале были просто физически неподъемными. Третий том, например, весил столько же, сколько первые два, и это понятно — объем документов, входивших в него, был весомей: эпоха Петра, Елизаветы, Екатерины сохранила больше исторических документов, свидетельств, нежели это могли предоставить X—XVI века. Тяжеловесность той книги можно объяснить: она делалась для людей определенного круга, определенных занятий, для людей богатых. Это была кабинетная книга. Ее клали на большой стол в кабинете, садились в вольтеровское кресло и неторопливо листали страницу за страницей. В конце книги были Приложения. Чтобы заглянуть в них, владелец книги, должно быть, неспешно переворачивал листы — один лист, другой, третий... Неторопливое было время. Мы же решили этот том и последующий, четвертый, разделить каждый на две книги: отдельно том с историческими очерками Николая Кутепова и отдельно — с Приложениями. И это, по-моему, правильно: ну зачем лишний раз «тревожить» листы фолианта, трепать его, перелистывая в поисках справок и сносок. Сейчас они так и находятся в одной коробке — две книги, это и удобно, и практично.

Четвертый том (1911) вышел, к сожалению, уже без участия Николая Кутепова. Продолжателем его дела выступила вдова историка. Этот том был связан с более узким периодом русской истории, это эпоха от Павла до Александра II. Здесь завершается царская охота. Завершается и в прямом и в переносном смысле.

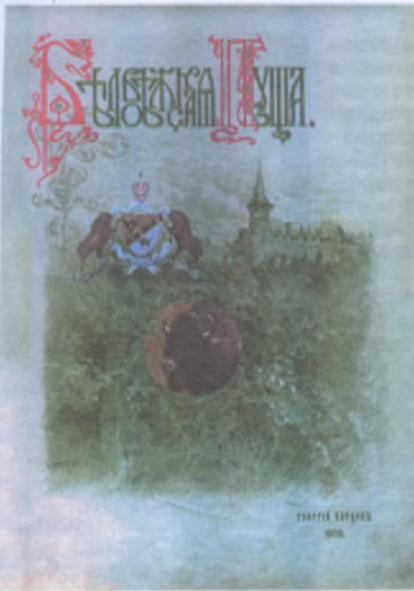
Я бесконечно счастлив, что «Царская охота на Руси» обрела свою вторую жизнь, что памятник нашей культуры — и словесный, и живописный, а самое главное — исторический, сможет попасть к нашему современнику...

«Охота в Беловежской пуще»

Эту книгу я беру в руки с большим волнением. Она только-только отпечатана, хранит еще запах типографской краски. Печатали мы ее в Словении, в городе Крань, в типографии Гонерский Тиск...

Наверное, у многих любителей книг это издание вызовет живейший интерес, вопросы, надо думать, будут такого плана: «Уж не продолжение ли это «Великокняжеской, царской и императорской охоты на Руси», ее пятый том... которого и не было-то никогда?..»

Конечно же, это не продолжение «Царской охоты», это продолжение темы царской охоты. И не мудрено, что мы продолжаем эту тему: пять лет, пока мы издавали четырехтомник «Царской охоты», видимо, не прошли для нас просто так, отсвет той далекой жизни, тех богатых образов, коими был так наполнен четырехтомник «Царской охоты», не отпустил нас. Да и как он мог отпустить! В каждом томе — столько примет далеких времен, столько открытий! Великокняжеская и царская охота на Руси X—XVI веков встала перед нами во всем своем царском великолепии. XVII век открылся нам через царскую охоту Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Удивил и восхитил мир императорской охоты XVIII века, затем XIX... Ну просто не было сил расстаться с этой грандиозной книгой, с пиршеством полиграфии, с мастерством великих, талантливых, влюбленных в свое дело художников. Огромный этот труд завершился в 1911 году.

Но мы-то знали, что была еще одна охота в XIX веке, императорская, которая оставила по себе не только сухое упоминание в истории, но и книжную память. А именно «Охоту в Беловежской пуще».

По рекомендации австрийского посла в России князя Валентина Эстергази обер-егермейстер Русского императорского двора пригласил художника Зичи запечатлеть сцены императорской охоты 1860 года, тот, конечно же, с радостью откликнулся.

Сцены императорской охоты были художником очень подробно и достоверно исполнены. «Охота в Беловежской пуще», по мнению многих специалистов и библиофилов, стала самой большой удачей Зичи.

Тираж «Охоты в Беловежской пуще» был очень мал, каждый предназначался определенному лицу. Вот и разошлись все экземпляры вслед за своими владельцами. В официальной истории это событие почти не оставило никаких следов. Но кто ищет... Через несколько лет кропотливой работы многих специалистов и просто энтузиастов мы, к нашему большому счастью, смогли воплотить свою мечту — переиздать «Охоту в Беловежской пуще».

«Охоту в Беловежской пуще» до нас никто не переиздавал, она является антикварной редкостью. Наше переиздание состоит, в отличие от оригинального, из двух частей. В первую часть «Охоты» лег именно экземпляр одного из участников охоты, тот самый, что был преподнесен ему в дар как память о той исторической императорской охоте 1860 года. (Совсем совсем недавно, кстати, с аукциона ушел точно такой экземпляр, к сожалению не знаю, кто был его первым владельцем. Так вот, альбом был оценен в один миллион шестьсот тысяч рублей. Считаю, что это не самая большая цена за такой шедевр). Если первая часть нашего переиздания — это один в один слепок с издания 1861 года, то вторая часть — Приложение — это исторический очерк Георгия Карцева «Беловежская пуща», выпущенный уже в 1903 году. Очерк этот — настоящий путеводитель по тому феноменальному экологическому и историческому явлению, каким являлась (и является) Беловежская пуща. Это познавательное и увлекательное чтение, открывающее такие пласты давней, очень интересной истории лесного края! К тому же ощущается, что автор очерка не просто разбирается в охоте, и его замечания по императорской охоте 1860 года любопытны. Да и как можно пройти мимо одних только названий главок этого очерка: «Первое указание на наименование Пущи. Литовцы — идолопоклонники», «Стефан Баторий и его охота в Пуще. Завота о Беловеже последующих королей не охотников», «Возрождение охот в Пуще при Августе Саксонских», «Последняя охота польского короля Станислава Понятовского», «Указ императора Александра I о сохранении зубров»... Считаю, что в таком, преобразованном, виде книга «Охота в Беловежской пуще» только выиграла: рассказывать читателям об охоте в Беловежской пуще и не сказать об истории этого уникального заповедного места было бы неправильно. А уж насколько сильно было наше желание продолжить традиции «Царской охоты» с их замечательными историческими очерками Николая Кутепова, и говорить нечего! Наша влюбленность в художника Николая Самокиша, иллюстрировавшего четыре тома «Царской охоты», дала о себе знать: исторический очерк Георгия Карцева изо-

блует дивными работами Николая Самокиша, связывая в единый художественный узел две части «Охоты в Беловежской пуще».

Как и в работе над четырьмя томами издания «Царской охоты» мы придерживались правила не отступать ни в чем от оригинала, так и переиздавая «Охоту в Беловежской пуще», мы строго придерживались первоисточника. Единственное различие — современная орфография. Это издание, на наш взгляд, достойно дополняет уникальный квартет книжных памятников о царской охоте. Сохраняя высочайшие полиграфические достижения предыдущих книг, оно может по праву считаться славным дополнением к ранее вышедшему четырехтомнику в шести книгах и считаться пятым томом, седьмой книгой. Ну а новым обладателям «Царской охоты» и «Охоты в Беловежской пуще» самим судить, продолжение ли нами издано или отдельная книга.

Новые издания, напечатанные на художественной бумаге «Гарда Пат» — «под старину», воссоздающие наборный шрифт оригинала, передают всю красоту старой книги, включая переплет с тиснением фольгой семи цветов, печатный форзац, тройной золоченый обрез, иллюстрации на вкладышах, заставки, виньетки, концовки. Каждый том помещен в художественный футляр. Формат книги 240х335 мм.

Некоторое количество экземпляров роскошного подарочного издания «Царской охоты» состоит из трех комплектов, в каждом две книги, помещенные в кожаный короб ручной работы с ремнями. На верхней крышке — российский герб, отлитый из металла. На двухцветном кожаном переплете книг с золочеными углами и рельефным рисунком — ростовская финишь с изображением святого Трифона, покровителя охотников на Руси.

Оригинальное подарочное издание «Охоты в Беловежской пуще» украшает берестяной переплет ручной работы.

Справки по тел/факсу: (495) 142-19-23
Email: Stolyrov@yandex.ru,
Spgrgroup@yandex.ru

Здравствуйтесь, редакция журнала! Первый раз я увидел ваш журнал в 1956 году, тогда был еще мальчишкой и очень хотел стать охотником. И я стал им в 16 лет, охотился на белок, но речь не обо мне. В 1967 году я познакомился с удивительным человеком, охотником, председателем охотхозяйства железнодорожников в г. Семипалатинске. Он же был на протяжении 30 лет членом штаба охотколлективов города и области. Это человек с удивительной судьбой.

Имя его — Иван Ермолаевич Агимов. В 18 лет он уже стал командиром диверсионной группы и заброшен в тыл врага, много раз был ранен, прошел всю войну. Ушел в отставку в звании полковника. Познакомился я с ним на охоте. Выбрал место на озере, устроился поудобнее. Уток было очень много, в основном чирки. Палил я тогда много и все время мазал. И вдруг меня кто-то окликнул. Сказал, что я, видно, еще молодой охотник, если так бездарно стреляю. Затем он присел рядом и предложил дожидаться следующей стайки. И вот на нас летит большая стая чирков. Он дал выдержку, когда подлетел вплотную, встал, и вся стая поднялась вверх. Потом был один дуплет, и три чирка к нашим ногам.

Нас связала очень крепкая дружба. Мы выпросили у железнодорожников три списанных вагона и оборудовали их под охотничьи домики. По его инициативе зарыбили озеро и на открытие охоты всем охотникам выдавали по 2—3 карася. Зимой он привлекал нас на подкормку лосей и косуль. Был судьей на зимней рыбалке, судил всегда объективно. И. Е. Агимов немного увлеклся стихами.

*Из-под пещи с хрустальным звоном
Искрясь, летит алмазный лед,
И над заснеженным затоном
Рассвет малиновый плывет...
...И я ликую, как мальчишка,
В душе моей цветет весна,
Как будто с этим окунишкой
Я счастье выудил со дна.*

Дорогая редакция, от имени 175 охотников прошу вас напечатать это письмо и стихи. К сожалению, Ивана Ермолаевича уже нет в живых, но он подготовил себе отличную смену.

В. ГОРИН
Алтайский кр.

И. Агимов и Слава Курков, 2005.

Добрый день, редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»! Пишет вам техник-таксатор ФГУП «Запсиблеспроект» Антон Басалаев. В июне 2006 года я окончил Тогучинский лесхоз-техникум в Новосибирской области. Сразу после сдачи госэкзаменов определился в лесо-строительную экспедицию — в глухую тайгу на севере Томской области.

Вдвоем с напарником Колягиным Владимиром нас забросили на вертолете 3 июля и забрали 25 октября. Рабочий план составлял 54 тысячи гектаров. Всю эту площадь мы прошли и обработали.

Хочется сказать несколько слов о специфике этой работы. Два с половиной месяца над головой кружат тучи гнуса. Температурные перепады составляли от +30 до —10 градусов, рюкзаки неподъемные, кровяные мозоли на ногах и, самое главное, многочисленные встречи с медведем. Кстати, нам на него пришлось поохотиться.

После окончания работы я удачно охотился на пушнину (раньше этим не занимался, там, где я рос, соболь не во-

дится). Все премудрости этого нелегкого промысла постигал сам. Я хотел бы выразить редакции благодарность за полезную информацию, которую вы даете на страницах журнала: как поставить кулемку, где и как лучше расположить, из чего сделать приманку, как выделывать шкуру.

Наша семья ваш журнал выписывает с 1986 года. Наиболее интересные и полезные рубрики для меня были и остаются «Литературные страницы» и «Молодому охотнику».

Благодарю вас и своего отца — заядлого охотника и рыболова — что вырастили из меня настоящего любителя и ценителя природы. Желаю вам и дальше воспитывать истинных охотников.

Очень надеюсь, что мое письмо не останется без внимания и вы напечатаете его в разделе «Письма читателей».

А. БАСАЛАЕВ
Новосибирская обл.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Пишу вам из г. Белебей в Башкирии. Журнал выписываю с 1975 года. Очень приятно видеть, что, дожив до Золотого юбилея, он стал еще красочнее и интереснее.

Мой муж Михальчук Александр Борисович работает директором инструменталь-

ного производства, свободного времени мало, но в выходные он старается быть поближе к природе — или нас с детьми берет в лес, или с друзьями выезжает на охоту. Он охотник с большим стажем, ему присвоено звание «Заслуженный охотник». А любовь к природе ему привил еще отец Борис Николаевич, участник ВОВ, инвалид 2 группы.

Нашему сыну Сергею исполнилось 18 лет, и он стал членом общества охотников. Муж с самого его детства брал с собой на охоту.

У Александра Борисовича много друзей-охотников, и день открытия охоты для них — всегда праздник. Праздновать этот день стало уже традицией: они устраивают конкурсы, соревнования, даже вручают медали и призы.

Не так давно они создали ООО «Лесные просторы», наметили план мероприятий, периодически выезжают в рейды по охране животных, завозят подкормку для зверей и птиц.

В сентябре 2006 г. моему мужу исполнилось 55 лет, и у меня к вам большая просьба: в честь этой даты напечатать в одном из номеров его фотографию с друзьями. Это будет для него большим сюрпризом и подарком.

Т. МИХАЛЬЧУК
Башкирия

По первому снегу. Слева направо: И. Григорьев, А. Михальчук, А. Степанюк (инспектор охотнадзора)

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогая редакция! Я выпускаю ваш журнал всего год, так как мне только 14 лет. Очень люблю природу и охоту, люблю бродить по лесу с отцом и нашей собакой Тайгой. Высылаю вам фотографию, где я, отец с Тайгой и мой двоюродный брат Никита (слева). Пожалуйста, напечатайте в журнале мой адрес и телефон, я ищу людей, у которых русско-европейские лайки: 306200 Курская обл., Пристенский р-н, п. Пристень, ул. Железнодорожная, 33. Тел.: 2-21-56. Александру Надеину.

У меня к вам вопрос: может ли русско-европейская лайка участвовать в выставках? У нее нет родословной, но есть паспорт № 34, выданный Пристенским районным обществом, экстерьер «Отлично», заверен кинологом.

Ответ редакции. Каждая охотничья собака, не имеющая свидетельства о происхождении, должна быть показана на выводе или районной выставке, чтобы ее оценил эксперт. На областные выставки такие собаки не принимаются и бонитировке не подвергаются.

Добрый день, редакция очень уважаемого мной журнала! Меня зовут Сергеева Евгения, мне 27 лет. Я — уроженка города Пермь. Много лет читаю ваш журнал, можно сказать, всю сознательную жизнь, хотя никогда не была на охоте, но этот мир для меня не чужой. Мой дед охотник, о нем и ради него это письмо.

Зовут деда Федор Яковлевич Сабуров. На сегодняшний день ему 78, не скажу, чтоб был совершенно здоров, но

достаточно бодр и очень деятельен. Именно он более 20 лет выписывает ваш журнал. Не могу не сказать — очень нужное дело вы делаете.

Детство и отрочество деда пришлось на голодные годы, потом Великая Отечественная война, различные политические передряги, тяжелая работа, смерть близких и любимых людей, трудности, закалившие характер. Родился и вырос дедушка на Урале, в деревне Шипицино, сегодня он живет в д. Осинцево Суксунского района.

Всю жизнь дед трудился и никогда не искал легких путей. В свое время ему необходимо было ставить на ноги пятерых детей — работал на лесовозе, и только когда стало сдавать здоровье, вернулся в свою деревню. Он вырастил троих замечательных сыновей и двух красавиц дочерей, сегодня у него 11 внуков и 7 правнуков. За свою жизнь он построил два дома и три бани. И все эти годы дед занимался любимым делом — охотой. И не всегда это было «хобби», были времена, когда она становилась серьезным подспорьем, а то и способом выживания. Но все-таки это был отдых для души.

Конечно, охотники бывают разные. Мой дед не просто истинный охотник — он ценитель леса. Для него лес — это храм природы, место, где другой мир, другие правила, во многом более честные и человеческие. И то, что сегодня происходит в охотничьем хозяйстве России, ему не нравится, как не нравятся и некоторые горе-охотники и их дела.

Несколько лет назад дед со своей собакой Мухтаром нашел енотовидную собаку, у которой голова застряла в стеклянной банке. Самостоятельно освободиться зверек не мог и находился в полубессознательном состоянии. Дед осторожно вынул его голову, животное не сопротивлялось, но даже на то, чтобы победить, у него не было сил. Дед проследил за тем, чтобы собака не обидела пострадавшего, и, оставив его приходить в себя, отправился по делам. На обратном пути хотел проверить, как у него дела, но енотик уже ушел.

В прошедшем сезоне мой дед добыл две лисицы — естественно, по лицензии. Одним из побудителей стало то, что правнук, которому исполнилось 7 лет, попросил его об этом.

Е. СЕРГЕЕВА
г. Пермь

Здравствуй, уважаемая редакция! Меня зовут Николай, мне 25 лет. Ваш журнал читаю лет с 15, а охотой стал увлекаться и того раньше. Правда, никаких охотничьих навыков у меня тогда не было, но прошли годы, я вступил в охотобщество, набрался опыта и теперь могу посоревноваться даже со старым опытным охотником.

Среди нашей многочисленной родни заядлых охотников никогда не было, даже не знаю, откуда у меня такая тяга к охоте. Обучать меня было некому, поэтому охотничьи премудрости я познавал из книг, энциклопедий, статей в газетах и, конечно же, журнала «Охота и охотничье хозяйство».

Сейчас меня «хлебом не корми», дай побродить по лесу с ружьем, отсидеть на болоте утреннюю или вечернюю зорьку, понаблюдать за

тетеревами во время тока. Друзья часто спрашивают: «Ну что за радость сидеть рано утром в шалаше и мерзнуть?» На что я всегда отвечаю: «Вам этого не понять!» А с читателями журнала обещаю делиться собственным опытом, секретами и хитростями при различных охотах.

Н. ПОДСКРЕБЫШЕВ
Новосибирская обл.

Уважаемая редакция! Я много лет работал в Лазовском государственном заповеднике, изучал экологию крупных хищников: тигра, медведя, волка. Сейчас готовлю монографию по экологии гималайского медведя. Удастся ли ее опубликовать — вопрос спорный, учитывая финансовые затруднения автора.

Фотографией увлекаюсь с юности. Сначала снимал «Любителем», затем «Смелой», потом ФЭДом. Купить более дорогую аппаратуру мне не по карману.

Хочу предложить редакции свои фотографии под следующим названием:

Бог (Пудзя) и богиня (Куты-Мафа) охоты у удэгейцев

В. ХРАМЦОВ
Приморский кр.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Приключения бивалого зайца

Испокон века охотники добывают зайцев. Азартна охота с собакой. Уходя от пса, зверек натывается на притаившегося человека. Грохочет выстрел, и свинцовые шарики пронизывают разгоряченное тело длинноухой жертвы. Подбежавшая с высунутым языком собака жадно лижет капельки крови на синеем снегу, а потом смачно хрустит, пожирая «пазанки» — концы задних ног зверька, что отрезал ей человек в награду.

Однако охотники нередко «остаются с носом». С помощью разных уловок заяц уходит от своих врагов невредимым. На всю округу прославился заяц-беляк, которого охотники окрестили «профессором». Посмотрим, как же удавалось ему спастись. Слово «профессор» при написании иногда сокращают: «проф.». Так и мы будем звать нашего героя. Сейчас старый заяц кормился побегами молодых осинков.

Но что это? Проф услышал знакомый скрип снега: то пришел в лес его давний «приятель» — двуногое существо с вонючей палочкой во рту. Как всегда, взбредившая, моталась туда-сюда прибежавшая с ним противная лопухая собака. Когда близость ее стала опасной, Проф неторопливо отправился в сторону мелкого хвойного леса. Пес, обнаружив его свежий след, оживился и погнался за зверьком.

Лес наполнился ритмичными взлаями: «Ай, ай, ай...» Издалека они казались печальными, но тешили слух охотника. Раньше, уходя от собаки, Проф начинал петлять, путая следы, или делал скидку (длинный прыжок в сторону) и затаивался. Пес пробегал мимо, терял след, и наш герой получал передышку. Сейчас он увидел слева от себя поленницу не вывезенных из леса дров и, поднапрягшись, заскочил на нее.

Собака пробежала мимо, но вскоре вернулась и начала отыскивать потерянный след. Она рыскала вокруг, тыча нос в снег, но все тщетно: чертов заяц как провалился. Проф же в снежной макушке поленницы был недоступен ни носу, ни глазу гончей.

Потеряв надежду найти хитреца, охотник отозвал пса, и тот вскоре нашел новый след, и опять последовали собачьи взбреды. Чуть позже раздался выстрел. Еще одним зайцем в этом лесу стало меньше.

Начался густой снегопад, в такую погоду гончатники сидят дома, и Проф наслаждался тишиной. В дреме ему снились дела давно минувших дней. В зиму глубокого снега Проф часто избавлялся от собаки, выбегая на общую тропу, пробитую его собратьями и лисами; в множестве следов псу разбираться было трудно и, скинувшись в сторонку, заяц пропускал преследователя, а потом уходил той же тропой в обратную сторону, а иногда даже издевательски следовал за собакой.

Осенью, после больших лесных пожаров, Проф улизунул от пса, выйдя на свежую гарь: угольная пыль поглощала запах отпечатков его лап, и гончая сбилась со следа. Позже он не раз использовал этот прием. Были, конечно, и ошибки. Однажды, уходя от гончей и медленно пробегая между мысками леса, он нарвался на охотника. Дважды грохнул выстрел, и пара дробинок засела в ногу Профа.

С той поры его трудно было выгнать на открытое место, он крутился в щабобниках, ходил зигзагами, а если приходилось, то мчался через полянку с такой быстротой, что охотник не успевал вскинуть к плечу свою железную палку. В непогоду засевшие в лапе дробины давали себя знать, напоминали о промашке, и бивалый заяц не терял впредь осторожности.

До наступления холодов Проф норвил уйти от собаки к мокрине или мелкому болотцу. Прошлепав по водичке,

он надежно маскировал свой след, и все старания собаки прихватить его запах не давали успеха. Вспомнилось, как однажды, уходя от гончей, вышел к речке, забежал по мелководью в прибрежную густую заросль растений и присел там. Век бы псу не найти его, но выдали длинные уши. Они торчали поверх травы, и собака заметила их. Профу пришлось «рвать когти» на всю мощь своих лап и тренированного сердца.

Но один случай помнится ярче других. Чтобы не нарваться на охотника, Проф, уходя от собаки, вынужден был выйти к лесному озеру. Пес был совсем близко, слышались не только его лай, но и сопенье в перерывах между взбредами. Проф в нерешительности топтался у воды и, когда гончая выскочила к берегу, кинулся в воду и поплыл. Собака в азарте плюхнулась в озеро и последовала за ним. Проф круто изменил направление и оказался сбоку пса. Эх, была не была! — и заяц заскочил на спину преследователю. Задыхаясь от возмущения, пес поплыл с «пассажиром» на спине. Когда до берега оставалось метра три, Проф сиганул на сушу и скрылся в лесу. Пока пес отряхивался, заяц и след простыл. Охотник со своим четвероногим помощником остался в дураках.

Не раз жизнь Профа висела на волоске, но осторожность, накопленный опыт в борьбе за существование и неожиданные уловки спасали мудрого зайца.

Не только люди и собаки охотили до вкусной зайчатины. Она вожаделена лисам, волкам, куницам и другим зубастым зверям. Не прочь полакомиться зайцем и хищные птицы. При нападении пернатого разбойника Проф падал на спину и отбивался лапами. Обороняясь таким способом, он однажды разорвал когтем заднюю лапу брюшину своему противнику. Проф не только спасся, но и наказал врага.

Прошло много времени, снегопад кончился, дремота еще не прошла, так не хотелось покидать уютную глубокую лежку. Однако пустое брюхо давало о себе знать. На соседнюю елку села сорока и заметила зайца. Застрекокала окаянная, выдала его ухоронку. Пора на кормежку. И старый заяц, внимательно послушав длинным ухом окрестности, не торопясь отправился на завтрак в ближайший осинник. Жизнь продолжалась.

Звери это просекают

Когда тебе повезет и ты увидишь горного козла не в зоопарке, а в горах, почти на отвесных скалах, ты не только любуешься этим гордым красивым животным, но и удивляешься: да как он там, сердешный, живет на этих немислимых кручах, не оступается, не падает. И вот что странно: если появится человек с ружьем и собакой — явная опасность, — обитатель гор ведет себя с удивительным достоинством: не впадает в панику, не мчитя куда глаза глядят, а уходит шагом или уж если бежит, то не стремительно, а плавно, неторопливо, осторожно переступая в опасных местах. Через каменные россыпи перебегает прыжками, но так ловко, что камни начинают осыпаться после того, как зверь достигнет противоположной стороны.

И так ведут себя не только козлы, но все горные копытные животные: спасаясь от врагов, они уходят, не нарушая своих естественных правил безопасности передвижений по горам. Ведь падение с кручи обеспечивает стопроцентную гибель, а злые умыслы врага могут и не увенчаться успехом. Первое зло больше второго.

Интересно, что с поведением горных животных в некоторой степени сходно поведение копытных зверей в глубоком снеге. «Прошлый год у нас шибко глубокие снега были, — рассказывал знакомый лесник Иван Петрович. — Встретил на обходе лося, так у него только шея с башкой да рогами видна, а сам весь в траншее — натерил себе

ход в снегу. Дай, думаю, пойду за ним — чего делать будет? Повернул я лыжи. Лось шел, шел, пока траншея была, а как кончилась, встал и стоит, а в снег не лезет, видать понимает, что ему там хана, ходу не будет. А ну, поближе подойду. Только тронулся, лось уши прижал, мотанулся вверх, повернулся и попер на меня. Я ору, а он ломит, проскочил мимо, аж вмял меня в обочину и, гад, лыжину копытом раздавил».

Понимание собственного бессилия в глубоком снегу, особенно когда есть снежная корка-наст, доступно не только лосю, но и кабанам, другим копытным животным. Сход с тропы влечет неминуемую гибель, хищник или человек быстро завладевает жертвой, попавшей в беспомощное состояние. И они, несмотря на приближающуюся опасность, предпочитают не сходить с тропы, где имеется возможность к сопотравлению.

Значит, горный козел на вертикальной круче и лось в глубокой траншее, протоптанной им в снегу, понимают, что из двух зол надо выбрать меньшее, и действуют в соответствии с правилом, которое можно назвать «Правилom различия степеней опасности».

Мишкин уловки

Медведь сладен, но из всех сладостей он предпочитает мед. Это подтверждают все цирковые дрессировщики медведей. Ради меда медведь готов идти на мучения, терпеть болезненные укусы пчел. Чтобы добраться до пчелиных сот, Михаилу нужно расширить дупло и просунуть туда лапу. Действуя ею, он загребает и вытаскивает наружу пахучие соты с медом, который тут же поедает вместе с сотами и пчелами.

«А как он их раскочегарит, всю его башку облепят — живого места нет, глядеть страшно, — рассказывал мне пожилой лесник, не раз за жизнь наблюдавший нападения пчел на косолапых грабителей. — Да в глаза, да в губы, в уши, в носопырку — жалят и жалят... Одни отжалются, другие летят. Он аж стонет, плачет, жалобно так, но дела своего грабежного не бросает. И вот настырная зверюга: покуда все соты не выгребет — не отступает. Опосля морда у него начинает опухать, особо веки, нюхалка, пасть по краям, да и уши тоже. Видать и больно-то ему, и зудит — лапой трет, по земле катается, потому что не только головашку изжалят, но и все органы и тело его мохнатое. После грабительства он несколько дней мордой трется об деревья либо лапой скребет и бурчит себе под нос, недовольство проявляет».

Несмотря на принимаемые мучения, медведи не отказываются от своего разбойного промысла и каждый раз терпят укусы рассвирепевших насекомых. Однако некоторые из них, вероятно наиболее смысленные, пытаются уменьшить свои страдания путем различных уловок. Каковы же они — эти уловки?

Борть-колодину с пчелами зверь норовит сбросить и принимается катать ее, чтобы выморить обитателей, а потом уж внутрь лезет. На пасеке юга земли вятской повадившийся туда медведь обычно тащил украденный улей к реке. Там он сбивал крышку и опускал в воду рамки с медом, после чего мокрые пчелы меньше беспокоили его.

Охотовед Владимир Веденичев с товарищем на Урале наблюдал другую медвежью хитрость. Зверь подошел с дальнего края пасеки к последнему улью. Стрелять было далеко, поэтому охотники в надежде, что зверь подойдет ближе, сидели в засаде и затаив дыхание наблюдали.

Немного потоптавшись, словно обдумывая план действий, медведь подошел к улью вплотную, встал на задние ноги, размахнулся правой передней лапой и ударил по улью. Видимо, силушки при ударе Михайло не пожалел, так как улей отлетел метра на три, а рамки из него, рассыпавшись, улетели еще дальше. Хлобистнув по улью, медведь тут же убежал. Почему?

Охотники, смотревшие на медвежьи бесчинства, сидели

не шелохнувшись, поэтому было ясно, что зверь испугался не их. Дальнейшие наблюдения показали, что это был не испуг, а ловкий прием избежать кары разворошенных пчел. Медведя не было минут пять, а может, чуть больше. Потом он появился, схватил зубами рамку с сотами и снова убежал, но сделал это менее стремительно, чем в первый раз: видно, пчелы поутихли, разлетелись и были менее страшны. Отойдя метров на 20 в густой кипрей, зверь принялся вкушать ароматные соты с медом, запах которого доносился и до охотников.

То ли медведь заподозрил неладное, но больше за рамками не приходил. На следующее утро охотники отправились по следам безобразника и нашли на разном удалении от пасеки еще несколько рамок, утащенных им в предыдущие посещения пасеки.

Как медведь дошел до этой уловки, приходится только гадать, прием несомненно эффективный: хоть и не удается избежать укусов вообще, но снижается их общее количество. «Сообразил-таки мохнатый грабитель», — закончил свой рассказ с улыбкой Володя.

Михайло глотает рыбу

На обрывистом берегу сибирской реки Бирюсы, о которой когда-то проникновенно пела Майя Кристаллинская, еще зимой леспромхоз заготовил для сплава большие штабеля сосновых и еловых бревен. От каждого штабеля к речному обрыву были проложены, как рельсы, длинные гладкие стволы лиственницы, по которым рабочие сбрасывали с шестиметровой высоты тяжелые лесины.

Однажды, придя на работу, они издали заметили на обрыве крупного медведя, глядевшего в воду, и стали затаив дыхание наблюдать за ним. Потоптавшись на крутире, зверь подошел к ближайшему штабелю, облапил бревно и потащил, сопя, к обрыву, а потом бросил его в реку. Затем вернулся за вторым, третьим, четвертым...

Наблюдая за действиями неожиданного помощника, рабочие не спешили слугнуть его. «Бугор! Наряд косолапому выписывай», — шепотом сказал один из них, улыбаясь бригадиру.

Потом медведь стал расшатывать целый штабель, и бревна, скользя по слегам, стали кувыркаться вниз, гулко шлепаясь о воду и поднимая фонтаны брызг. Тут зверь поглыдел на реку, рывкнул и убежал вниз по течению.

С той поры медведь стал приходиться чуть не каждый день. Заряд трудолюбия у него был разный: то полштабеля разворотит, то пару бревен скинет, но каждый раз убежал в одном направлении — туда, куда уплывали бревна.

«Мы заинтересовались этим, — рассказывал техник Максаев, — и однажды подглядели, куда спешит мишка. Обнаружили его километрах в полтора, на отмели. Он шлепал лапами по мелководью, вылавливал рыбу и бросал ее на берег, но странное дело, рыба эта не прыгала, не билась на земле. И тогда все прояснилось: она глухая! Медведь, сбрасывая бревна с обрыва, иной раз и попадал в косяк хариусов, а потом течением «контуженных» прибивало к пологому берегу, где зверь и вылавливал их».

Как же медведь догадался ловить рыбу таким способом? Вероятно, он проходил отмелью, когда рабочие сбрасывали бревна, и поймал несколько оглушенных ими рыб. Совпадение звука падающих бревен с подкормкой образвало условный пищевой рефлекс на этот звук и на место отмели. Позже медведь мог случайно сбросить бревно, а услышанный звук напомнил ему о приятном угощении, и он поспешил на мелководье, где опять постачивилось словить хариуса, может, и неглушеного. Но теперь образовалась цепочка условных рефлексов и медведь обучился добывать рыбу с помощью сбрасываемых бревен. Наверное, так и есть. Но, может быть, попался просто умный-преумный медведь и с ходу «просек» эту хитрость, увидев сверху после сброса бревна перевернувшегося кверху брюхом хариуса.

МЕЛЬНИКОВ В. В., МЕЛЬНИКОВ В. К. Что такое охотничье хозяйство?	1
СЕВАСТЬЯНОВ А. Весна не только по календарю	4
СМИРНОВ М. Страхочная петля — универсальный элемент оборонительного поведения диких животных	6
Итоги фотоконкурса «Охотник и природа, 2006»	9
МУРАВИЦКИЙ В. Кажется, это было совсем недавно	10
ШРЕДЕР В. Славный юбилей (К 60-летию Е. А. Бра-тухина)	13
ЛАВРОВ Л. Консервирование бобровой струи	14
ТИШКЕВИЧ С. Волки Горного Бадахшана	16
ПОЛЕВОЙ В. Соболь в моем доме	18
СТРУЧКОВ А. Голоса гончих	20
ШАРАФУТДИНОВ А. Нужно ли разграничивать полномочия гончих	22
НАРТОВ Д. Стихи	23
АСТАФЬЕВ Н. Хочу продать ружье: что я должен делать?	24
ЧЕРНЫШЕВ В. Фотографирует Виктор Усков	25
БЛЮМ А. Парадоксы — история или перспектива?	28
МАСЛОВ Ю. Мое ружье: вопрос-ответ	31
ПЕТРОВ Б. Весна на снегу	32
БУЛГАКОВ М. Русские писатели-охотники. Флегонт Арсеньевич Арсеньев. 1832—1889	36
АРСЕНЬЕВ Ф. Белый Бор	38
СТОЛЯРОВ К. Возвращение шедевров. «Царская охота на Руси», «Охота в Беловежской пуще»	38
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	3
ШИШКИН В. Воробьиные	48

На первой странице обложки:

Ястреб-тетеревятник — гроза тетеревов, рябчиков, белых куропаток, глухарей, скворцов и других пернатых обитателей наших лесов, лесотундр и лесостепей

Фото А. Севастьянова

На второй странице обложки:

После выстрела медведь скатился в берлогу. Добыть его оказалось легче, чем вытащить из берлоги

Фото С. Кашлача

Иркутская обл., Чунский район.

Фотоконкурс «Охота и природа, 2006»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжжин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Л. Н. Иконникова

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 24.12.06 г. Подписано к печати 04.02.07 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 29 840 экз. Заказ 3534. Цена 37 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат». 142300, г. Чехов Московской области, тел./факс (501) 443-92-17, (272) 6-25-36. E-mail: marketing@chpk.ru

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452

ВОРОБЬИНЫЕ

На каменистой гряде, согретой весенним солнцем, подпрыгивает, «чэкает» и вздергивает хвостом небольшая воробьиная птичка с серым верхом, охристой грудью и белым брюхом, с черной узкой маской, черными крыльями, белыми надхвостьем и хвостом, конец которого украшен черным рисунком в виде перевёрнутой буквы «Т». Это самец **обыкновенной каменки**. Здесь же и буроватая, лишенная маски самка ныряет с гнездовым материалом в щель между камнями, строит гнездо. Каменки, мелкие родственники наших дроздов-певунов, обитатели преимущественно аридных открытых и гористых биотопов Африки и Евразии. Обыкновенная каменка продвинулась дальше прочих на север, вплоть до арктических островов. Свой скромный вокальный репертуар каменки компенсируют сложными демонстрациями, разнообразными нарядами. Часто даже специалисту нелегко выявить видовую принадлежность самцов, не говоря о самках. Встречаются цветовой морфы, гибриды. Лучше других отличается **каменка-пласунья** (от каменки обыкновенной — крупными размерами и большим развитием черного на хвосте), обитающая в лесостепной, степной и пустынной зонах. У **пустынной каменки** (ареал почти схож с пласуньей) черный цвет на хвосте занимает еще большую площадь. У самца черное горло, верх охристый. Есть черногорлая морфа и у самцов **испанской каменки**, обитающей у нас на Кавказе, однако черный цвет на хвосте у них затрагивает срединную полосу и постепенно поднимается вверх по наружным опахам крайних рулевых. Такой же рисунок на хвосте у похожей и часто гибридизирующей с испанской **каменки-пleshанки**, гнездящейся от Кавказа до Забайкалья. У самцов пleshанки верх спины и бока шеи черные. С гор Ср. Азии в Оренбургские степи залетала **черная каменка**, у которой известны три цветовой морфы самцов: черная, белобрюхая и белошапочная, рисунок на хвосте напоминает обыкновенную. Из Закавказья и Ср. Азии могут быть залеты **златогузой каменки** с рыжеватыми основаниями хвоста, над- и подхвостьем. У самцов западного подвида (залет на Куршскую косу) горло черное, на хвосте белые зоны. В Дагестане и Предкавказье возможно появление **черногорлой каменки**. Самец напоминает самца испанской, но рулевые с белыми вершинами у черной ровной полосы. Образ жизни всех каменок схож. Их ближайшие родичи **чеканы** отличаются не только меньшими размерами (вес около 20 г), но и предпочтением открытых травянистых биотопов с хорошо укрытым гнездом на земле. Если **луговой чекан** освоил европейскую часть России и Западную Сибирь, то **черноголовый** обитает почти для всей Сибири, доходя на Дальнем Востоке до Сахалина и Курил. Самцы хорошо отличаются окраской головы: у лугового белая бровь и узкая черная маска, у черноголового вся голова черная. Самки буровато-пестрые. На Алтае обнаружен на гнездовании и внесен в Красную книгу России **большой чекан**, напоминающий укрупненную, белогорлую версию черноголового с большим развитием белого цвета на крыльях. Из Ср. Азии под Оренбург залетал черный чекан (в окраске самца доминируют черные тона). Специфична группа **каменных дроздов: пестрого и синего**. Различиями со скворца (синий крупнее), эти виды тяготеют к горным биотопам от Испании до Забайкалья (синий — до Приморья). Общий сизовато-синий тон самца синего каменного дрозда у пестрого дополнен красновато-рыжеватыми грудью и хвостом, буроватыми крыльями и белой метиной на спине. Самки по окраске напоминают самок земляных дроздов (см. № 2). С каменными дроздами часто сближают **белогорлого дрозда**, гнездящегося у нас на Дальнем Востоке. Самец похож на пестрого каменного, но синие только шапочка и пятно на крыле, белое горло и зона на крыле, черная маска. Все каменные дрозды хорошие певуны, в отличие от каменок. Пестрый и синий гнездятся в скальных нишах, белогорлый на земле. Наконец и в Россию залетела **синяя птица** (Приморье, 80-е гг. XX в.). Это один из самых крупных видов дроздовых (вес более 200 г), гнездящийся в горах Ср. Азии, Индии и Китая у водотоков, отличается не только изысканными сине-фиолетовыми тонами темного оперения, но и звучной свистовой песней с элементами пересмешничества. Образует ряд подвигов (у среднеазиатского клюв желтый, радужина буроватая, у китайского клюв темный, радужина красная). Хороший певун-имитатор, синяя птица нередко становится домашним любимцем.

В. ШИШКИН

Златогузая каменка, самцы западного и восточного подвидов

Каменка-плясунья, самец

Синий каменный дрозд, самцы западного и восточного (краснобрюхого) подвидов

Пустынная каменка, самец

Обыкновенная каменка, самец и самка

Пестрый каменный дрозд, самка самец

Синяя птица, восточный подвид

Испанская каменка, самец

Каменка-плешанка, самец

Белогорлый дрозд, самец

Черная каменка, самцы белшапочной и темной морф

Черногорлая каменка, самец

Черный чекан, самец

Большой чекан, самец

Луговой чекан, самка самец

Черноголовый чекан, самец и самка

обыкновенная каменка

большой чекан

Дорогие друзья, наши подписчики и читатели! Подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство» продолжается

В розницу журнал не поступает, только оформив подписку, можно стать его обладателем.
Вот что говорят о журнале наши читатели:

✉ «Уважаемая редакция!.. Хотим поздравить моего отца Кирпота Михаила Павловича с 85-летием... благодаря любимому занятию он бодро себя чувствует и успешно охотится. Добытый в этом сезоне кабан является его 233 по счету трофеем... Листая с ним страницы любимого журнала, подшивки которого хранятся у нас с 1962 года, мы переносимся в мир природы, и неопишуемые чувства переполняют наши души. Пусть эти чувства прибавят моему отцу здоровья...»
М.М. Кирпота
Литва, г. Паневежис

✉ «Народ Союза был самым образованным в мире. Я, например, выписывал ежегодно 5 газет и 3 журнала: «Охоту и охотничье хозяйство», «Рыболовство...» и «Советское фото». Сейчас, как прозвучало даже в КВН... «разорвали на кусочки национал-патриоты всю страну»... я оказался в другом государстве, выписываю только «Охоту и охотничье хозяйство». Охотники с доходами поскромнее выписывают журнал в складчину, поскольку он является фактически энциклопедией в области охоты...»
Грековы
г. Одесса

✉ «Здравствуйтесь уважаемая редакция! Пишу вам из г. Николаевска Ставропольского края. Мой муж Беседа Михаил Захарович охотится уже около 30 лет, а журнал выписываем более 20 лет, очень его любим, перечитываем от «корки до корки»
В. Беседа
Ставропольский кр.

✉ «Уважаемый главный редактор! Не считите за лесть, но вот уже на протяжении многих десятилетий, несмотря на великое множество расплодившихся охотничьих журналов, ваше издание остается самым любимым, и оно не утратило своей актуальности». По поручению коллектива охотников Татьяна Волкова
г. Калуга

✉ «Уважаемая редакция, здравствуйте! С 1978 года я ваш большой поклонник. Сердечно вам благодарен за ту красоту и радость, которую вы несете со страниц вашего журнала своим читателям. Я не мыслю себя без природы...»
А. Шувалов
Ставропольский кр.

✉ «Здравствуйтесь уважаемая редакция! Пишут вам дочери заядлого охотника Гордеева Виталия Васильевича... Наш папа – ваш постоянный подписчик с 1973 года. Раньше он выписывал много изданий... Сейчас он от этих журналов отказался из-за подорожания жизни, а про вас говорит: «Не будет денег – займу, но подпишу!» Читает отец в первую очередь статьи об оружии, очень сожалел по поводу смерти ведущего и автора этой рубрики М.М. Блюма...»
Валентина и Юлия Гордеевы
Татарстан

✉ «День добрый, глубоко-уважаемая редакция! На протяжении многих лет являюсь почитателем вашего журнала. Мой охотничий стаж с 1970 года. Каждый номер журнала – это праздник для нашего брата охотника...»
Владимир Фисаков
г. Черногоorsk, Хакасия

Наш индекс - 70673 на полгода по каталогу Роспечати
Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru